

Джумънияз Джаббаров

РОДНОЕ ТЕПЛО

СТИХИ И ПОЭМЫ

Ташкент
Издательство литературы
и искусства
имени Гафура Гуляма
1982

Уа
Д40

Художник *Б. А. Хайбуллин*

Рецензент *В. Д. Новопрудский*

Д $\frac{70403-224}{М352(04)-82}$ 104-82 4702570200

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1982 г. (стихотворения, отмеченные в содержании*, и оформление).

СТИХИ

---

*И сознаю я, как щедра земля,
Что родила благоуханный воздух,
И этот бархат ночи, и поля,
И эту жизнь, и эту веру в звезды!*

ЧЕЛОВЕК

Чем-то сходен человек любой —
Друг ли давний, спутник ли случайный —
С книгой, не прочитанной тобой,
С не разгаданной покуда тайной.

Полон страсти неумной он,
Скрытых сил и веры непреложной.
Мозг его усталый озарен
Светом мысли, яркой и тревожной.

Сын земли, он по земле идет,
Далью расступившейся влекомый,
И его высокий небосвод —
Это солнце, молнии и громы.

Сокрушаясь, радуясь, любя,
К цели он стремится сокровенной.
Он один вместить сумел в себя
Мудрость бесконечную Вселенной.

В нем, как в бездне, боль и торжество,
Гнева тень и властный зов исканий.
Нервы обнаженные его
Как алмаза режущие грани.

Прост, велик, в веках неповторим,
Он себя не славословит тщетно, —
Молча горд он званием своим,
Предан он Отчизне беззаветно.

... Если хочешь, чтоб тебе в ответ
Щедрый мир душа его открыла,
Обмакни перо свое, поэт,
В трепетную кровь, а не в чернила.

* * *

Как много солнц пылает во Вселенной —
Не сосчитать!
В огнях искристых высь.
Иные звезды меркнут постепенно,
Другие звезды только родились.

Вселенная полна чудес от века,
Но для меня не звездами она,
А нравственным величием человека
И разумом его озарена.

В КАБИНЕТЕ ЛЕНИНА

Есть памятная комната в Кремле —
Ей равной не найдешь на всей земле.
Простая дверь, — но за ее порог
Ступить я без волнения не мог.
Напрасно говорят, что здесь музей, —
Здесь до сих пор — душа планеты всей,
И время, в тишине едва журча,
Слилось с живым дыханьем Ильича.
Чернильница с утра полна чернил,
А этот карандаш он сам чинил,
Стол, пресс-папье, бумаги — всё вокруг
Хранит тепло его знакомых рук.
Как будто он, как прежде, среди нас
И лишь в соседней комнате сейчас —
Беседой важной занят, но вот-вот
Сюда шагами быстрыми войдет.
Войдет, шутя и споря на ходу,
Спеша вернуться к вечному труду,
И спросит у меня, садясь за стол:
С каким вопросом я к нему пришел?

ДОМ

Дом — это радость, хлопоты, заботы,
Твоя семья, твоя судьба, твой трон.
Куда, как не домой, пойдешь с работы,
Коль вспомнишь про характер наших жен?
Пусть это шутка, — на земле без дома
Не может быть счастливым человек.
Дом — это мир, где все ему знакомо,
И памятно, и дорого навек.

Дом для него и будничность и чудо,
Привал, что ждет солдата впереди.
Дом для него, как космодром, откуда
Берут начало звездные пути.
Нам снится дом в разлуке с отчим краем —
И нет душе покоя, и опять
По женам мы мучительно скучаем
И говорим:
— Детей бы повидать...

Как солнце отразилось в капле малой,
Так отразился для тебя твой дом
В листке бумаги, в скатерти лпнялой,
В потертых книгах за двойным стеклом.
Дом для тебя не щедрое наследство,
Не капитал, с которым свыкся ты,
А преданность, воспитанная с детства,
Земле и людям,
Думы и мечты.

Дом — не ковры, что комнату согрели,
Не люстры блеск, а добрый свет лица,
Единство мыслей, общность гордой цели
И спаянные дружбою сердца.
Не можешь от людей ты отделиться,
Когда твой дом живет судьбой страны,
Когда он Родины твоей частица,
А не четыре каменных стены.

КОГДА ВСТРЕЧАЮТСЯ ГЛАЗА...

Увидел —

и на миг блеснул волшебный свет:
Взглянули мне в глаза ее глаза газельи!
И с грустной нежностью я ей глядел вослед
И в сердце чувствовал то горечь, то веселье.
Зарей весеннею душа моя зажглась,
Мечты нахлынули взволнованным приливом...
Не чудо ли, друзья, когда две пары глаз,
Совсем случайно встретившихся глаз,
Потом становятся созвездием счастливым?

* * *

О родные сердца — мать, супруга, сестра,
До земли перед ними склониться должны мы.
Как преграды легки, как судьба к нам щедра,
Если женщиной мы беззаветно любимы!

* * *

Зима... Лукаво щиплетя мороз..
Снежинки вьются серебристой стаей.
Я помню, хохотала ты до слез,
В меня снежки на улице бросая.

А щеки — ярче маков на лугу,
И вся ты в снежных брызгах, озорница!..
С тех пор в себя прийти я не могу,
Душа в смятенье — по тебе томится.

Неправду говорят, что лишь весна —
Пора любви, пора ее восхода:
Уж если к нам любовь прийти должна,
Она придет в любое время года.

Ты мыслишь так стремительно порой,
Так красочна игра воображенья,
Что кажется, как глобус, шар земной
Обрел внезапно зримое движенье.
И все, чем мир прекрасен и богат:
Улыбка листьев на восходе раннем.
Людские судьбы, щедрый звездопад,
Простор, залитый солнечным сияньем, —
Всё перед взором предстает твоим
И за прозреньем воздаст сторицей.
Жизнь — словно море, и, волной гоним,
Твой челн к лучистым маякам стремится.
И чудится: ты полон новых слов,
Все расцветает под твоей рукою.
Тревожный шорох песней стать готов,
Былинка может сделаться строкою.
Но стоит только кончиком пера
Листа коснуться — истинная мука:
Рожденье слова — это не игра,
А трудная и строгая наука.

ХЛОПОК

Где б ни был я, —
Мгновенно, поневоле,
Услышав про родной Узбекистан,
Я представляю хлопковое поле —
Цветущий дол, что солнцем осиян.

Цвет абрикоса сызмала, бывало,
Мне цветом хлопка мпился по весне.
Вершиной серебристого Чаткала
Хирман зимой вставал навстречу мне.

Увижу снег я —
Мне и нынче впору
Узнать в нем хлопок, так он чист и бел.
Найдется ль человек у нас, который
Назваться б хлопкоробом не хотел?

Я морем плыл —
И становилось знобко,
Когда вскипал высокий пенный вал.
Но даже в нем я видел кипень хлопка
И песню хлопкоробам посвящал.

Внизу под самолетом, как сугробы,
Белели густо облака вдали.
А мне казалось —
Это хлопкоробы
Поднять хирманы до неба смогли.

Горжусь я хлопком.
Чуть весна проснется —
Взгляни вокруг, — ростки его взошли.
Он — зрелость края моего,
Он — солнце,
Поднявшееся к нам из-под земли.

Когда б, весы отладив к урожаю,
На чашу бросить знойный небосклон,

А на другую — хлопок,
Обещаю,
Что даже солнце перетянет он.

Цвети же, хлопок, все щедрей и краше
В долу, в степи, в родном моем краю!
Ты — наша сила,
Ты — единство наше,
И я тебя признательно пою-

НОЧЬ НА БАХЧЕ

Луна лежит, как дыня, на бахче.
Торжественного купола громаду
огромный тополь держит на плече.
Ночь на бахче подвластна аромату.
Лежу, раскинув руки... Звездный град
летит и тает в серебристом дыме.
Шалаш плывет, как лодка, в волнах гряд.
На гребнях волн, белея, стынут дыни.
И я плыву, раскинувшись... плыву
сквозь этот запах —
дынный,
лунный,
юный!

Сон на бахче как чудо наяву.
И дыни как скатившиеся луны.
И в лунном свете тает звездный свет,
но там, далеко, в серебристом дыме,
моей звезды
не исчезает свет,
живет ее неназванное имя.
Свети же мне, гори, звезда моя!
Лишь оттого, что есть твой свет заветный,
полна надеждой песня соловья,
что льется сладко с ветки незаметной!
Шумит арык далекий,
табуны
вдали
сошли
на клеверное поле,
и трескается кожура луны,
и снова воздух ароматом поит.

И сознаю я,
как щедра земля,
что родила благоуханный воздух,
и этот бархат ночи, и поля,
и эту жизнь,
и эту веру в звезды!

СЕРДЦЕ ПОЭТА

Не мог ресниц сомкнуть он досветла, —
Летя в ночи,
Звала его планета.
И горечью душа его была
Отравлена и радостью согрета.

Он мысленно сквозь сумерки шагал,
Выпытывая тайны у природы, —
На снежный поднимался перевал
И находил спасительные броды.

Цвели сады и степи впереди,
И, чутко скрыт и бережно лелеем,
Огонь, дрожа, горел в его груди —
Похищенный у бога Прометеем.

Он шел к лачугам,
Поднимался он
В дворцовый зал по мраморным ступеням.
Он стужей был и зноем опален,
Промочен до костей дождем осенним.

Ловя влюбленных шепот,
В полный рост
Над мирозданьем встав в молчанье строгом,
Бродил он одиноко среди звезд
По голубым космическим дорогам.

Над малышом,
Мятущимся в бреду,
Он с матерью склонялся часом ранним,
Он постигал стороннюю беду,
Он цену узнавал людским страданьям.

А где-то гулко рвался небосклон,
Прошитый пулями,
В огнях и дыме.
И люди наземь падали, и он,

Как раненая птица,
Падал с нимф.

Текли часы,
Сменялись времена
В бессонницу вместившегося года.
Добро и зло, война и тишина —
Все в сердце затаилось до восхода.

И понимал он,
Как тревожна мгла,
И чувствовал, как прав сказавший это:
Расколот мир — и трещина прошла
По сердцу обнаженному поэта.

* * *

Я сын стремительного века,
Сын удивительных времен,
Когда по воле человека
Был путь к свободе утвержден.
Но в мире столько распрей грозных
И горьких смут, не пужных нам;
Есть у людей дорога к звездам...
Есть окровавленный Вьетнам...
И потому в душе мятежной,
Единым чувством стать успею,
Живут и радость, и надежда,
И справедливый тяжкий гнев.
Ответь мне, возмущенный разум,
Скажи мне, сердце, почему
Добро и зло приходят разом
И трудно веку моему?
И к небу рвущееся пламя,
Стена багрового дождя
Гудит над взрытыми полями,
Детей и взрослых не щадя.
И где-то дали потускнели,
И полдень сумрачен и мглист,
И вместо голоса свирели
Я слышу бомб протяжный свист.
И осыпается щебенка,
И я под пулями стою,
И тот, кто целится в ребенка,
Свинцом пронзает грудь мою.
И я прошу — пока косматым
И едким дымом заслан путь,
Звучи, поэзия, набатом
И для убийц возмездьем будь!

ПОИСК

Кто бы ни был ты —
Поэт или ученый,
Ты укрепишь достоинство свое,
Признав, что жизнь — вот мастер умудренный,
Ты только подмастерье у нее.
Как ты измеришь,
Мерюю какою,
То малое, что ты постичь сумел?
Для солнца и в зените нет покоя,
Не спит река — таков ее удел.

Кто истину отобразить стремится,
Тот так же ищет за звеном звено,
Как собирает жемчуг по крупнице
Нырлящик, опустившийся на дно.
Для каравана, что бредет устало,
Пристанище отыщется в пути,
Но на дорогах творчества
Привала
И станции конечной не пайти.

И если у тебя тропа такая
К вершинам дальним, —
В непогодь и тьму,
Клонясь под ношей,
Пот с лица стирая,
Иди по ней к бессмертью своему.
Кто разлучится с тайной сокровенной?
Но, право же,
Тоскуя и любя,
Ее он выведает у Вселенной
И проще и верней, чем у тебя.

Сомненьями полна душа джигита —
Не зря ль стоит он под твоим окном?
А город спит,
И тайна эта скрыта
В твоей груди,
В безмолвии ночном...

Когда ты рядом, мне открыто
Все непонятное досель.
Твои слова теплом налиты
И сладкозвучны, как газель.
В тебе и радуги, и громы,
И заревые ветерки,
И сердцу близкий и знакомый
Напев стремительной реки.
И холодность вершин, чьи грани
Покрыты вечным слоем льда,
И звезд веселое сиянье,
Не гаснущее никогда.
А щеки девичьи румяны,
А щеки девичьи нежны,
Как бархатистые тюльпаны
Под солнцем трепетной весны.
Сильней, чем утренние росы,
Глаза лукавые горят,
И льются смоляные косы,
Как затененный водопад.
Откуда красота такая,
Какой и нет ни у кого?
И ты смеешься, отвечая:
— Спроси у сердца своего!

ПРОСЬБА

Отдам тебе я травы и цветы,
Восходы небывалой красоты,
Все мирозданье, коль захочешь ты.

Отдам тебе сияние небес,
И птичий звон, заполонивший лес,
И семь ветров, и семь земных чудес.

Я солнце принесу тебе в горсти,
Рассыплю звезды на твоём пути,
Сумею в косы ночь тебе вплести,

Ты прикажи — отдам тебе навек,
Я облаков волнистых плавный бег,
Величье гор и слышь певучих рек.

А у тебя прошу я одного:
Твоей улыбки,
Взгляда твоего, —
И больше мне не нужно ничего.

ПОЭЗИЯ

Поэзия — от яблони в цвету,
От звонких птиц, поющих на лету,
От синих гор, зовущих в высоту,
От веры и влюбленности в мечту.
Еще один появится поэт —
И заново рождается на свет
Поэзия. И ей исхода нет.

Лишь в ней одной отражены до дна
Года тревог — лихие времена,
Ночные думы, грохот падуна,
Разлуки, встречи, нежность, тишина.
В ее волнах отчетливо видны
Сплетенья наших судеб, явь, и сны,
И тайны, что в сердцах заключены.

Она — не лужица, она — родник.
Ты на нее взгляни хотя б на миг;
Как много сил, как много слов живых
Дает она тому, кто к ней приник!
Искать ее повсюду не спеши:
Она боится суеты и лжи,
Она таится в глубине души.

Вы радость звонкую мою
Не принимайте за беспечность.
В плену иллюзий не хулю
Летающей жизни быстротечность.
Нельзя несхожие сердца
Казенным мерить графаретом:
Одни сгорают до конца,
Другие светят робким светом.
И полные тревогой дни
И разъяренные стихии
Способны сжечь сердца одни
И закалить сердца другие.
Тот не поэт, кто, в грудь стуча,
Считает сам себя великим
И заменяет сгоряча
Живое слово тщетным криком.
Пусть, отражен в душе моей,
Мир, не деля себя на части,
Мне открывает все полней
Свою тоску, и боль, и счастье.
В воображении моем —
Его дожди, его метели,
Пути-дороги, вешний гром,
Меридианы, параллели.
Видны мне ветер, и заря,
И горы, вставшие сурово,
И звезды в небе,
И моря
До горизонта голубого.
Я славлю их, я их пою,
Я верю в силу их и вечность.
Вы радость звонкую мою
Не принимайте за беспечность.

АТЛАНТИКА

Атлантика лежала предо мною,
Пылало солнце,
Восходя в зенит.
Был горизонт,
Как радужной каймою,
Взлетающими волнами омыт.

Казался бесконечным плес пустынный,
От гулких волн не спрятаться нигде.
Туманы,
Блики,
Быстрые дельфины,
Закаты и восходы —
На воде.

Она, подобно голубому шелку,
Натянutoму туго поутру,
То вся переливалась втихомолку,
То морщилась,
Играя на ветру.

На сотни верст вода — куда ни гляну,
Где край мой отчий,
Где родимый дом?
Который день я плыл по океану
И растворялся в океане том.

Стамбул растаял,
Выцветший от жара,
Исчез Неаполь, дымкою повит.
Меня встречали знойная Сахара
И сфинксы у безмолвных пирамид.

Мне снились съеденные лавой кампни
И мертвый город,
Выжженный давно.
А между тем Атлантика несла мне
В лазурных чашах пенное вино.

Кем был я перед ней?
Какая сила,
Креня корабль, слепа и велика,
Над палубой без устали тащила
Разорванные в клочья облака?

Я обмирал,
Глядел я за борт шало,
Выл океан, весельем одержим.
И небо молча на волнах взлетало
И круто выгибалось перед ним...

СЕНЕГАЛЬСКИЙ ТАНЕЦ

Африканская ночь
  негритянски черна,
Только гроздьями
  звезды
  свисают с чела,
только тусклым
  клинком,
  не успевшим сверкнуть,
изгибается Млечный
  разлившийся Путь.
А вон там,
  в темноте,
  словно новый Тантал,
дотянуться до музыки
  жаждет там-там —
и бунтует,
  и молкнет,
  и молит о том,
чтоб войти в этот круг
  полуголых мадонн,
чтобы пляска ночная,
  как звезды с чела,
подошла,
  снизошла,
  обняла,
  обожгла...

Но блестят
  белозубых улыбок снега,
и проносится в пляске
  ночной Сенегал!
И растет этот грохот,
  и звуков напалм
сокрушает покой
  распахнутых пальм,
и стремительный танец
  ведет за собой,
как ведут в тот последний,
  решительный бой!

В ночи, пссиня-черной,
 как негр в синяках,
 в победительной пляске
 летит Сенегал...
 И за ним мне мерещится
 Африка вся,
 но предел положить этой пляске
 нельзя,
 этой пляске победной
 над Африкой всей,
 что страшна для врагов
 и добра для друзей.
 И течение времен
 не воротится вспять,
 и мечте пробудившейся
 больше не спать,
 так и я позабыть
 не смогу, Сенегал,
 как блещут
 белозубых улыбок снега,
 и грохочет там-там
 все о том, все о том,
 и проносится круг
 полуголых мадонн,
 и созвездья, как гроздья,
 свисают с чела
 этой черной ночи,
 что светлеть начала.

ВСТРЕЧА

Водой чужбины жажду утоляя,
Вдали от Родины и от семьи,
По всей земле, от края и до края,
Работают сограждане мои.

Их труд огромен. И повсюду в мире
Им благодарны за него друзья.
Недавно инженера из Сибири
На улице делийской встретил я.

И хоть друг друга прежде мы не знали,
Объят был каждый радостью такой,
Как будто, занесенный в эти дали,
Он брата увидал в толпе людской.

Мы обнимались, повторяли что-то,
Не отводили друг от друга глаз.
Здоровье, настроение и работа —
Все бесконечно волновало нас.

Пути-дороги. Как мне не воспеть их?..
Работает на Ганге наш земляк.
Он родом с Енисея. Энергетик.
С разлукою не свыкнется никак.

То мать приснится, то жена приснится,
То шум почудится березняка...
Он должен побороть себя, смириться
С тем, что Сибирь от Ганга далека.

Есть люди, для которых ненавистен
Чужой успех, добытый в битве с тьмой.
Но зависти, злорадства и корысти
Не знает соотечественник мой.

Закат погас. Вдоль сада, по аллее,
Я рядом с ним задумчиво иду.

От выпавших росинок тяжелея,
Цветы склоняются в ночном саду.

Так что ж, товарищ мой, припомни снова,
Как по весне звенят в степи ручьи,
Как ветер, дует с плеса голубого,
Смешно ерошит волосы твои.

Не жадность подняла тебя в дорогу,
Не честолюбье к Гангу привело, —
По зову сердца шел ты на подмогу
Туда, где было людям тяжело.

И если свет сегодня там лучится,
Где безысходный мрак царил всегда,
То в этом и твоих трудов частица,
И Родина не зря тобой горда.

* * *

В Калькутте сохранился дом Тагора,
Я там увидел книгу Навои.
До Ганга долетели через горы
Слова привета, братства и любви.
Спеша от человека к человеку,
Посланья дружбы бороздят простор.
И внятно ныне каждому узбеку
Все то,
О чем когда-то пел Тагор.
Что значат расстояния и годы?
Содружеству людскому жить в веках,
Коль тысячи созвучных слов
Народы
Находят на несхожих языках.

ТАДЖМАХАЛ

Склонись перед искусством, ясный разум,
Глаза, прочтите мраморный дастан!
Что на земле сравнится с тем рассказом,
Где каждой строчке свет волшебный дан?
Сияя перламутровым отливом,
Пленяя нежным звоном, как фарфор,
Застыв на миг в полете горделивом,
Дворец невольно поражает взор.
Любовь ему дала очарованье,
Он теплоту ее в себя вобрал.
В сиянье лунном,
В солнечном сиянье —
Равно прекрасен древний Таджмахал.
Просила падишаха, умирая,
Махал, его любимая жена:
— Ты мавзолеей воздвигни мне, когда я
Покину свет...
Я там лежать должна... —
И памятник жене, подобный чуду,
Велел построить грозный падишах.
И двадцать лет,
Стекаясь отовсюду,
Рабы трудилась с трепетом в сердцах.
Вдали от дома,
Голодны и голы,
Любовь, тоску, души последний крик
Они вложили в камень, —
Ганч тяжелый
Замешан на слезах горячих их.
Летят года —
Творенье их нетленно,
Его любовь прославила навек.
Прочти ее и преклони колена
Пред ней, бессмертной,
Смертный человек!

ИНДИЙСКАЯ КРАСАВИЦА

Я стою у Ганга утром —
    чист рассветный небосвод,
И красавица павстречу
    плавно к берегу идет.
Молодая, в легком сари,
    стройная, как кипарис.
Осыпает индианку
    щедрым золотом восход.
Родинка на лбу алеет,
    колдовской огонь в глазах,
И рассыпавшийся волос
    по плечам ее течет.
Из Пенджаба ль, из Кашмира
    девушка на берегу?
Я безмолвно жду ответа
    от бегущих рядом вод.
Вдаль глядит она спокойно,
    словно родина ее,
И в глазах мечта лучится,
    за собою в путь зовет.
Может быть, она студентка,
    может быть, в ее душе
Строф торжественных звучанье
    и высокий их полет?
... Ученик Фурката, втайне
    я мечтаю об одном:
Пусть она меня услышит,
    пусть газель мою прочтет.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Начало дня —
Начало книги новой.
И все в ней ново:
Встречи и слова;
Восход зари над ширью бирюзовой —
В той славной книге первая глава.
Влюбленными и строгими глазами
Гляжу на мир, лежащий предо мной.
Как ученик, идущий на экзамен,
В пути встречаю долгий день земной.
Ласкает ветер травку молодую.
— Салом, весна!
— Товарниц мой, салом!
Пусть день наставший не пройдет впустую,
Пусть принесет он радость в каждый дом!
Пока годятся руки для работы,
Не забывай о людях ни на миг;
Сними с их плеч
Хотя бы часть заботы:
Калитку почини,
Пророй арык.
И пусть тебя,
Уставшего в дороге,
Все лучшее встречает впереди:
Придумай замечательные строки
И друга настоящего найди.
Без добрых дел — ни счастья, ни удачи;
Спаси от зноя деревце в степи,
Ключ отыщи к запутанной задаче,
В вагоне тесном — место уступи.
Будь нужен всем;
Лукавить не умея
И от людей ничем не отделим,
Беду чужую посчитай своею,
Свою же радость — раздели с другим.

ЧАДАК

Геологи разведуют Чадак,
Пустынны скалы, труден каждый шаг.
Загар у них от зноя черным стал,
А в скальном грунте прячется металл.
На сотни верст вода — куда ни гляну,
Его всего лишь грамм, заветный грамм,
Но не найти пока его никак.
Геологи разведуют Чадак.

В глухих горах то ливни, то жара,
Секут лицо свистящие ветра.
В карманах не осталось сигарет,
В пустом ведре воды ни капли нет.
Согреться бы, осилив речку вброд,
Но водка тоже списана в расход.
Безмолвье гор, ночей беззвездный мрак...
Геологи разведуют Чадак.

В защитных касках головы у них,
Над головами — мачты буровых.
Давно постыл, коль не кривить душой,
Быт холостяцкий, вечный суп с лапшой.
В палатках спать, вставать до солнца им,
Но каждый здесь мечтою одержим.
Почти отвыкнув от житейских благ,
Геологи разведуют Чадак.

В ущельях мрачных, в поисках руды
Забудешь ты про парки и сады.
И про руду забудешь, по жене
Затосковав в безлюдной стороне.
Но ведь сюда никто тебя не гнал,
Призвание твое — искать металл,
Искать металл, а это — не пустяк.
Геологи разведуют Чадак.

ДОРОГА

Жизнь человека и его дорога —
Одно и то же; как их разделить?
Уходит от родимого порога
Далекий путь —
Нервущаяся нить.
Бродя в песках, гуляя по аллее,
Чужие навещая города,
Статьи читая, хлопок в поле сея,
Мечтая, строя —
Мы в пути всегда.
Разбег ли плавно поезд начинает
Или в порту корабль пары развел —
На много дней дорога заменяет
Нам улицу, и двор, и дом, и стол.
В дороге мы, когда встаем с рассвета
К станку иль водим трактор дотемна.
Недвижная, казалось бы, планета
На миг остановиться не вольна.
И смерть не может оборвать дороги;
Грядущему,
Горды своим трудом,
Дела и думы, радость и тревоги,
Как эстафету, мы передаем.
А смертен тот, кто, не страшась укора,
Жил в праздности — от века вдалеке,
Как обмелевший родничок, который
Начала не дает большой реке.

Неделя как без видимой причины
Перо мое не слушает меня,
Не замечает ни моей кручины,
Ни затаенного в душе огня.

Как колесо арбы, попав на камни,
Как гром весенний всеу,
Без дождя,
Стучится сердце, словно говоря мне:
«Устало я, секундам счет ведя...»

Лишиться веры — нет больней несчастья.
Бесплодно сомневаясь и скорбя,
Кромсая душу медленно на части,
И день и ночь я мучаю себя.

Как мне собрать распавшиеся звенья,
Найти причину — в чем беда моя:
Или иссяк источник вдохновенья,
Иль волноваться разучился я?

О нет — ни песни, ни ветра, ни зори —
Ничто не чуждо сердцу моему.
Я испытаю истинное горе,
Когда чужого горя не пойму.

Друзьями дорожу, — нельзя иначе,
Я нужен им, и мне нужны они.
Не дай мне, жизнь, водою быть стоячей,
Навстречу мне ты руку протяни!

Ты сделай так, чтоб к тайнам сокровенным
Незримые дороги я постиг,
Чтоб, словно спичка, пламенем мгновенным
Чужие души озарил на миг.

Прошу тебя:
Отныне до скончанья

Уже давно отмеренных мне дней
Избавь меня от горького молчанья, —
Нет для поэта участи трудней.

Как беспокойный, чуткий столбик ртутный,
Хочу, покуда время не ушло,
В пристрастиях твоих ежеминутно
Улавливать и холод, и тепло.

Пусть туго мне сейчас, —
Исчезнут тени,
Высокий прояснится небосвод,
И новое мое стихотворенье,
Как голубая звездочка, сверкнет.

ГЛАЗА

Друзья,
Усмехаться не надо:
Глаза не безмолвны, ей-ей;
Порой от случайного взгляда
Ставится сразу теплой.
Глаза помогают согреться
И холодом могут обжечь.
Они — переводчики сердца,
Дана им правдивая речь.
И радость ли мягко лучится,
Тоска ли проглянет на миг —
Их можно читать,
Как страницы
Живых,
Увлекательных книг.
Ни страсти,
Ни умысла злого,
Беду грозящего нам,
Не спрячут они от другого.
Друзья мои,
Верьте глазам!

МОРЕ

Любовь и грусть, тоску по дому —
Один, в прохладной тишине —
Я морю поверял ночью,
И море отвечало мне.
Оно вздымало к небу волны,
А в небе плавал челн луны,
И звезды лили свет безмолвный,
Значенья тайного полны.
Вскипало море;
Взор туманя
Соленой влагой, шло ко мне,
И были тысячи желаний
В его тревожной глубине.
И сердце стало схоже с морем —
Как будто волю дал я сам
Его ветрам и диким зорям,
Его взлетающим волнам.
Все в песне моря оживало:
И смех весны, и бури гнев,
Дремучий лес у перевала,
Бегущий за джейраном лев.
И соловья зовущий голос,
Что слышен всем издалика,
И темная гроза, и колос,
Склоненный на ветру слегка.
Гремели пенистые воды,
И эхо ширилось, звеня,
И та симфония природы
В груди звучала у меня.

О сердце, если вдохновенье
Придет ко мне хотя б на миг,
Пусть будет и твое волненье
Сродни волненью вод морских.

ЗЕМЛЯ

Земля стареет. На дорогах длинных
И дня ей отдохнуть не довелось;
Как много на лице ее морщинок,
Как много у нее седых волос!
Но, на судьбу крутую не в обиде,
В туманной дымке, в сумраке почей
Летит она по выгнутой орбите,
Притягивая нас к груди своей.
И, словно бы касаясь небосвода,
Она нам дарит и лазурь весны,
И блески снега, и лучи восхода,
И жемчуг звезд, и золото луны.
Земля накормит страждущих досыта
И заслонит от яростных ветров;
Она — твоя опора и защита,
Твоя тропинка и родимый кров.
Летит земля — конца ей нет и края,
Летит земля — всему наперекор,
Могучей грудью дерзко рассекая
Немереный космический простор.
Был путь ее томителен и труден,
И медленно столетия текли,
Пока на ней не появились люди —
Великое творение Земли.
И стало целью тысяч поколений
Планету, на которой мы живем,
Светло украсить зеленью весенней,
Преобразить рачительным трудом.
Так почему ж, когда в накидке белой
Стоят сады, согретые весной,
Я сердцем ощущаю то и дело
Тревогу и тоску земли родной?
Как сон ее — протяжный этот ветер,
Как слезы — эти частые дожди,
И я стою, безмолвный, на рассвете,
И горечь тяжело копится в груди.
И вижу я — злоеший прах клубится,
И бомбы рвут сгустившуюся мглу,

И едкие, соленые крупицы
Расходятся кругами по челу.
Но опадает розовая пена,
И оседает серебристый прах,
И боль земли отходит постепенно,
И только слезы стынут на глазах.
И, не прощая в гневе и печали
Всех тех, чья совесть, словно ночь, темна,
Она, как прежде, в солнечные дали
Летит, не зная отдыха и сна.

ЖДУТ СОЛОВЬИ РАССВЕТА

Ждут соловьи рассвета;
Ветки согны;
Беззвучен сад;
Безмолвствует земля;
Подставив плечи звездам, как колонны,
Поддерживают небо тополя.
Трава склонилась
К ручейкам усталым,
В живой росе бутоны роз блестят.
Проходит ночь под белым покрывалом,
Как белый лебедь,
Через вешний сад.
И разве диво, что в минуты эти
Влюбленные находят тишину
И бродят по аллеям в лунном свете,
И тени их сливаются в одну.
И, сон прогнав, тревожно и упрямо
Ищу я разрешенья тайн ночных,
И вслушиваюсь в плавный скрип каляма,
И бодрствую, как мой бессонный стих...

Ни хитростью, ни похвалбою
Не оскверню я речь свою.
Раскрою сердце пред тобою
И ничего не утаю.
Напрасно страх тебя тревожит,
Не бойся сердце в руки взять.
На каждый твой вопрос, быть может,
Оно ответ сумеет дать.
Ему несносна фальшь любая,
Дурного нет в нем ничего.
Огонь любви, не потухая,
Играет в глубине его.
Смелее в сердце загляни ты,
Спроси о главном напрямик —
И будут для тебя открыты
Все тайны сердца через миг.
А если ложь, как привиденье,
Таится в сердце — решено:
Топчи его без сожаленья,
Не нужно вовсе мне оно...

* * *

Нет слов, чтоб передать величье ночи южной:
Мрак над долинами — как бархатный покров,
А в черной вышине пылают звезды дружно,
Подобно тысячам пастушеских костров.

Тьма непроглядную покажется сначала,
Но глянем в небеса — восторженно замрем:
Волшебным зеркалом внезапно сердце стало,
И миллионы звезд заговорили в нем!

В КУСТАХ ЧЕРНОТАЛА

Хороший скакун у мираба Гани,
Тореная стелется тропка.
И справа и слева — куда ни взгляни —
Пушистое облако хлопка.

И смотрит Гани, седобровый старик,
На травы, летящие мимо,
На белое поле,
На звонкий арык,
Чья влага ни с чем не сравнима.

И вдруг изумленно мираб заморгал:
О боже!
В кустах чернотала
Бесстыжая дочка его, Айджамал,
В обнимку с парнишкой стояла.

Зажегся в груди опьяняющий гнев,
И ярость сверкнула во взоре.
От лютого бешенства побагровев,
Он выдохнул:
— Горе мне, горе!.. —

Влюбленные слепы.
Их вера светла,
И радость не знает предела.
Им столько загадок любовь задала,
Что нет им до прочего дела.

«Ах дочка, кнута захотела ли ты?
А кто этот парень курчавый —
Не сын ли Сабира?
Тогда полбеды:
Идет о нем добрая слава...»

Что делать мирабу — рвануться вперед?
Унять ли безумное пламя?

А парень ответа от девушки ждет
И губ ее ищет губами.

Негодница дочка!
В смятенье старик,
Глядеть на подобное — мука.
И хочется крикнуть ему, но язык
К гортани присох — и ни звука.

И если подумать —
Его ли вина,
Что слов он никак не находит?
Уперся ногами Гани в стремяна,
Глазами растерянно водит.

И гнев понемногу теряет накал:
О молодость —
Нет ей возврата...
Он тоже любимую так целовал
В кустах чернотала когда-то.

ДЕВИЧЬИ СЛЕЗЫ

Мать под вечер дочь свою позвала,
Завела серьезный разговор:
«Дочь моя, теперь ты взрослой стала,
А еще в невестах до сих пор.
Слава богу, ты умна, послушна,
И лицом, и ростом хороша,
Поскорей бы замуж выйти нужно,
За тебя тревожится душа.
Дочь моя, не стану я таптыся:
Сваты поутру ко мне пришли,
На тебе, цветочек мой, жепиться
Очень хочет тракторист Вали.

Парень он здоровый, работающий,
Выйти замуж и тебе пора,
В дом придет хозяин настоящий,
Ты ведь знаешь, я совсем стара...»
Девушка потушилась в смущенье,
Покраснела до корней волос,
Выдает стыдливое волнение
Серебристая полоска слез.
Но смеется взор ее украдкой,
И не знает старенькая мать:
Молодые сами — для порядка —
Сговорились сватов к ней прислать.

Ах, как в сердце горячо и остро
Счастье долгожданное вошло!
Эти слезы — вовсе не притворство,
На душе так жарко и светло.
Мать над ней склоняется тревожно:
«Что ты плачешь, дочка? Не грусти!
Отказать хоть завтра сватам можно
Да получше жениха найти...»
Улыбнулась дочь, еще нежнее
Обняла заботливую мать:
«Мама, мама, разве я посмею
Против вашей воли поступать?..»

* * *

Был в Аккургане на исходе май,
Дол зеленел, и пел весенний най.
Переливалось радужно вино,
И смех и песня были заодно.
И был распахнут мир —
Для нас двоих,
И был среди других особый миг —
И трепетен,
И жарок,
И глубок,
Как поцелуя первого ожог.

И счастлив я,
Что через столько дней
Тот миг пронес я в памяти моей.

.

Наука ныне стала всемогущей.
Для разума преград на свете нет.
Он дерзко проникает в день грядущий
И в тайны неразгаданных планет.
Соединяя берега плотной,
Смиряет он речную быстрину,
По тропкам нетореным
В край пустынный
Ведет зеленоглазую весну.
Он может камни обратить в тюльпаны
И повелеть,
Чтоб говорил металл,
Чтоб нитями струился лист стеклянный
И золотом слепящим уголь стал.
Он вещим светом озаряет недра,
Как дремлющий во мгле волшебный дом,
И дарит нам заботливо и щедро
Богатства,
Спрятанные в доме том.
Из вод бессонных пламя зажигая,
Отодвигает он ночную тьму.
Всесилен он,
И все же, дорогая,
Есть нечто не доступное ему.
Когда ты улыбаешься лукаво,
Когда твой взгляд печалью омрачен, —
Хоть и всеведущ разум,
Только, право, —
Что на душе твоей,
Не знает он.
И как ни пронцицательна наука,
Но и она осмыслить не вольна.
Какая боль в глазах твоих и мука,
Какая радость в них затаена.
Чем сердце женское твое согрето,
Чего так страстно хочется ему,
На что оно досадует, —
Про это
Известно только сердцу твоему.

ХИВА

С рассвета льется солнечное пламя,
Сверкает яркоцветная Хива.
Узоров вязь горит под куполами, —
В них тайна первозданная жива.

Текут века под синим небосводом,
Все изменилось,
Но, как встарь, светла
Та повесть, что написана народом —
Узоров вязь,
Мечетей купола.

А новостройки, — юности порука, —
Уходят ввысь,
И, рада нови той,
Как любящая бабушка на внука,
Глядит Хива на город молодой.

* * *

Только речке, рожденной высоко,
и дойти
в эту дальнюю даль,
этим землям, от жажды иссохшим,
донести
свою щедрую дань.
Лишь у сердца рожденное слово
и окажется среди тех,
что избегли забвения злого
и до ваших
добрались сердец.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Мироздание в каждом живет человеке,
в нем большая Вселенная заключена:
снеговые хребты, многоводные реки,
россыпь дальних светил и соседка Луна.
В нем — подземные сети ручьев разветвленных
и кудрявые ветки деревьев зеленых,
цветники и пустыни, пески и сады,
оперенье развихренной облачной пряжи,
все лесные, морские, степные пейзажи,
зной тропических джунглей и вечные льды.
Человечье дыханье как ветер летящий,
речь людей — соловьиного щелканья слаще,
как росинки и звезды, мерцают зрачки,
из бездонного сердца бегут родники...
А людская душа, как пшеничная нива,
что взошла и созрела для щедрого жнивья
и готова друзьям без остатка, сполна
раздарить урожай золотого зерна.
Кровь людская насыщена солнцем до края,
в ней веселые блески шныряют, играя,
а всеильная мысль, будто луч световой,
держит в космосе путь нескончаемый свой.
Мы с тобой — сыновья и владыки природы.
Нам сопутствует множество братьев и слуг —
минералы и газы,
растенья и воды —
все, что движется и существует вокруг.
Мы с природою связаны плотью и кровью,
из нее мы возникли и стали людьми,
сохрани ж навсегда благодарность сыновью
и ни в чем нашу общую Мать не срами!
Стань товарищем старшим и любящим братом
каждой малой травинке,
любому ручью,
чтоб огромное солнце и крохотный атом
ощущали хозяйскую руку твою!

ФЕРГАНСКИЙ БАЗАР

Люблю в сентябре базары Ферганы:
Прилавки грудami любимых плодов полны,
И всюду запахи осенние слышны, —
Как будто не дышу, а чашу пью с шербетом,
Так сердцу сладостно становится при этом.

Вот персики «луччак» — их целая гора!
Румяны и нежны — отведать их пора,
Готова лопнуть их тугая кожура.
Еще не начал есть — уже во рту чудесно,
А если надкусить — что будет, интересно!

Вот грудa спелых слив. Как мимо них пройдешь?
Эй, черноглазая, почем их продаешь?
Наверно, здесь не зря столпилась молодежь, —
Купить захочется любому эти сливы,
Чтоб только увидеть румянец твой стыдливый.

Кувинский наш гранат повсюду знаменит,
Он треснул, будто бы нарочно приоткрыт.
«А ну-ка подходи!» — нам продавец кричит.
Любой гранат возьмешь — он как ларец старинный,
В котором спрятаны граненые рубины.

А яблоч, яблоч-то! Под солнцем рождены,
Как щечки девичьи, они смуглы, нежны...
«Откуда яблоки, отец, привезены?»
А мне старик в ответ: «Взгляни вокруг сначала,
Вся наша Фергана огромным садом стала!»

Вот спелый виноград — блестит, спит глаза,
«Чарас» и «хусайни» — янтарь и бирюза,
Как только выдержать их вес могла лоза!
От разных гроздей съесть по яголке попробуй,
У каждой аромат и вкус совсем особый.

А толстощечные томаты так красны,
Как будто в огненной печи раскалены,

В такой горячий день — особенно вкусны!
Хорош томатный сок, любых лекарств полезней,
Он сразу исцелит от сорока болезней.

Наверно, и втроем не съесть такой арбуз,
Нигде громаднее не видел я, клянусь,
Язык бы проглотил — такой чудесный вкус!
С тех пор как провели каналы в Яз-Явоне,
Сочней арбузов, друг, нет ни в одном районе.

Хрустящий огурец прохладен даже в зной,
Как фляга, полная весеннею росой...
Но задержались мы — пойдете-ка за мной:
Давайте выберем, как главную святыню,
Царицу этих мест — узорчатую дыню.

А вон на берегу прохладных чистых вод
Большая чайхана гостей желанных ждет, —
Кто много фруктов съел, пускай чайку попьет.
Ах, фрукты Ферганы! В них труд дехкан упорный
Смешался с солнечною силой животворной.

Да, не простой базар я у реки видал, —
Труда и радости я цветники видал,
Вина и сладости я родники видал!
Спасибо, Фергана! Ты — золотая чаша,
Край счастья и трудов, сокровищница наша!

НОВОРОЖДЕННЫЙ

Ребенок веки разомкнул впервые,
и стройный мир из хаоса возник.
Сквозь розовые тучи заревые
слепящий луч пробился, как родник.
Еще ребенку чужд и непонятен
цветистый, многоликий хоровод,
но в сложном сочетанье пестрых пятен,
сияющих бугров и темных вмятин
весь круг явлений дышит и живет.
Далекий лес, едва доступный взгляду,
речная пойма,
гребни сизых гор,
земля и небо
ощутили сразу
младенческий туманно-млечный взор.
Деревья с ветром вихревым в обнимку
пустились в пляс,
а звездные рои,
закутанные в золотую дымку,
ребенку шлют напутствия свои.
Вся наша необъятная страна
как будто выросла и стала шире —
над ней сегодня родилась в эфире
среди несчетных звезд
еще одна.
За нового собрата,
за бесценный
подарок твой
тебе спасибо, мать,
за то, что ты ликующей Вселенной
людскую душу принесла опять!

НЕБО И СЕРДЦЕ

Миллионами звезд с недоступных высот
На нашу планету глядит небосвод.

Моря ему кажутся меньше слезинок,
Леса ему кажутся тоньше травинок,

А солнце с могучей его красотой —
Лишь крохотной родинкою золотой.

Вершины подобны рассыпанным зернам,
Огромные страны — заплаткам узорным,

И самый большой, многоводный поток
Похож с высоты на простой волосок.

Торжественно небо, бездонно-глубоко,
Века для него как мгновения ока,

Сверкает, несчетных созвездий полно, —
А в сердце моем уместилось оно!

* * *

Миллиардами звезд небо смотрит на нас. —
Чтоб его описать, не отыщется слов!
Как дитя, не свожу зачарованных глаз
С этих вечных огней чужедальных миров.

В небесах нерушимый порядок царит,
Льется пенье Плеяд с недоступных высот...
Лишь порой заблудившийся метеорит
Черный бархат иглой золотою прошьет.

Космос — море, а звезды — его корабли,
Млечный Путь перекинут, как сказочный мост,
И восторженно с маленькой нашей Земли
Я люблюсь величьем бесчисленных звезд.

Я молчу... Но внезапно горячей волной
Непокорство и гордость вливаются в грудь:
Ну а что, если небо любит меня,
Миллиардами звезд осыпая мой путь!

* * *

Сумел постичь *всесильный человек
Рожденье бурь и радуги весенней,
Природу молнии,
Движенье рек,
Таинственный язык землетрясений.

Шагает по вершинам он крутым,
Но иногда, не зримая для взгляда,
Житейская преграда перед ним
Встает, как неприступная громада.

И мается беспильный человек
В плену пустых, минутных огорчений,
Как будто изменил ему навек
Его крылатый, всемогущий гений.

ХУДОЖНИК

Бродил художник средь высоких скал,
Куда нечасто залетают птицы,
У гулких водопадов отдыхал,
Читал дубрав зеленые страницы.

И лес, подобно жаркому костру,
Призывно вспыхивал ему навстречу,
И в шелесте тюльпанов на ветру
Звучала нежность стихотворной речи.

И неба предзакатного сурьма,
И вешних зорь багряные знамена,
И крутизна плечистого холма —
Все на душу ложилось затаенно.

И родники,
Устав от тишины,
Журчали и светились бирюзово,
И сумрачные ждали валуны
Веселого и ласкового слова.

И призрачных туманов полумрак,
И ветры, что взволнованно шумели,
И солнце, спрятанное в облаках,
И молнии, сверкавшие в ущелье, —

Все превращалось в мягкие тона,
В штрихи, мазки, оттенки, переливы,
И проступала исподволь весна
В игре цветов —
И грустной, и счастливой.

И краски оживали на холсте,
Даря нам столько радостей тревожных!
Но, строго поглядев на краски те,
К высоким скалам уходил художник.

* * *

Часы растут из крохотных минут,
Из быстрых дней слагаются недели.
Бегут недели, месяцы бегут,
Глядишь, уже и годы пролетели.

«Проходит время...» —
Так из века в век
Мы сетуем на то, что жизнь конечна.
Но время не проходит, —
Человек
Проходит мимо времени беспечно.

Как длинный караван, за годом год,
Вперед шагает время неустанно...
Иди и ты без усталости вперед,
Не отставай в пути от каравана!

* * *

Чтоб жизнь понять и шире и верней,
В глубины жизни погрузись, поэт,
Не забывай: от глубины корней
Зависит крона — леса щедрый цвет.

ЧИТАЯ ФИРДОУСИ

Среди других в немереной веселепной,
Заметный каждому издалека,
Есть монумент,
Высокий и нетленный,
Воздвигнутый в веках и на века.
Он не подвластен горьким и суровым
Законам времени, —
Другой закон
Ему указан: с каждым веком новым
Светлей и выше делается он.

Отмечено счастливою судьбою
Творенье разума, —
Оно зовет
Сердца разбужденные за собою
В неповторимый, сказочный полет.
Встает оно в стремлении великом
Быть у людей всечасно на виду, —
Не пышный храм скучающим владыкам,
А памятник народному труду.

Все на земле глубоким сном объято,
В ночи —
У звезд далеких па виду —
Спит дуб в лесу, замшелый и щербатый,
Спит яблоня цветущая в саду.

Безмолвствует травой заросший берег,
Не будит ветер спящих серых скал, —
Запутавшись в извилистых пещерах,
Как все в округе,
Сам он задремал.

Спит девушка — и ей любимый снится,
И снится конь горячий старику.
Сопит во сне малыш розоволицый,
Прильнув щекой к тугому кулачку.

Плывут в туманной дымке сновиденья,
И тишина такая на земле,
Что собственное ты сердцебиенье
Услышать можешь в зыбкой полумгле.

Но тишина обманчива, —
Дремоты
Не ведает бегущая вода,
Кричит сова,
Лиса идет с охоты,
На стрелках громыхают поезда.

Склонилась мать над детской кроваткой,
Над бейтом бьется досветла поэт.
Пусть бродит сон,
Томительный и сладкий, —
Земля, как сердце:
Ей покоя нет.

СНЕГ

Снег идет...

В снегу холмы и доли, —
Словно пити белые текут,
И земля из них ковер веселый
Соткала и расстелила тут.
Снег идет...

Белеют лес и склоны,
И, вокруг не слыша ничего,
Весь в снегу, стою, замороженный
Шепотом таинственным его.
Вспоминаю детство поневоле:
Бабу снежную на берегу,
Звонкий лед,
Искрящееся поле,
Буквы и узоры на снегу.

Я запел бы,
Медленно шагая,
Только жалко тишину пугать.
Да и тишина вокруг такая,
Что сама — мелодии под стать.
Снег певуч, как ветер легкокрылый, —
На слово поверьте.

Мягкий снег

Чист и светел, как письмо от милой, —
Я его читал бы целый век.
Сеется упрямо и несмело
Частый снег,
И, радостью дыша,
Невесомым делается тело,
Молодой становится душа.
И земля и небо — все лучится,
Пухом все сады заметны.
Снег с ветвей,
Когда взлетают птицы,
Падает, как белый цвет весны.

ФАЗАН

Даря округе яркую красу,
Бродил фазан по клеверным полям.
Он летом пил студеную росу,
Зимую — снег с водою пополам.

Птенцами окруженный,
Поутру
Он важно шел, расцвеченный пестро,
И радугой, дрожавшей на ветру,
Переливалось каждое перо.

Когда искрились на свету луга,
Взлетал фазан над клевером густым.
И люди, замерев, издаലെка
В минуты эти любовались им.

Как будто жаром терпким осиян,
Желанный житель клеверных полей,
Сердца и взоры радовал фазан
Неповторимой красотой своей.

Но грянул выстрел в дымке заревой,
И грудь фазану пуля обожгла.
И дрогнула над птицей неживой
Тяжелая предутренняя мгла...

Пряатель мой, видать, от добрых дел
Вконец устал,
Охотником он стал, —
Взял красоту спокойно на прицел
И уложил, не дрогнув, наповал.

РУЧЕЙ

Был ручей заносчив, хоть и мал —
Пенился, от гордости пьянея,
И большой реки не замечал,
И робеть не думал перед нею.

Он твердил,
Что даже и моря
Преклоняют перед ним колена,
И трепещут люди, и заря
Для него восходит неизменно.

Хвастался ручей:
— Не я ль даю
Вешнему цветению начало?
Влагу щедрую впитав мою,
Ожил лес, зеленым поле стало.

Я струюсь, ликуя и звеня,
Славу утвердив свою навеки.
Ну, а реки... Право, без меня
Многого ли стоят эти реки?

На моей стремительной волне
Пламенеют солнечные краски,
И сладка вода моя, и мне
Мир дивится, как волшебной сказке.

Полон я величия и сил,
Я — природы радужное око! —
Так ручей хвастливо говорил —
Обмелевший, мутный, одинокий.

И, не слыша слов его, река
Вдаль текла спокойно и устало
И про то, что вправду велика,
Не шумела, —
Даже и не знала.

УЖЕ АПРЕЛЬ

Уже апрель.
Торжественна природа,
В цветах — сады и в зелени поля.
И я смотрю:
Светла моя земля!
И на душе прекрасная погода.

Трава спешит росы поднять бокалы,
Рвут половодья
Речек берега.
Все пробудилось. Все пошло — в бега!
Ввысь рвутся маки, словно пламя алы.
Сколь песен здесь,
Сколь птичьих новоселий
В благоуханье роз и резеды.
Безбрежны зелень, солнце и сады —
Все радостью наполнено весенней!
Так почему же мир весь овесенен
И строй стихов поэтов вдохновенен?
И полон мир тепла и новизны?
А потому, что в этот день весны
Для счастья всей земли
Родился Ленин!

ПЕРЕКЛИЧКА ПТИЦ

Как ни спешу,
А все же, на мгновенье
Замедлив шаг и словно не дыша,
Я вслушиваюсь утром в птичье пенье,
И светом наполняется душа.

Еще поспать бы родам и долинам,
Но чуткая округа сгоряча
Разбужена напевом соловьиным,
Как будто звоном горного ручья.

Своя мелодия у каждой птицы,
Но множество оттенков в ней подчас.
И песня может словно раздвоиться,
Печалью став и радостью для нас.

Прислушивайся,
До зари вставая,
Когда еще неярко небосвод.
Как грустно перепелка луговая
Тебе о чем-то издали поет.

Запоминай,
Облюбовав полянку
Под кружевом березовых ветвей,
Как горлица всю рощу спозаранку
Тревожит песней жалобной своей.

О солнечного утра многозвучье!
Зовет кого-то филин то и знай,
Щебечут воробьи,
Молчать паскуча,
И петушинный слышится карнай.

И ласточки проносятся, ликуя,
Над плавною излучиной реки,
И песню на лету поют такую,
Что разом избавляет от тоски.

Спасибо, птицы, звонкие от века!
Не потому ль,
Прекрасна и светла,
Проснулась песня в сердце человека,
Что им у вас подслушана была?

Как стал бы этот мир бескрыл и тесен,
Как стал бы он бесцветен и суров
Без ваших добрых неумолчных песен,
Без ваших первоначальных голосов!

ЛУНОХОД

Идет, раскрывая извечные тайны,
Он в зной и мороз по просторам Луны,
Недремлющей мысли посол чрезвычайный, —
Большие ему полномочья даны.

К общению стремясь,
Отвергая разлуку,
С надеждой оправданной глядя вперед,
Луне, как сестре, дружелюбную руку
Сегодня с волнением Земля подает.

Портрет Ильича на борту небывалом
Отчетливо виден,
И море Дождей
Мне кажется шумным Финляндским вокзалом,
Где слушают Ленина толпы людей.

Машина в движении,
Машина в разведке,
Все внове,
Но в памяти нашей страны
Живут лунохода былинные предки —
Тачанки эпохи гражданской войны.

Когда ж тормозит он над пропастью круто,
Безмолвные камни дивятся вокруг:
Стоит он, на солнце сверкая, как будто
Застыла слепящая молния вдруг.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

I

Чтоб не смолкали голоса детей,
Чтоб цвет струился вдоль земных путей,
Во имя счастья Родины своей
Бесстрашные солдаты умирали.

В снегах и топях, в прозелени трав,
Среди руин,
У жарких переправ,
В бою кровавом смертью смерть поправ,
Бесстрашные солдаты умирали.

Тюльпаны распускаются, горя
На склонах, как весенняя заря.
Ликует день, —
И стало быть, не зря
Бесстрашные солдаты умирали.

II

Огонь по праву вечным наречен, —
Трепещущий, тревожный, тугокрылый,
И день и ночь пылает ярко он,
Как знамя,
Над солдатскою могилой.

Я неподвластен магии огня,
Но это пламя для меня священно.
Пред ним я опускаюсь, преклоня
В благоговейной тишине колена.

Спокойно спите, павшие бойцы!
Мы подвиг ваш легенде уподобим.
Цветок огня горяч —
Его зубцы
Не опадут над каменным надгробьем.

Горит огонь —
В дожди, мороз и зной,
И нет на свете той зловещей силы,
Чтоб нашу память, слитую с войной —
Огонь, зажженный нами, погасила.

Горит огонь, рассеивая мрак
И согревая выцветшие плиты.
Горит огонь,
И это — верный знак,
Что мертвые живыми не забыты.

* * *

Я стою на берегу морском, —
Теплый воздух чист и невесом,
Тишина полночная кругом.

Тишина в долинах и садах,
В дымке спит усталый Карадаг,
Неподвижен синий полумрак.

Небо, точно степь, лежит вдали,
Как тюльпаны, звезды расцвели,
Их лучи касаются земли.

В брызгах света, в бликах, как слюда,
Гладкая, спокойная вода, —
Нет на ней волнения и следа.

Но ударил ветер, крут и лих,
И, тревожно изменяя лик,
Закипело море в тот же миг.

Возникая из гудящей мглы,
Как о стены, сумрачны и злы,
Бьют о скалы грозные валы.

И бушует море тут и там,
Яростное, с пеной пополам, —
Ни конца, ни края нет волнам...

Так, хоть все волнения позади,
Тяжким камнем в сердце угоди —
Разом закипит оно в груди.

* * *

Втянулись в парк последние трамваи,
И тишина приходит наяву.
Все замерло, —
Один, не уставая,
Кольшет ветер сонную листву.

Сквозь зыбь ее рассеянно струится
Неяркий свет высоких фонарей.
Поет в саду заливистая птица,
Поет, волнуя сердце, соловей.

Влюбленному не спится, —
Одинокий,
По городу всю ночь бродить он рад.
Как звонкие рифмованные строки,
Шаги его на улице звучат.

Тебя они едва ли потревожат, —
Ты даже не подумаешь о том,
Что опечаленный джигит, быть может,
Стоит безмолвно под твоим окном.

Что просто так —
Без прока, без резона, —
Как безымянный древний астроном,
Твою звезду он ищет отрешенно
Средь звезд, горящих на небе ночном.

Кто разлучится с тайной сокровенной?
Но, право же,
Тоскуя и любя,
Ее он выведает у вселенной
И проще и верней, чем у тебя.

Сомненьями полна душа джигита —
Не зря ль стоит он под твоим окном?
А город спит,
И тайна эта скрыта
В твоей груди,
В безмолвии ночном...

* * *

Вплывали тучи в небеса,
И ветер листьям бил в ладони,
И зароптали голоса
Деревьев
от его погонн.

Забеспокоились птенцы,
В испуге закачались травы,
И с неба капли-сорванцы
Шальной обрушились оравой.

Бушуйте, молния и гром!
Вы рассердились только с виду,
Бесценной влаги серебром
Не причинив земле обиду.

Дождь стих. Поля посева ждут.
Природы подвиг продолжая,
Спешу и я свой скромный труд
Вложить в копилку урожая.

ПРИЗНАНИЕ

Спросите у окрестных вы селений:
Кто не слышал про нашу Дильнявоз?
Ее дыханье — аромат весенний,
А щеки ярче и свежее роз.

Мне б на манер старинного поэта
Воспеть ее, чтоб все на том сошлись:
Глаза ее — поток слепящий света,
А тонкий стан как стройный кипарис.

Коль за плечи она закинув косы,
Пройдет с улыбкой доброй мимо вас —
Заря займется, и туман белесый
Отступит сам собой в рассветный час.

И так вы на нее в ответ на это
Посмотрите, восторга не тая,
Как смотрит просиявшая от света
На солнце восходящее земля.

Смеется Дильнявоз — и даль яснее,
И грусть, как тучка, тает без следа.
Кто хоть однажды повстречался с нею,
Тот околдован раз и навсегда.

Скромна она среди подруг веселых
И простодушья детского полна.
И не найти ни в городах, ни в селах
Красавицы такой же, как она.

Не думайте, что я лукавить стану,
Что я преувеличу, если вам
Скажу о том, что алые тюльпаны
Завидуют вспой ее губам.

И тайных вздохов и немой печали
Из-за нее хватало нам, ей-ей.

Мы звезды, думая о ней, считали
И просыпались, думая о ней.

И даже старики, вздохнув сурово,
Молитву возносили, чтобы бог
Ее, их дочку, от худого слова
И от дурного глаза уберег.

Джигитов на селе у нас немало,
И все же замуж Дильнявоз пошла,
Как будто здесь ребят не доставало,
За парня из соседнего села.

И было всем нам муторно и горько, —
И мне, быть может, горше, чем другим, —
Когда на свадьбе мы кричали: «Горько!»
И от души желали счастья им.

Дочь севера у мира на виду
Летит веселой птицею по льду,
Тревожит нас, крылата и легка,
Как пушкинская звонкая строка.

Она кружится, радуя людей
Прекрасной песней — юностью своей.
Устремлены глаза навстречу ей,
Распахнуты сердца навстречу ей.

Раскинув руки в вираже крутом,
Летит она, улыбку нам даря,
И кажется: вполнеба надо льдом
Восходит золотистая заря.

Она очарования полна,
Стремителен и чист ее полет.
То белой молнией сверкнет она,
То лебедью неслышно проплывет.

Струится водопад льняных кудрей,
Послушно на плечи ложится ей.
В лучах невиданной голубизны
Она — как солнечный цветок весны.

Свети, искусства русского звезда, —
Мой знойный край тобою покорен.
Как хорошо, что сердца нет у льда,
А то бы под тобой растаял он.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Мы на год старше сделались сейчас
В кругу друзей, с годами не забытых.
Вино в бокалах светится у нас,
Но это — нашей зрелости напиток.

Того, что минуло, вернуть нельзя,
Еще одна прочитана страница.
Мы знаем и без зеркала, друзья,
Что иней на висках у нас искрится.

Морщины, точно лучики, у глаз,
Все видимей причуды настроенья.
Мы слишком раздражительны подчас —
Нас пустяки выводят из терпенья.

И сердце, задыхаясь и спеша,
Давать все чаще перебой стало,
И, точно птица пленная, душа
Крылами бьет тревожно и устало.

Не сердце правит разумом, как встарь, —
Рассудок трезвый сердцем нынче правит.
Ночной луны магический фонарь,
Как в юности, вздыхать нас не заставит.

Настрой, друзья, теперь у нас иной,
Тесней наш круг, а взгляды наши — шире.
В шар головы вмещаю шар земной,
Мы говорим о вечности и мире.

У каждого из нас своя семья,
Растут под щедрым солнцем наши дети,
И мы следим, волненья не тая,
За их судьбой, — мы за нее в ответе.

Пусть будет мерой нашего труда
Людское счастье!
Из стекла и стали

Мы к небу поднимали города
И книги сокровенные писали.

Хоть сделано темное пока,
Но малое — великого частица.
Еще у нас дорога далека,
Еще не время с песнями проститься.

За перевалом перевал встает,
На сотни верст распахнуты просторы,
И к тайнам жизни —
Каждый в свой черед —
Мы устремляем и сердца и взоры.

♦
Нам над землей подняться в полный рост
В сквозных лучах ликующего света, —
Да будет так!
И новогодний тост
Я предлагаю именно за это.

Лил дождь. Удивлялся он собственной силе,
И тучи из пушек тяжелых палили,
Сверкало вокруг серебро пузырей.
Народ терпеливо стоял у дверей.
А девушка шла вдоль морского прибоя,
Как будто не видя дождя над собою.
И влажная лента блестела в косе,
И щеки горели, как розы в росе,
И к телу намокшее платье прилипло,
А море вздыхало протяжно и хрипло.
— Безумная... — вслух сокрушался народ, —
Какая нужда ее в море несет? —
Следил он за ней с осуждением во взоре,
А девушка шла, словно радуга, к морю.
Разделась с улыбкой, стройна и светла,
Поправила волосы, в воду вошла.
Был ливень, и ветер свистел ошалело,
И падали молний каленые стрелы,
Катился вдоль берега яростный гул...
— Ах, молодость, молодость! —
Кто-то вздохнул.

НАДПИСЬ НА «ШАХИ-ЗИНДА»

Он ганч замешивал, тесал гранит
И камню передал живое чувство,
И камень бережно его хранит.
Нет мастера, но есть его искусство.
И пусть оно принадлежит векам, —
Я рад, что, с умыслом иль беспричинно,
Меж росписей оставил тайно нам
Два слова он:
«Работа Зайниддина».

В АЛМА-АТЕ ИДЕТ СЕГОДНЯ СНЕГ

В Алма-Ате идет сегодня снег.
Доит из снега небо молоко,
Но, хоть и ускоряют тучи бег,
Наполнить им подойник нелегко.

Искристые кристаллы впиз летят,
Весь мир в шелку: леса и русла рек.
Слепя и завораживая взгляд,
В Алма-Ате идет сегодня снег.

Не чувствую я холода ничуть, —
Вдоль тихих улиц и прямых аллей,
Покою радуясь, держу я путь
И вслушиваюсь в голоса людей.

Красавица, со мною рядом встань!
Ты с кем-то встречи ждешь, но мнится мне,
Что из стихов Абая, словно лань,
Ты выпорхнула в белой тишине.

Снежинкам твой высокий лоб открыт,
Они на шубке и на волосах.
Как хлопок, что в коробочках блестит,
От снега блики светятся в глазах.

Что на сердце твоём, поведай мне,
О чем ты думаешь в сиянье дня?
Я гость в твоей прекрасной стороне,
Привет улыбки ласковой меня.

А впрочем, нет, не гость я, — здесь мой дом,
Ты мне родня, ты друг мне и сестра.
Лучи отражены блестящим льдом,
И красочна живая их игра.

Автобус нас увозит круто ввысь,
К вершинам белым, к шумному катку.

Уже и щеки на ветру зажглись,
И радости унять я не могу.
Весь Казахстан отсюда видим мы, —
Как на ладони — солнечный простор.
Вокруг расстелен дастархан¹ зимы,

Дышу я, стоя на плечах у гор.
Где ж Чулпангуль?
Ах, вот она, — смеясь,
Глядит на мир из-под пушистых век.
Чудесной сказкой окружая нас,
В Алма-Ате идет сегодня снег.

---

¹ Д а с т а р х а н — скатерть.

ЭСТОНСКИЙ ПОДАРОК

Ловлю, как из моря неводом,
чужого наречья тайну.
Не знаю, что значило некогда
певучее слово «Таллин».
Седые тома историй
листать мне сейчас не стоит...
Соленый ветер Эстонии,
ты лучший в мире историк!
Корявые моря записи
ты разбираешь сразу,
как книгу, читаешь запросто
город голубоглазый.
У ветра

душа широкая...

И вот

мне без слова подарен
лучший под теми широтами
город у моря —

Таллин!

В сердце моем оттиснутый,
он связан с моей судьбою.
Подарок ветра балтийского
всюду

вожу с собою.

Вернусь в края мои южные
и буду —

уверен в этом! —

дышать вечерами душными
соленым

эстонским ветром.

СТИХИ И СВЕТ

Я вас увидел,
Мудрый Токтогул,
Когда приблизился к высокогорью,
Где небосклон, как руки, протянул
Лучи свои искусственному морю.

Здесь круты скалы,
Налесть под ногой,
И луч альпийский небывало ярок,
И, солнце затмевая, день-деньской
Пылают молнии электросварок.

Взрывали люди горные пласты,
Спешил Нарын в бетонные тоннели.
С орлиных круч, с отвесной высоты
На чудо века вместе мы глядели.

Сказали вы:
— Как величаво здесь! —
Любуясь переплетами стальными.
Сегодня эта сказочная ГЭС
И море это носят ваше имя.

Что ж, странного в том нету ничего:
Не в сладких строчках приторных идилий, —
Мечты киргиза, чаянья его
Вы в мужественных песнях отразили.

Аулы, кишлаки и города
Их наизусть легко запоминали.
И, светом став,
Вернулись вы сюда,
Чтоб озарить сердца и эти дали.

Как звук кобыза, покоряя нас,
Наполнен силой, добротой и верой,
Из юрты белоснежной в добрый час
Пришел ваш стих на землю Алишера.

Сторицей окушился щедрый труд,
Принес он удивительные всходы.
Гордятся вами, нмя ваше чтут
И славят вас признательно народы.

Вы сделали при жизни для других
Легендой,
Школой,
Паводком весенним.
Как эта ГЭС,
Несет бессмертный стих
Тепло и свет грядущим поколениям.

КАРА-АЛМА

На склонах Арслапбоба, взор плещя,
Лежит Кара-Алма — зеленый цвет.
Как зримый уголок земного рая,
Недаром он киргизами воспет.

Горяч скакун. Сяжу в седле упруго.
Меня уводит в горы путь прямой.
Мне кажется: так хороша округа —
Прекраснее Швейцарии самой!

Восход нежаркий. Шелест тополиный.
Росистых трав сверкающий покров.
Застыли серебристые вершины,
Надев колпак из белых облаков.

И, как кумыс, поток меж скал струится,
И гул его тревожен и сердит.
И ветер-непоседа, словно птица,
По зарослям фисташковым летит.

У озера камыш стоит высокий,
И кипарисы выстроились в ряд,
Как будто голубое это око
Ресницами укрыть они хотят.

Ореховые рощицы в тумане,
Дымясь, заходят облака сюда.
От спелых ягод на лесной поляне
Склоняется красавица джнда.

От высоты ли головокруженье
Иль трепким запахом пьянят цветы?
Все выдумка,
Игра воображенья,
Не может быть подобной красоты!

Но наяву, ущелье беспокоя,
Бежит поток, и птичий слышен гам,

И можно ветки наклонить рукою...
— Налей-ка мне кумысу, Айсанам!

В смущенье голову склоняя низко, -
С улыбкой нежной опустив глаза,
Меня, как брата, потчует киргизка,
И говорят мне весело друзья:

— Ты будь поосторожнее, — не шутка:
Своею красотой Кара-Алма
Не раз лишала путников рассудка.
Вдруг и тебя сведет она с ума?

Пускай сведет! Я, право, не в обиде;
Я весь в пыли, я здорово устал,
Но я Кара-Алму сегодня видел
И хоть чуть-чуть — Киргизию узнал!

Я СНОВА ЗДЕСЬ

Я снова здесь.
Салом, село родное,
Лужайки пестрые, ручьи — салом!
Напев, звучавший в детстве надо мною,
Очаг мой, пастбища мои — салом!
В цветущих маках огненные склоны,
Где каждый кустик ярко озарен, —
Я, вашей красотой замороженный,
Вернулся к вам. Примите мой поклон!
Как мне забыть просторы ветровые
И край родимый в дымке голубой,
Где я когда-то увидел впервые
Игру листвы и небо над собой.
Где б ни был я — со мной моя равнина,
Что сердце греет и к себе зовет,
И знойный день, и ночи соболиной
Необозримый звездный хоровод.
Я помню, как, густой травой одета,
Дышала степь и пели соловьи;
Прохладный ветер раннего рассвета
Доныне гладит волосы мои.
... И снова зори ясные не меркнут,
Блестит роса на тропке луговой.
Вновь приникаю я к земле, и беркут
Кружится над моею головой.
Сбежав с холма, мальчишка босоногий,
Отару пропускаю я вперед
И молча жду, усевшись у дороги,
Когда чабан стихи читать начнет.
По алым склонам сходит день на землю,
И хоть еще в поэзии я слаб, —
С восторгом тихим чабану я внемлю,
Сказанью про Амана и Зейнаб...
И вот я снова здесь. Друзья со мною.
Уходит вдаль знакомая тропа.
Деревья в белой дымке под луною...
Ночное небо... Старая супа...¹

¹ С у п а — глиняное возвышение.

Сошлись друзья, и никому не спится,
И радостью наполнены сердца.
Мы вновь листаем прошлого страницы —
Мы детство вспоминаем без конца.
Мы вспоминаем, как оно летело,
Быстрее, чем мчатся реки с высоты;
Как на конях мы уносились смело,
Как девушкам дарили мы цветы.
Беседа за полночь у нас в разгаре,
И каждый говорит мне о своем:
Животновод толкует об отаре,
О щедром урожае — агроном.
Все мастера они, народ бывалый,
И зримы их немалые труды:
Широкие арыки и каналы,
На пустырях возвращенные сады.
И хлопкороб, и пахарь, и учитель
Сегодня на виду у всей страны.
Прошу вас — говорите, не молчите,
Рассказы ваши очень мне нужны.
Как чаша полная, от друга к другу
Не суетливо и не впопыхах
Пусть общий разговор идет по кругу —
О прежних и задуманных делах.
Я слушаю не исповедь чужую, —
Я ими проверяю жизнь свою.
Когда придет черед мой, что скажу я?
Чем занят я? Что людям отдаю?
Сердца друзей распахнуты навстречу,
И не готовлю я красивых фраз.
Пусть спрашивают — с гордостью отвечу:
— Я вам служу,
Стихи пишу — для вас.

МАЙСКОЕ

•

Май — пора обновленья.
цветенья
красных флагов,
тюльпанов степных,
время радостного вдохновенья
добрых рук и сердец молодых.
Над просторами щедрого края —
свет,
прозрачная голубизна.
И зовет нас в поля
трудовая
беспокойная наша весна.
Поспеши, друг, сюда
на рассвете
в гомон трав и объятья ветров,
полной грудью вобрав
многоцветье,
свежесть юных лугов и садов!
Сколько звуков,
чудесных прелюдий
благородства,
живой доброты.
Знаю:
мира садовники — люди
и творцы всей земной красоты!
Край любимый.
Степное раздолье.
Ширь долин
и величье вершин —
наша жизнь,
наша светлая доля,
путь, который упорно вершим.
Дождь лучей животворный
все льется,
озаряя цветок за цветком.
И ковер,
тот, что выткан из солнца.
Расстилается нежно кругом

* * *

Добра хотим мы людям — вот в чем суть.
И говоришь ты вовсе не случайно
«Добро пожаловать!» — людей встречая.
И молвишь провожая:
«В добрый путь!»

Пусть в знойный день для них ты не был тенью,
Дворцов им не настроил, — ничего.
Порою, чтоб поднять им настроенье,
Достаточно и слова одного.

Отмечен в жизни каждый человек
Своей судьбой, своей дорогой длинной.
Дела его, и цели, и успех —
Как к солнцу вознесенные вершины.
И сердце беспокойное грешно
С деталью сравнивать обыкновенной:
По широте и емкости оно
Сравниться может с целю Вселенной.
И пусть отмерены часы и дни
Невечного его существованья, —
Оно, по сути, вечности сродни,
Немереным просторам мирозданья,
Звучит повсюду — из конца в конец
Земли — его бессонное биенье.
И в каждом сердце тысячи сердец
Порой свое находят отраженье.
Немало в мире ценного у нас,
Но единенье — высшее богатство.
И, слава человека,
Всякий раз
Я славлю человеческое братство.

* * *

Хочу я,
Чтоб свободны были строки
От суеты, заумной чепухи;
Хочу, чтоб излучали свет высокий
И отливали золотом стихи.
Чтоб, как бальзам,
Они целили рапы
Во мраке ночи и в сиянье дня.
И горько видеть мне калям тот страшный,
Что, мир коптя,
Дымится без огня.

Мир истиной поэзии широк;
В ней буйство красок, яркий внешний цвет,
И бьется сердце в ритме гудящих строк,
И каждый слог теплом ее согрет.
Не нужно вовсе легких ей дорог, —
Она встречает облачный рассвет
И в бой уходит, не страшась тревог,
Бесчисленных рап, неисчислимых бед.
Смешны угрозы ей. Лишь правда — бог
Поэзии, другого бога нет.
Но все ее владения — с вершок,
Коль суесловьем поражен поэт.

ОСЕНЬ

Пестреют травы, рдеют листья, —
Палитра ослепляет взор,
Как будто осень зрелой кистью
Картину пишет с алых зорь.

Отчетливы цвета и тени,
И красочное полотно —
Как броское произведенье,
Что лишь теперь завершено.

В нем все теплом души согрето,
А купол неба бирюзов,
И веет сладостью шербета
Из тихой глубины садов.

И, как от фонарей зажженных,
Лучи свинцовые скользят
От веток, над землей склоненных,
От сердоликовых гранат.

Безмолвно отцветают доли,
И соком хусайни налит,
И осень дашказан¹ тяжелый
На солнечном жару калит.

По полевым шагаю тропкам
И рад, что тучи разошлись:
Я так хочу,
Чтобы над хлопком
Была безоблачною высь!

И у знакомого хирмана,
Встречая ясную зарю,
— Пусть ваши руки не устанут! —
Я хлопкоробам говорю.

И тоненькая, как былинка,
Ты так прекрасна поутру,

---

¹ Д а ш к а з а н — огромный котел.

И ярко светится косынка,
Играющая на ветру.
О хлопке ль разговор невинный
Иль о соседнем деревце, —

Я внемлю речи соловьиной
С улыбкой счастья на лице.

Ты — словно камешек рубина
В осеннем золотом кольце.

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Сгущались в небе облака.
Упала капля. Ливень хлынул —
И сразу вспенилась река,
Врываясь с грохотом в долину.

И в тот же миг в разломе туч,
Мелькнул, восторженно сверкая,
В бесчисленных брызгах солнца луч —
И мгла развеялась ночная.

Листва под голубым дождем
Дышала влагой, трепетала.
Чпнара над седым холмом
И заросли речного тала.

А дождь,
набравшись новых сил,
Забарабанил вдруг по крыше.
То веселился, то грустил
И становился тише, тише...

Прости меня, знаток стихов,
Что повторяюсь.
Без сомненья,
Дождь просто, без дождевиков
Не тема для стихотворенья.

Но ведь, признайся, без него
Все в мире было бы напрасно.
Шел просто дождь. И оттого
Преображался ежечасно

Весны ростками лик земли.
И колосилась вновь пшеница.
А сами разве б мы смогли
Сюда, на белый свет явиться?

Блаженствуй, сердце, —
Все перед тобою:
Цветы,
Поляны,
Острых гор гряда;
Гроза гремит пад пропастью слепую,
Течет в долине тихая вода.
Зовет тропа,
Петляя по заречью,
С утра сверкает узенький ручей,
И с неба падают тебе навстречу
Косые ливни солнечных лучей.
И рядом возникает на рассвете,
Подобно лани, дочь окрестных гор.
Ей волосы расчесывает ветер,
Она глядится в зеркальце озер.
Вся сотканная из любви и света,
Она прекрасна. Чист и ясен взгляд.
Цветы душицы, ветки бересклета
Ей отдают свой нежный аромат.
На пей атлас, на ней кумач восхода,
А луг — в росе, и берег ал и крут.
Мечтательно стóит она у брода,
И струны сердца твоего поют.
Да что же сам ты часом этим ранним
Безмолвствуешь пугливо перед ней?
Не бойся одарить ее вниманьем,
Спроси ее о чем-нибудь скорей!
Но рвется речь, внезапно замирая;
Не девушка над речкой голубой —
Очарование родного края
Мечтательно стоит перед тобой.
И в этот миг — как смутное виденье,
От тех полей, где чутко спит трава,
К тебе приходит молча вдохновенье,
Чтоб превратиться в звонкие слова.

БАБУР

Поэт, он солнце воспевал, бывало,
Завоеватель, нес он людям тьму.
Ему Мавераннахра¹ было мало, —
Потребовалась Индия ему.
Штурмуя крепости, преграды руша,
Не зная в битвах отдыха и сна,
Он войско вел по кручам Гиндукуша,
Все выше направляя скакуна.
Ему нужна была земля чужая
В цвету обильном, полная щедрот.
И, мудрые стихи в пути слагая,
Он аргмака властно гнал вперед.
По прихоти судьбы равно владели
Его душою песни и война;
То нежные звучали в ней газели,
То кровь вскипала, битвой зажжена.
Любивший поразмыслить одиноко
И голову терявший от похвал,
То молча проклинал он волю рока,
То для беседы беков призывал.
Сверкала холодно его корона,
А в строчках бушевал огонь зари.
И снился Андижан ему зеленый
И пенистые волны Сырдарьи.
И становилось на сердце уныло:
До родины его был путь немал.
Вино ему забвенью приносило,
Калям — к воспоминаньям возвращал.
А впереди был горизонт туманный,
Дожди ночные, стонущий прибой.
Что ждет его: почет, проклятье, слава?
Что принесет ему грядущий бой?
Цветущие опустошая дали,
Спешил до океана он дойти.
Ему дорогу джунгли преграждали,
Ганг разливался на его пути.

¹ Мавераннахра — название междуречья Амударьи и Сырдарьи в период средневековья.

Как арычок, захлестнутый волнами,
С огромным войском — медленно, до дна,
Он растворился в той стране, — корнями
Его надежно оплела она.
Разбой — не подвиг. Тяжела расплата.
Высокий человеческий закон
Тот подтвердил еще раз, кто когда-то
Моголом был Великим наречен.
Распалось царство брешное. А песня
Звенит и нынче, время победив.
Забут завоеватель повсеместно,
Поэт Бабур на свете вечно жив.

ЛЕГЕНДА ОБ АВИЦЕННЕ

Лекарств различных в сорок склянок
Сам перед смертью он налил.
И в день последний, спозаранок,
Ученику, что рядом был,
Сказал, собрав остаток сил:

— Лекарства те — не из аптеки,
Их создал я.
В тот самый миг,
Когда мои сомкнутся веки,
Ты мне, не медля, под язык
По одному закапай их.

Из рук не вырони случайно,
Не перепутай ничего.
В них жизнью купленная тайна,
Продление века моего... —

Сказал и умер Авиценна.
И ученик без дальних слов
Расставил склянки —
Он мгновенно
Священнодействовать готов.

Лекарства в заданном порядке
Вливает он — и без следа
Исчезли горестные складки
На лбу остывшем,
Щеки гладки,
И черной стала борода,
Как в стародавние года.

Упругим делается тело,
Подспудной силою полно,
Как будто враз помолодело
От странной магии оно.

Был прав великий Авиценна:
Он тайну вечности постиг!
Труп оживает постепенно,
Ликует бледный ученик.

Дыханье жизни все заметней,
Она пад смертью верх берет.
Сороковой флакон — последней
Бесценной жидкости черед.

Все ближе чудо оживленья,
Черта заветная, но вдруг
Одно неверное движенье —
И склянка падает из рук.

... Разбилась склянка.
Вместе с нею
Разбилась страстная мечта:
От смерти, став ее сильнее,
Избавить смертных навсегда.

Но то, что жизнь не в нашей власти
Лишить пределов, данных ей, —
Быть может, истинное счастье,
А не проклятье для людей?

БАЛЛАДА О ПОЭТЕ

I

Все ближе, ближе к нам громады гор.
Вдруг чем-то ярким ослепило взор.

Что это: блещут тысячи зеркал?
Нет, то Кок-Су бушует в сердце скал.

Стремится, грохоча, вперед, вперед,
Вздывается, о камни камни бьет.

Блестя прозрачной пылью, мчит она,
Горда собой, собой оглушена.

Верблюдом шалым с пеной на губах
Кипит, ярится в диких берегах.

Сбегает вниз, бурлящая, и там
Приносит жизнь долинам и садам.

Набрать воды склонился я к реке,
Плеснулось небо у меня в руке.

И вот мечты безудержный поток
Меня к вершинам, к облакам повлек.

Ко мне донесся аромат цветов
И вдохновенной песни звонкий зов.

Шахимардан — ладонь горы крутой,
Вознесшей к небу кубок золотой.

Здесь жил Хамза, здесь каждая скала
Свидетелем борьбы его была.

II

А вот он сам. Идет меж горных круч,
Как песнь его, бессмертен и кипуч.

Неужто так? Что ж это — явь или сон?
Спешу к нему, взволнован, изумлен.

Да, это он. Хамза, наставник мой,
По склону гор спускается живой.

Любуется красотой своей страны —
Кипеньем белопенной быстрины,

Долиной, что проснулась на заре
В цветах, как в яхонте и в серебре.

Величьем скал любитесь... И вот
Хор новых строк в душе его поет.

Идет Хамза. Звучат в словах его
Любовь и вера в правды торжество.

Хамза поет. Все чище звон строки.
Так роза раскрывает лепестки.

Так бурная река, сбегая с гор,
Неудержимо рвется на простор.

Нет, эта песня сердца не бедна, —
В ней сокровенных мыслей глубина.

В ней каждой строчкой пламенный поэт
Приносит людям радость, дарит свет.

В ней утвержденье новых ярких дней,
Былого мрак отвергнут, проклят в ней.

Как блеск зари, она светла, ясна,
Мечта в ней отразилась и весна.

Не заглушить ее, не одолеть.
По мракобессью бьет она, как плеть.

Алмазно-острым лезвием строки
Срезает предрассудков сорняки.

Ночь отступает перед ней, дрожа,
В ее огне сгорает паранджа.

Так пел Хамза, возлюбленный сердец,
Сын века, революции певец.

III

Хамза на берегу. Перо. Тетрадь.
Чем полон ты? Что будешь ты писать?

Бежит река. Полны забот, тревог,
Струятся по тетради волны строк.

О счастье новой жизни пишет он,
О жизни, что раскрылась, как бутон.

Пусть юн Октябрь, — он солнце наших дней.
Восток прозрел в огне его лучей.

Настанет срок — капитализм падет,
Свободным будет трудовой народ.

Но класс, чьи корни подрубил топор,
Чья участь быть отброшенным, как сор,

Легко не сдастся. Да, еще не раз
Покажет когти обреченный класс.

Ну что ж, Хамза, коль так — оружием будь,
Не дай врагам давящий мрак вернуть.

Театром, песней, жалом жгучих слов
Везде и всюду настигай врагов.

Твои газели дороги сердцам,
Твои каналы дарят жизнь степям.

Воспой Октябрь, Советов власть воспой,
Воспой свободной жизни новый строй.

IV

Один в горах, в раздумье погружен,
Бродил Хамза. Был ясен небосклон.

Мечта светла... Вдруг, точно смрадный дым,
Чудовище возникло перед ним.

Дракону многоглавому под стать,
Готовая свалить Хамзу, сожрать,

Рыча от ярости, от ярости слепа,
Поэту преградила путь толпа.

Фанатики. Не люди это, пет!
У всех в глазах безумный мутный свет,

Во имя бога, господ-творца,
Тупая злоба, злоба без конца!

Оскалы волчьих, пена на губах...
Так жизнь со смертью встретилась в горах.

Два разных мира. Вместе им невмочь.
Свет ясной правды и неправды ночь,

Познанья блеск и дикости накал
В тот миг столкнулись у подножья скал.

Столкнулись, глянули глаза в глаза...
Не отступил, не побежал Хамза!

Пусть лица недругов от ярости желты,
Пусть перекошены ощеренные рты,

Пусть разразится, грянет смертный гром —
Поэт Хамза не дрогнет пред врагом!

Кольшутся халаты и чалмы,
Все больше накапливает злоба тьмы.

Один, вцепившись в бороду свою,
Вопит, осатанев: «Убью! Убью!»

Другой взывает к небу: «О аллах,
Пусть нечестивец обратится в прах!»

Хрипенье, скрежет, толчея, галдеж.
И вот уж кто-то обнажает нож...

Хамза спокоен: «Что ж, пришел мой срок.
Но я и в этот час не одинок.

Со мной величье этих вечных гор,
Цветы, река, речных полей простор,

И небо, озаренное луной,
Не с этой дикой сворою — со мной!

И ты, народ, меня пославший в бой,
Со мной — твоим бойцом, твоим слугой!..»

Так встретил смерть Хамза, так спорил с ней.
Вдруг засвистели камни — град камней...

И он погиб.

V

Ложь! Не погиб поэт!
Для вдохновенной жизни смерти нет.

Он жив, он с нами. Я видал его —
Наставника и друга моего.

На зорьке пенью птиц внимает он,
Он в дали беспредельные влюблен.

Он бесконечно воспевать готов
Богатство наших сел и городов.

Жизнь наша, радостная наша повесть —
Его поэзия, его любовь!..

Заря. Шумит листвою Фергана.
Звучит мелодия. Светла, ясна.

СЕРЕБРЯНЫЙ БУБЕН

Встает над садами сквозь спящую тьму
Серебряный бубен, натянутый туго,
И чудится: щелкни слегка по нему —
И звоном густым огласится округа.

Гляжу — и молитвенно строчки шепча,
Наверно, по счету стотысячным буду
Из тех, что слагают стихи по ночам
Царице-луне — поднебесному чуду.

А был бы ученый на месте моем —
Увидел бы только небесное тело,
Чей высчитан в точности вес и объем,
В чьи тайны наука проникнуть сумела.

Все меньше становится в небе чудес,
А жизнь убыстряется невероятно,
И скоро могучий ракетный экспресс
Нас будет возить на Луну и обратно...

Но нет!
Все равно для влюбленных очей,
Покуда любовь существует на свете,
Волшебной лампадой, царицей почей
Ты будешь, луна, еще много столетий.

На встречи счастливых ты будешь глядеть
В сиянье таинственном и дружелюбном
И тихо над садом тенистым звенеть
Серебряным бубном,
Серебряным бубном.

* * *

Сухая степь.
Суровая пора.
И, раскаленный в солнечном котле,
Свистящий ветер зной несет земле.

Жара... Жара... Так яростна жара,
Что даже ртутный столбик изнемог.
Здесь только солнце — всемогущий бог.

И ящерица, и железный болт,
И бархатный песок, что сух и желт,
И стебли трав, и тени на песке,
И песня жаворонка вдалеке,
И выцветших руин безмолвный зов,
И мертвые колодцы чабанов —
Всё в солнечном котле раскалено.
Так повелось в степи давным-давно.

Но кризис миновал. Взгляни вокруг;
Больная степь врачует свой недуг.
Прочь, желтый шелк — истлевшее тряпье!
Зеленая обнова ждет ее.

ЗВЕЗДА

Есть слово «юлдуз»¹ — лучезарное слово,
Оно неизменно в моем словаре.
Оно над привольем простора земного
Возносит, как птицу, меня на заре.

Бывают такие слова, чье звучанье
Весь мир без труда наполняет собой.
Звезда, голубыми сверкая лучами,
Находит меня на дороге любой.

Мальчишка, скользил я восторженным взглядом
По звездному небу в ночной тишине,
Смеялся и плавал со звездами рядом,
И первые строки являлись ко мне.

Я сделался пленником звезд поневоле,
И было нетрудно представить на миг,
Как будто они — одуванчики в поле,
И я, босоногий, брожу среди них.

Не блекли они, — на багряном рассвете
Я был перед всеми поклясться готов,
Что точно такие же звезды, как эти,
Горят на пилотках у красных бойцов.

Года пролетели, и девушку — краше
Цветка лугового — назвал я женой.
И встретились звезды высокие наши,
Как встретились мы — на тропинке земной.

С друзьями в ладу и не споря с родными,
Я крохотной звездочке, дочке моей,
Дал имя Юлдуз — светоносное имя,
По-моему, в мире не сыщешь светлей.

---

¹ Ю л д у з — звезда.

Когда моя Родина путь дерзновенный
Направила в космос, — мечтой окрылен,
Просил я Гагарина, чтоб непременно
Он передал звездам привет и поклон.

И ныне часами, как прежде бывало,
Гляжу я на звезды порою ночной,
И та же звезда, что мне в детстве сияла,
Призывно и гордо горит надо мной.

* * *

Ты просишь сердце у меня?
Дарю я
Его — пылающее изнутри.
Как огорчить красавицу такую?
Коль просишь сердце,
Вот оно. Бери.
Хранит оно и нежность,
И отвагу,
И грусть, и обещанье новых встреч.
Но, дорогая,
Обернув в бумагу,
Горящий уголь можно ли сберечь?

ИССЫК-КУЛЬ

Огромен Иссык-Куль!
Он дышит, как живой,
Дугою пеннистой вдоль берега клокочет,
Прозрачный, голубой,
Как небеса весной,
Шумит, волнуется — сказать мне что-то хочет.
Стою заморожен,
Гляжу ему в глаза
И богатырскому дивлюсь его величию:
То в скалы бьет прибой,
Обрушить их грозя,
То рассыпается, как чистый смех девичий.
Скажи мне, Иссык-Куль,
Что ты в душе таишь?
И почему всю жизнь не знаешь ты покоя?
Кто сможет разгадать,
О чем ты нам твердишь
Тревожным голосом немолчного прибоя?
Застыли вокруг тебя,
Храня свой древний сон,
Седоголовые, безмолвные вершины,
А на твоём челе —
Всегда морщины волн,
Твоих тревог и дум несчетные морщины.
Что ты волнуешься,
Могучий Иссык-Куль?
Зачем и день и ночь бурлишь ты не стихая?
И словно в бубен бьет
Гремучий Иссык-Куль —
И отвечает мне суровыми стихами:
«Когда устану я
Кипеть, сверкать, бурлить —
Я высохну, как чай, палитый в блюде...
Дерзай, поэт,
Не уставай творить —
Пусть всегда в груди живые чувства бьются!»

ЗУМРАД

О дитя земли киргизской, как тюльпан, красива ты,
О газель степей киргизских, как стройна, игрива ты!

Как порой в одной росинке вся весна отражена,
Так в душе твоей счастливой вся Киргизия видна.

Ручейку в горах подобен твой веселый, резвый нрав,
А в твоём дыханье веют ароматы свежих трав.

Легкой птицей реют брови, уносясь в степной простор,
И таится в ясном взоре чистота родных озер.

Мягко голос твой, как масло, переливчат, как атлас,
Но задеть тебя попробуй — мечешь молнии из глаз.

Блеском глаз миндалевидных покорила ты меня,
А в шутивном разговоре победила ты меня.

Только я никак не думал о предательстве таком:
У меня кусочек сердца ты похитила тайком.

АМУДАРЬЯ

Ты — нашей родины серебряный рубеж,
Торжествен твой поток, волнистый, беспокойный,
А ветер над тобой всегда упруг и свеж —
И в полночь лунную, и в летний полдень знойный.

Ты как зеркальный мост в минуты мирных встреч,
«Добро пожаловать» — журчат с улыбкой волны,
Но для недобрых глаз ты — обнаженный меч,
Неколебимый страж, таящий стрелы молний.

* * *

Дороги...
По выступам горных откосов
Ручьями бегущие змейки дорог...
Как будто
Среди неприступных утесов
Размотан веревоч огромный клубок.
Дороги...
Куда вы ведете, дороги?..
За вами следит напряженно мой взор:
То тянетесь вверх —
На крутые отроги,
То прячетесь снова в расселины гор.
Сбегая по склонам,
Взбираясь по кручам,
Как волны, упруго колышетесь вы,
Все дальше и выше —
К вершинам могучим,
Не зная усталости, движетесь вы...
И думаю я:
Из глубоких ущелий,
Шагая по тропах извилистых лет,
К вершине подняться,
К возвышенной цели —
Сильней в моем сердце желанья нет!

К ВЕРШИНАМ

Как дышится легко! Как высоко над нами
Воздвиглись глыбы гор, целуясь с облаками!

Их снежная гряда сквозь голубой туман
Похожа издали на хлопковый хирман.

Стеклом расплавленным поток с горы несется —
В нем то луна блестит, то пламенеет солнце.

И гордо высится над гребнем острых скал
Гранитный богатырь — торжественный Чаткал.

О друг, нам не к лицу от бурь искать защиты,
К заветной высоте пути для всех открыты.

С уступа на уступ, стремясь упорно ввысь,
К своей большой мечте бесстрашно поднимись!

ФОРОС

О раскидистый сад
С легендарным названьем Форос,
По утрам напоенный
Дыханьем раскрывшихся роз!
Ты — зеленая песня,
Что льется над каждой тропой,
Где любовь и стихи,
Словно ветки, сплелись меж собой.
Погляжу я вперед —
Омывает твой берег волна.
Оглянусь я назад —
Подпирает тебя крутизна.
Солнце входит спросонок
В твою первозданную сень
И, запутавшись в листьях,
С тобой остается весь день.
И с приходом его,
Откликаясь на трепетный зов,
Загорается разом
Мозаика буйных цветов.
Переходят друг в друга,
Как волны морские, цвета:
То лилова округа,
То рдяна она, то желта.
Половодье цветов,
Самоцветов живая игра —
От огней переливчатых
Каждая тропка пестра.
Я спускаюсь по ним
К набегающей гулко воде —
По отвесным ступенькам,
Каких не видал я пигде.
Провожают меня,
Образуя причудливый ряд,
Кипарис, и самшит,
И кудрявый, как хмель, виноград.
В заповедной листве,
Пересвистом тревожа простор,

Ладно спевшихся птиц
Затаился невидимый хор...
Под распахнутым небом
Четыре недели подряд
Хлебосольно меня
Принимал нескудеющий сад.
Как вино молодое, был воздух,
И море, пьяня,
Белопенным прибоем
Встречало раздольно меня.
Поговорку такую
Вам скажет любой аксакал:
«Сорок дней ты приветствуй
То место, где раз побывал!»
Пусть же эти стихи,
Что рассвет мне сегодня припес,
Будут добрым приветом
Тебе, незабывтый Форос!

На неглавное в жизни
Всю жизнь разбазарив,
Никогда не встречал он
Малиновых зарев.

Никогда не искал он
Вечерней звезды,
Никогда он не пил
Родниковой воды.

Никогда,
Нетерпеньем тревожным томимый,
Не терзал он себя
В ожиданье любимой.

Никогда не сочувствовал
Стылой душой
Ни веселью чужому,
Ни грусти чужой.

И, не радуясь свету,
Ушел он со света,
И осталось для всех
Незамеченным это...

* * *

Взгляни на поток,
Что течет с ледников:
Он радостью стал
Для горячих песков,
Он в корнях впитался
Веселых ростков
И счастьем наполнил
Глаза лепестков.

А гниль, что сочится
Из топких болот,
В долину пути
Все равно не найдет.
К сердцам человеческим
Русло пробьет
Лишь чистый поток
С белоснежных высот!

* * *

Он слепо свылся с мыслью сокровенной,
Что для него не мерен жизни срок,
И потому, наверное, вселенной
Он без себя вообразить не мог.

Но умер он,
И погребальным звоном
Для бытия не стал его уход.
Он был листком на дереве зеленом,
Листок упал, а дерево цветет.

ЧАСЫ И СЕРДЦЕ

Всё стучит мое сердце,
Полно то огнем, то тоскою,
Всё стучат и часы
У меня на рабочем столе.
Оба трудятся честно,
И оба не знают покоя —
Оба меряют время,
Что прожито мной на земле.

Но сломались часы —
Отнести в мастерскую их можно,
А испортится сердце —
Бессилен любой часовщик.
И однако с часами
Всегда обхожусь осторожно,
А вот сердце свое
До сих пор я щадить не привык.

ЛЮБИ ЖИЗНЬ

Жизнь сложна, дорогой,
Бескопечен ее караван.
Бескопечно развитие
От капельки до океана,
От мгновенья до вечности,
От незаметных семян
До густого хлопчатника
Или красавца платана.

Все, что было и есть —
От легенд незапамятных дней
И до новых легенд,
До бессмертного подвига Зои,
От старинных рун
Безымянных степных крепостей
И до крепости Брестской,
Где пали родные герои,

Труд упрямых отцов,
Их жестоких боев рубежи,
Их отвага, любовь,
Их борьба до последнего вдоха —
Это все нам, ровесник,
С рожденья принадлежит,
Это — наше богатство несметное,
Наша эпоха.

Это — наше наследье,
Души золотая казна,
Эти гордые судьбы
Достоинно продолжить должны мы!
Жизнь сложна, дорогой,
Но зато и прекрасна она,
Те, кто с жизнью в союзе, —
Воистину непобедимы.

С нею с глазу на глаз
Не пытайся хитрить и мудрить,
Жизнь посмотрит в упор —
Фальшь твою непременно заметит.
Будешь с нею на «вы» —
Станет сухо на «вы» говорить,
Будешь с нею на «ты» —
И на «ты» откровенно ответит.

Сердце ей подари —
Сразу станет мудрей и сильней,
Будь ей верным слугой —
И тогда ты познаешь свободу,
Полюбить эту жизнь
Больше собственной жизни сумей —
Лишь тогда ты достойно
Послужишь родному народу.

КОСТЕР ДРУЖБЫ

Не знаю полнее уюта,
чем почью,

в горах,

у костра.

Киргизская белая юрта —
оспешенных пиков сестра.
Сердечного дружества ради
с пятнадцати разных сторон
несхожие обликом братья
собрались за общим костром.
Тут слово искристо

и веско,

взвивается пламенем мысль...

Киргизская паша невестка
нам всем наливает

кумыс.

И песни поются на славу —
мотив так и просится сам!
И ласково вторит джайлау¹
веселым людским голосам.
И эхо с невидимых склонов
протяжно и долго звучит:
слова «Вечеров подмосковных»
в тьянь-шаньской

громадной ночи.

Задор точно в воздухе взвешен:
побольше вдохни —

и взлетишь!

То Балтики

терпкую свежесть

эстонец привез

и латыш.

А ветер

заденет нежданно

листвы обвисающий стяг —

и киевских улиц каштаны

---

¹ Д ж а й л а у — горное пастбище.

за нашей спиной шелестят.
А речка все спорит надрывно:
«Ты наш ли?»

Ты наш ли?»

«Я ваш!»

И в яростной песне Нарына
нам слышится пенный Вахш.

А утром

по-царски заря нам
окрасит бездонную даль —
то буйные краски Сарьяпа
пришлет нам Армения

в дар!

Да,

каждый привез в этот лагерь
родимого края дары.

Сплетается смех балалайки
с гортанным рассказом домбры.

И слово,

и ответ,

и запах

в душе пробуждают восторг,

и в этом сливаются запад,

и север,

и юг,

и восток.

Обрушатся, может быть, горы,

река поворотится вспять,

но дружбе,

свободной и гордой,

вовсеки

над миром сиять!

В АЭРОПОРТУ

И снова
в аэропорту
я словно
обретаю крылья —
как будто даль и высоту
на этом поле мне открыли.
Себе не лгу, себе не льщу —
меня возносит синь сквозная...
пускай я сам и не лечу,
а только друга провожаю.
Струна незримая поет,
И все крылато, все округло,
как будто просится в полет
и все вокруг, и вся округа.
И даже даль в штрихах косых —
и та на небо взор скосила,
как эта девушка-каспир
в своей косынке ярко-синей.
В случайной облачной тени
мелькнет корабль —
и вот он, вот он!..
И сам —
        лишь руку протяни —
дотянешься до небосвода.
Когда же дню лететь невмочь —
полеты ночи —
        так приятны!..
Горят всю ночь, горят всю почь,
как свечи вечные,
        плеяды,
И, погружаясь в темноту,
не выключаюсь из игры я,
и снова
в аэропорту
я словно
обретаю крылья...

ТАШКЕНТ

Жемчужиной Советского Востока
Прекрасный город наречен не зря.
Прозрачно небо, и розовощека
Плывущая над крышами заря.

Навстречу солнцу, в кипени зеленой,
Высокими чинарами светя,
Встает мой город — мудрый, как ученый,
Веселый и счастливый, как дитя.

Ташкент, Ташкент! Очей моих отрада,
Ты даришь всем тепло и красоту.
Здесь нет ни холодов, ни листопада, —
Когда ни глянешь, ты всегда в цвету.

Не отвести от парков вешних взора,
И солнце, устремленное в зенит,
До вечера над волнами Анхора
Свои лучи торжественно струит.

Как струны, магистрали протянулись,
И за полночь от радуг город ал.
Гортанный шум его бессонных улиц
Похож на звон фарфоровых пиал.

Пожми друзей приветливые руки,
Хорошим людям улыбнись, любя;
Послушай, как величественны звуки
Дастана, сложенного в честь тебя.

Вздымайся ввысь — могучий, крупноблочный!
Лазурью щедрой окна палиты;
Отчизны нашей горизонт восточный
Собой по праву украшаешь ты.

Твоей любовью жизнь моя согрета,
Судьба моя слита с твоей судьбой, —
Великий город дружбы, счастья, света,
Ташкент, Ташкент,
Родимый город мой!

ВИШНИ

Созрели вишни у меня в саду:
Они подобны бусам из коралла,
на них — зари вечерней отблеск алый,
они горят, как россыпь звезд в ночи,
как угольки багряные в печи, —
прекрасны вишни у меня в саду!

Отведал их — свет заструился в кровь,
в них озорство весны взметнулось круто.
В костре лучей купаюсь я как будто,
в душе — ни грусти нет, ни пустоты,
вкус вишни слился с чувством красоты:
отведал их — мед заструился в кровь.

Не в этих ли плодах — работы смысл?
От ветра зашумел костер вишневый
и пробудил волну желаний новых.
Пью жадно, словно в поцелуе страстном,
кровь чистую земли — сок ярко-красный.
Есть в алом цвете сокровенный смысл!

ПИСЦЫ

Минуя эпох перевалы,
привалы начал и концов,
история

ход не прервала
по милости

наших писцов.

Безвестное вечное племя!
Не ваша ль заслуга была,
что памяти вечное пламя
себя

не избыло дотла?

Не вы ли,

навек озаботясь
высокою этой игрой,
для истины рыли колодезь
калама

короткой иглой?

Не вы ли творили из глины
минувшего вечный состав —
событий застывшие глыбы
на всех

летописных листах?

А если

стихи одевала
причудливой записи вязь —
звенели хафизов диваны,
забвения не убоясь;
и скромно хранили баёсы
в обманах мирской маяты
газелей любовной слезы,
жемчужины

чьей-то мечты...

Что в общей судьбе поколений
бродяги равны

и цари —

восприняли вы без полемик,
истории секретари,
что нет ни единого шанса

у смертных
на вечную власть:
кто павшим вослед возвышался —
сам должен

когда-нибудь пасть.
Но в этой летящей вселенной,
В стремительной смене имен
ничто не проходит бесследно
по зыбким дорогам времен.
Пусть правду порою удастся
с обманом смешать пополам —
когда-нибудь

правдой воздастся
любому из нас

по делам...
За всей чехардой человеческой
един

человеческий род!..
И всем вам спасибо, предтечи,
за этот высокий урок.
За то, что, не чая о славе
и скудное строя жительство,
впервые

в написанном слове
увидели
дело свое!

* * *

Прав поэт: не помогут ни лунные ночи,
Ни стихи, ни стенанья, ни пылкая речь, —
Если девичье сердце зажечься не хочет,
То его даже тысяче солнц не зажечь.

* * *

Рубаб на заре зазвенел под окном, —
Кто так хорошо на рубабе играет?
А этот мотив до того мне знаком,
Что радостно сердце в груди замирает.

Прислушался я — шелохнуться не смел,
Душа и без слов поняла это пенье:
Рубаб о тебе, черноглазая, пел —
То было твоей красоты восхваленье.

РАБОЧИЙ

Я рабочий,
Я каменщик,
здание мира воздвигший!
Нет работы старей,
нет профессии выше.
Я построил дома,
раздробив
первозданные глыбы.
Стыла ночь, как вдова, —
и огонь я похитил
с Олимпа!
Гордый пасынок гор,
я не грезил
в напрасных паренях.
Я сложил себе горн —
и навесил
прожженный передник.
Я кузнец, как Кова!
Но из гордого рода такого:
не из тех, кто ковал, —
кто разбил
вековые оковы!..
Я рабочий,
богатств не умевший скопить,
слов пустых
не кидавший на ветер.
Это я ведь
когда-то
и вылепил первый кирпич,
первый гвоздь отковал
и вертел.
Это я,
словно юные луны,
дарил земледельцам серпы.
И не надо
пустых недомолвок:
я и копыя ковал, и мечи...
Кто уйдет от судьбы?

Но оружием моим
наковальня осталась
и молот.
Я рабочий —
вот призванье
и сущность моя.
Я прикован был к месту,
присужден к своей кузне,
как к казни.
Только разве могли без меня бы
моряки отправляться в моря
и купцы по чужбине
бродить без боязни?
Посмотрите на мир —
он творение
этих рук.
Есть мои отпечатки на всем:
на железе,
на досках,
на камне...
Нет,
я создал его
не как боги —
не за день, не за семь, не вдруг —
я трудился над ним,
не разгибаясь,
веками.
Посмотрите на мир,
присмотритесь к нему,
кто не слеп,
оцените
бесстрастным
и медленным взглядом:
я, рабочий,
сложил его облик!
Я дал ему воду и свет!
Я и был для него
Прометеем,
Дедалом,
Фархадом.
Вихри войн,
как самумы,
проносились

над дивным твореньем моим,
и топтали его
полководцы,
цари,
падишахи.
Но опять и опять
я его подымал из руин —
эти руки мои
все в итоге веков
побеждали.
Города возносились,
и снова белели дворцы,
и на башенных реках
упрямо вставали плотины,
возрождались каналы —
зеленой надежды творцы, —
и поля свою подать платили.
Да, рубили мне пальцы
и крылья,
когда я пытался взлететь.
Выжигали мне очи.
Но, как мир по весне,
воскресал я опять и опять!
Я — рабочий...
И однажды я понял:
достаточно!
Чаша полна!
Мир пружиною сжат.
Беспощадец истории натиск.
И тогда над землей я услышал:
«Пора!
Пролетарии, соединяйтесь!»
Был один — стал я классом,
И увидел я:
все, что вокруг, —
мир, что в горькие годы
издревле
я брал на поруки,
мир, что мной сотворен
мастерством
и могуществом рук, —
должен взять я
в рабочие руки!

Оглянись же вокруг:
воплотилась надежда моя.
Вот она —
эта пристань высокого света,
эта яркая явь,
безграничная родина эта,
эти радостные края!
Эти взлеты и море огней —
все копилось, творилось веками
руками
семьи работающей моей:
вот дехканин — мой брат,
и ученый — мой брат, и рабочий..
Наша сила — одно.
Мы — великое племя труда.
Этот мир нами крепко сколсчен.
Навсегда.

БЕРДЫ-АГА

Чинар, зацветший в парке Фирюзы,
Живет на свете не одно столетье.
Бессильны перед ним и гнев грозы,
И зной, и ветра яростные плети.
На склоне лет все крепок он и прям,
И бродит сок в корнях его ветвистых.
С его макушки солнце светит нам,
И звезды по почам горят на листьях.
Дождь промывает волосы ему,
Прохлада от ветвей его струится.
И чудится — в полуночную тьму.
Поет в листве незримая жар-птица.
Писатель старый в парке том живет,
Известен всем и всеми уважаем,
Гостей встречая, к дереву зовет
И под чинаром угощает чаем.
Шаги его упруги и легки,
И не согнулся он под ветром ярым.
Хоть снег посеребрил ему виски,
Он мне могучим кажется чинаром.
Сегодня он задумчив, —
В ранний час
В притихшем парке с отрешенным взглядом,
Как будто новым замыслом пленясь,
Берды-ага стоит с чинаром рядом.
Гляжу на них и думаю о том,
Что ты, земля, щедра на удивленье:
И это дерево в цвету густом
И этот человек —
Твое творенье.
Их одолеть и годы не смогли,
И мне ясна их стойкости природа:
Один находит силу у земли,
Другой находит силу у народа.

ПО ДОЛИНАМ БРОДИТ ВЕСНА

Месяц май — весны любимый сын —
Весело шагает на поляны,
Сыплет небо солнечную синь,
Веют в сердце пламенем тюльпаны.

Дождь капли сеет за окном —
Ливня отшумела канонада.
Есть в дыханье мая ветровом
Заревая, вязкая прохлада.

Горы устремляются в зенит —
Нет милее ручейков напева.
Май листвою весело звенит,
Май сверкает молнией от гнева.

Горизонт укутан в зелень,
Тихо вьется облачная пена
Посреди сияющего дня,
Красота природы совершенна.

Светлый лик стремительной веспы,
Схож он с человеческим, в самом деле:
То глаза ее увлажнены,
То чаруют слух — ее газели.

И цветами стали семена,
С каждым мигом мир еще желанней,
Потому что трудится весна
Неустанно в поле, как дехканин.

Силы молодые у нее,
У нее все птицы — повоселы.
Белое на яблони шитье
Бережно накупил май веселый.

Труженик! Упорно создает
Красоту из зелени и света,

Из дветенья трав и пены вод, —
Ею сердце каждое согрето!

Месяц май слагает как поэт
Новые поэмы неустанно —
Оставляют строки в сердце след,
Как резьбу на башне Регистана.

Месяц май, хвала тебе, хвала,
Нашим душам ты сиянье даришь,
На траве твоей роса светла.
Месяц май! Ты каждому — товарищ!

Ночь твоя луной озарена,
Рань твоя озвучена листвою.
Я хочу, чтоб вечная весна
Радостно светила над землею.

ГЕРОЙ

Свеглой памяти Героя Советского Союза и
Героя Социалистического Труда
Мамадали Топивалдыева

Поля раскинулись хлопковые,
края в синь неба окуная.
Бежит тропинками знакомыми
прохладный ветерок с канала.

Полдневный час.
Пора рабочая.

Он
по минутам дни считает!
А тут,
присевши у обочины,
письмо какое-то читает...

Рука, державшая оружие,
труда измерившая славу,
чуть-чуть дрожит:
из Белоруссии
привет товарищи прислали!

Выходит, помнят и теперь еще...
Как старой раны след давнишний,
жива та память...

Ветер веющий
тихонько трогает странички.

И вот
за легкой той прохладой
иная чудится прохлада,
когда в лесах он путь прокладывал
штыком, гранатой и прикладом.

Бесшумно рядом тени прядали —
его товарищи скользили.
Леса полесские их прятали,
а вражьи выстрелы косили.

БУХЕНВАЛЬД

Бухенвальд возле Веймара. Исстари тут
Находили высокие музы приют,
Набиралось искусство живительных сил;
Тут легенду бессмертную Гёте творил.
Пролетели века. В бухенвальдских печках
Не дрова, не зола — человеческий прах.
У решетчатой двери я долго стою.
Проникает отчаянье в душу мою,
Наполняется болью и ужасом взгляд:
Обреченные молча в глаза мне глядят.
Это — кожа людей... Это — волос людей...
Это — печь, где сгорели улыбки детей...
Не история здесь. В свете трепетном дня
Окружают безмолвные тени меня.
Вижу в черных глазницах проклятье и страх,
И дымится багровая кровь на камнях.
Здесь мечта испускала мучительный стон.
Здесь пылающий разум живьем погребен.
Слышу голос погибших:
— О мертвых скорбя,
От коричневой тьмы защищайте себя,
Чтоб, как встарь, не пришлось человеку опять
То, что выпало нам,
На себе испытать,
Чтоб во веки веков не могли палачи
Сжечь любовь и весну в раскаленной печи.

Нам забыться невмочь. Нам уснуть тяжело,
Потому что не всюду наказано зло,
Потому что иные берут до сих пор
Под защиту и пулю, и меч, и костер,
Потому что они и поныне не прочь
Оправдать и вернуть
Бухенвальдскую ночь.
— Будьте бдительны, люди! — тревогой объят,
Над землею гудит бухенвальдский набат. —
Будьте бдительны, люди, чтоб мрак и беда
Не посмели опять возвратиться сюда!

В МАВЗОЛЕЕ ДИМИТРОВА

Он просто спит, —
Ему, быть может, снится
По крутизне летящий в гору путь.
Он утомился,
Он сомкнул ресницы,
Чтоб хоть во сне немного отдохнуть.

Есть люди удивительной породы, —
Они, мужая в яростной борьбе,
Ум и бесстрашие целого народа
Вместить сумели смолоду в себе.

Димитров,
Правды ленинской глашатай!
Не станет склепом строгий мавзолей.
Вхожу к тебе,
Волнением объятый,
Кладу поклон от Родины моей.

Пусть недвижимы мраморные плиты
И склонены знамена, — что с того?
Земные дали и поднесь открыты
Для взора и для слуха твоего.

И люди голос узнают знакомый,
И нет в помине мертвой тишины.
Живет Димитров, —
Молнии и громы
В молчанье этих стен затаены.

Я выйду и друзьям своим отвечу:
Твой путь не кончен,
Как не кончен бой,
И нас рассветом огненным навстречу
По-прежнему зовешь ты за собой.

* * *

Преданье говорит о том, что бог,
Едва он нашу сотворил планету,
Призвал к себе людей,
Чтоб в должный срок
По-братски разделить планету эту.

Ах, очередь... Когда дошла она
До скромного болгарина, —
Вдыхая,
Увидел бог: земля поделена,
И отдал он ему кусочек рая.

Чудесный край, —
Не раз бывал я тут,
И все ясней я видел год от года,
Что бог, создавший землю, — это труд
И гений созидательный народа.

БАКУ

Мы над Каспием. Пронизывает
Горы туч стальная птица.
Путь дарит меня сюрпризами,
Как же мне не удивиться?
Любопытней всех мальчишек,
Я горю от интереса:
— Неужели столько вышек?
Или это чаща леса?
Сказочность такая редко
Мне дарилась даже снами...
Вдруг сказала мне соседка:
— Там уже Баку под нами!
Вечная весна Востока!
И борьбой, и созиданьем,
И романтикой высокой
Ты влечешь мои мечтанья!
Ветерок лицо мне гладит,
И в листве я строки слышу
Низами...

И в каждом взгляде
Красота земная дышит.
Близок, как Ташкент, недаром
Ты, Баку, мне стал отныне:
Прах бакинских комиссаров
Для меня — святынь святыня!..
Понудней выбрав место,
Смотришь в Каспий ты с откоса,
Как счастливая невеста,
Что расчесывает косы.
Гость из края хлопкоробов
На твоём стоит проспекте,
Славя твой пейзаж особый:
Хлопка снег на фоне нефти.

МУКАРРАМ!

Твое прекрасное искусство
Бросает в жар, бросает в дрожь —
Волнуя ум, волнуя чувства,
Ты как прозрачный луч плывешь.
Под этот танец вдохновенный,
Меня пьянящий, как вино,
Все существо мое на сцену
Вслед за тобой устремлено.
Река ль плывет перед глазами
Иль отблеск дальнего костра?
Иль это ожило сказанье —
Сквозь горизонт глядит Зухра?
Иль это выпорхнула стая
На сцену белых лебедей?
Иль, отблеском росы блистая,
Заря взошла между ветвей?
Иль это в поле день весенний
Букетами цветов цветет?
Все это вижу я на сцене,
Все воплотилось —
В твой полет.
Твой каждый жест — поэмы главы.
Есть свой язык в изгибах рук —
То брызнет синью небо в травы,
То вещей гром ударит вдруг.
Иль ручейка напев негрустный?
Или прибой густой листвы?
Иль ты сама — душа искусства,
Или искусство — это ты?
Когда танцует танцовщица,
Руками плавно шеveled, —
Мерцают дальние зарницы,
Цветут хлопковые поля,
И словно позвал нежным зовом
Весны — становишься добрей,
И помыслы о счастье новом

¹ Мукаррам Тургунбаева — народная артистка СССР, художественный руководитель ансамбля девушек «Бахор».

Рождаются в душе твоей.
Как будто я у перекрестка
Стою — и слышу, словно встарь,
Смех робкой девушки-подростка
И звон травы, бегущей вдаль...
Твой танец — свет созвездий дальних,
Звонящих бус прозрачный звук,
Цвет розовый садов миндальных —
Вся жизнь, что прожита не вдруг.
Твой танец — плавные извивы
Движений.
Песня пастуха,
Скольжение по травам ливпей,
Сердцебиение стиха.
Он с материнской колыбельной,
С любовью двух влюбленных схож,
Когда ты в пляске карусельной
По сцене медленно плывешь.
Как будто ты проходишь садом:
В глазах — внимание, мольба, —
И пред твоим прекрасным взглядом
Сама смиряется судьба.
Несет цветы к твоим стопам
Само искусство, Мукаррам!

МЕЛОДИЯ «ЧУЛИ ПРАК»

Остановись, о поезд, скорее — в Акча-Куйли.
Здесь в песках раскаленных, под покровом земли
Двадцать шесть комиссаров, жизнь отдавших, лежат:
На левой руке — зарница, на правой руке — закат.

Пески — без конца и без края, безмолвны, как типшина.
Пустыня, словно жаровня, солнцем раскалена.
О музыкант, я знаю, ты в деле своем мастак,
Заставь же звенеть и плакать песню «Чули прак».

Льется грустно мелодия, медленно, как песок,
В сердце — огонь,
А в горле — яростных слез комок.
Вы огонь революции миру всему важгли —
Склоняем пред вами головы тихо мы издали.

Льется плавно мелодия...
Словно из дальних стран
В белой пустыне движется медленный караван.
В звуках его таинственных — стелания и тоска
О тех, кто погиб в пустыне, чья правда прямой штыка!

Звучит в мелодии этой — горе всех матерей,
Ушедшая рано юность,
Песня прошедших дней;
Суровое, грозное время наших отцов,
Грозные красные звезды на шлемах лихих бойцов.

Грусть или стоны это? Боль? Иль призыв к борьбе?
Все в мелодии этой, что было в моей судьбе.
Поле, где вы погибли, в белой пыли пески.
Песня звенит от гнева, песня полна тоски!
Встали они преградой, встали среди степей,
Двадцать шесть комиссаров —
Двадцать шесть крепостей.
Злая, вражья сила не одолела вас.
Красный песок, как знамя, укутал вас в смертный час.

Пали, несокрушимые...
Залп грянул, словно гроза.
Смерти своей смотрели смело — глаза в глаза.
Это не просто песня...
В белых, как смерть, песках
Вас ожидала слава с песнею на губах.

Текла, как река, мелодия,
Текла в голубую даль,
Стерла эта мелодия с сердца — мою печаль.
Душа моя полнится мужеством и отступает мрак,
Когда я порою слушаю песню «Чули ирак».

ОСКОЛОК ЛАЗУРИ

Осколок лазури блестит на столе,
отбитый когда-то у краешка неба.
Пятнадцать веков пролежал он в земле
под прахом и пылью
недвижимо,
немо...

Лежал он, не тронут киркой и сохой,
всем весом столетий вкопец не добытый,
осколок лазури на глине сухой,
рукой человеческой с неба добытый.
Он нес через время свой цвет, как слезу,
свидетель того, что в столетья иные
сияла такая же в небе лазурь,
творили такие же
руки людские.

И так эта связь поколений крепка,
так все,
что препятствует памяти, —
бренно!

Хвала же тебе, человечья рука,
что истину эту вернула из плена.

ГРАНИЦА ЮНОСТИ

Говорят, что граница у юности есть,
есть предел для беспечного смеха.
Ночь луны истекла, и заря точно весть
света трезвого,
первого слега.
Где же эта граница, привал бытия?
Если б знать тот рубеж потаенный,
мы на нем не остались бы, юность моя,
мы б ушли
за черту окосма.

ПОЖЕЛАНИЕ ДОЧЕРИ

Кому на земле эта боль не знакома?
Сегодня мы дочь провожаем свою:
Уходит невеста из отчего дома
Под крышу другую, в другую семью.

Как скупы слова,
Как взволнованны жесты,
Как прост и красив подвенечный наряд!
Улыбка дрожит на губах у невесты,
И слезы, искрясь, на ресницах горят.

С родным очагом, с опечаленным кровом
Прощается дочь, смущена и тиха.
Нам грустно,
Но добрым напутственным словом
Мы дочь провожаем в семью жениха.

Пусть сердце зайдет в тревожной истоме,
Но что, коль по чести, неожиданного в том,
Что дочь, вырастая в родительском доме,
Судьбу свою в доме находит другом?

Пусть, бережно прежде хранимая нами,
Под новою кровлей в законный черед
Уйдет она вглубь, как чинара, корнями
И долго, подобно чинаре, живет.

Пусть вешним теплом на ветвях своих будит
Трепещущий цвет, высока и светла,
Пусть с тем до конца она счастлива будет,
В ком счастье свое в эту пору нашла.

Немногого, право, родителям надо,
Всего-то, наверно, и хочется им,
Чтоб дочь ни о чем не жалела,

Чтоб рада
Была она детям и внукам своим.

Чтоб горя она от любимых не знала
И любящих не огорчала сердец,
Чтоб часто с охотой тот дом навеждала,
Где медленно старятся мать и отец.

Осень, осень золотая... На ветвях качая пламя,
Роща шелестит.
Все вокруг перед глазами разноцветными кострами
Празднично блестит.
А долина в пене хлопка — словно чаша, палитая
Свежим молоком.
И серебряные груды, ослепительно блестя,
Высятся кругом.
Смех веселый и задорный над водой звенит озерной
У прибрежных ив,
И стоят шатрами ивы, погрузив кривые корни
В голубой разлив.
Осень праздничную славя, всюду весело играя,
Льются ручейки,
А знакомый тихий берег словно стал волшебным краем
В зеркале реки.
Пусть уже листва слетает, и задумчивые тени
С каждым днем грустней, —
Есть свое очарованье и у этих дней осенних —
Златотканых дней.
И под шорох листопада не грусти, моя отрада,
Ты ведь знать должна,
Что в любое время года, если ты со мною рядом,
На земле весна!

О КРАСОТЕ

Румяное, как будто после бани,
Выходит солнце в свой урочный час.
И лес шумит в редющем тумане,
И радуются птицы, пробудясь.

Прекрасна даль, и в этом смысл глубокий:
Светла душа, когда земля в цвету.
И я хочу,
Чтоб песенные строки
В себя вобрали жизни красоту.

Убей ее — и наземь лягут тени,
Нет красоты — и человека нет.
Ты с малых лет,
Как стебелек весенний,
Ее теплом обласкан и согрет.

Прекрасны облик камня и металла
И борозда, взрыхленная с утра.
В глубинах жизни красоты немало,
И труд ее выносит на-гора.

Смотрю на склоны, пажити и воды,
Держу в ладонях росные цветы.
Беру я у взыскательной природы
Предметные уроки красоты.

Речной поток,
Бегущий век за веком,
Чащоба и пустыня —
Все вокруг
Ждет доброй встречи с добрым человеком,
Пытливых глаз, трудолюбивых рук.

И Родина встает перед тобою
От края и до края,

Навсегда
Прославленная мудрой красотой
И радостью свободного труда.

Таежный город,
Смех ребячий в школе,
С крутых плотин летящая вода,
Мое родное хлопковое поле —
Не это ль подлинная красота?

И тишь,
Расцветенная птичьей трелью,
И мужество,
И дерзкая мечта,
И женщина над детской колыбелью —
Не это ль подлинная красота?

Ее неоспоримые приметы —
Сиянье дня,
Извечный зов дорог.
И сам тянусь я к солпечному свету,
Как белого хлопчатника росток.

* * *

На вороном коне, и на буланом,
И на гнедом,
Тревоги не тая,
По рытвинам, по травам, по курганам
Лечу я за тобой, любовь моя.

Но впереди туман и бездорожье,
Мелькнешь вдали — и скроешься опять.
Как ни спешу,
А в жизни этой все же
Тебя мне, видно, так и не догнать.

ЖАЖДА

Тепло весны, дыханье лета,
Костры осенние в лесу,
Девичью робкую красу
И птичий голос в час рассвета —
Все в чашу емкую сполна
Хочу я влить взамен вина
И чашу осушить до дна.

Звон родника под косогором,
Траву, пустившуюся в рост,
Мерцанье трепетное звезд
Над молча дремлющим простором —
Все в песню емкую сполна
Хочу вместить я, чтоб она
Была для каждого нужна.

Ты всемогуще, вдохновенье!
Твоим порывом одержим,
Я вижу мир совсем другим —
В цвету, во власти обновленья.
И отрешиться хоть на миг
Хочу я от хлопот пустых,
Тебе внимая, вещей стих.

И песня сердца дорога мне,
И слову каждому дано
Налиться силой — и оно,
Звуча, разбудит даже камни.
И силы этой благодать
Хочу волшебнику под стать
Я до конца в себя вобрать.

Мой книжный шкаф! Дворец огромный,
Где собран вдохновенный труд,
Где всех времен и всех народов
Певцы бессмертные живут.
Как чутко вторят струны сердца
Напеву каждой их строки —
Ведь это чувств моих и мыслей
Бесчисленные родники!

Я слышу, как певучий Пушкин
И сладкозвучный Навои
Друг другу смеловеряют
Мечты и горести свои,
И грозной правдою сверкая,
Подобно лезвиям клинков,
Звонят пророческие строки
О судьбах будущих веков.

Как много смысла в этой встрече
Эпох, народов и культур!
Здесь по ночам стихи друг другу
Читают Байрон и Бабур,
Здесь сообща Фуркат и Гейне
Клеймят мещанства ложь и гниль,
Здесь мудрость древних излагает
Стихами звучными Бедиль.

Раскрыл любимые страницы —
И снова чудятся вдали
То пленной Тинатин стенанья,
То плач обманутой Лейли,
То древнее вино Хайяма
Запенился в моей груди,
То пышным цветником шirazским
Благоухает Саади.
Исчадья Дантового ада
Горят в зловещей полутьме,
В простор сказаний богатырских

Уволокни «Шах-наме».
...или я слышу,
...от Гоголя...кий смех...
Толстой и Франс, Бальзак и Горький, —
Да разве перечислишь всех!

Гремит с трибуны Маяковский,
Врагов сражая наповал,
К сынам родного Хиндустаана
Взывает Мохаммад Икбал,
И Лермонтов о бурях грезит,
Как будто в бурях есть покой!..
Бушует — никогда не стихнет
Поэзии костер живой.

Бесценных мыслей самоцветы
Рассыпал предо мной Тагор,
И как на крыльях поднимаюсь
К вершинам Гималайских гор,
И в тишине бессонной ночи
Я думаю: спасибо вам,
Мои наставники бессмертным,
Неповторимым мастерам!

РУССКИЙ ЯЗЫК

Величья, красоты и силы полный —
Как море, ты, —
Душа тобой жива.
В тебе порыв и чувство
Словно волны,
Как капельки искристые —
Слова.

Не русский я,
Но для меня от века
Ты был родным,
Как древний мой язык.
Воспитывал во мне ты человека,
Я навсегда — твой верный ученик.

И Маркса мысль и ленинские строки
Ты мне открыл.
Ты — щедрое окно
В огромный мир, тревожный и высокий,
Что предо мной распахнуто давно.

Я прищипал к тебе благоговейно,
Как к роднику,
И шире и светлей
Даль становилась, —
К Байрону и Гейне
Я приобщался с помощью твоей.

Ты звал меня к вершинам золотистым
В лучах зари,
Взыскупя и любя.
Идти вперед,
Как должно коммунистам,
Я смолоду учился у тебя.

Язык мой русский —
Речь моя родная, —
Я от тебя уже неотделим,

Поскольку стал ты,
Сам того не зная,
Путем моим и маяком моим.
Постиг я пушкинское вдохновенье
И в горьковскую глубину проник,
И Маяковский,
Словно откровенье,
Пришел ко мне, —
Спасибо, мой язык!

Когда б не ты —
Могу сказать я смело, —
Жизнь для меня бы до исхода дней,
Как илистая речка, обмелела
И сам бы я душою был бедней.

Ты подарил мне мудрый свет прозренья,
Минуты истинного торжества,
Слова любви,
Сочувствия,
Презренья,
Присяги сокровенные слова.

Я счастлив тем,
Что у тебя учился
И был с тобой не издали знаком,
Что неспроста в груди моей сроднился
Язык узбекский с русским языком.

ОДА ОГНЮ

Зажженное в горах Олимпа пламя
От солнца в первозданной синеве,
Лучась в руках,
Горя над головами,
Издалека держало путь к Москве.
Без всяких виз переходя границы,
От сердца к сердцу,
От страны к стране,
Шел тот огонь, как яркий свет зарницы,
Разлитой в беспредельной вышине.
Из края в край прошел он путь немалый,
И точно в срок звенящая Москва
Его с улыбкой радостной встречала
Как вестника большого торжества.

О, если б мог и я,
Как свет жар-птицы,
Над головой в сквозном сиянье дня
Взметнуть огонь, что трепетно таится
И днем и ночью в сердце у меня;
Ветрам наперекор,
От непогоды
Надежно охранив его в пути,
Через моря и горы,
Через годы
Его на радость людям пронести,
Чтоб вся планета
Им была согрета —
Земля и небо, песни и сердца!

О, если б сотворил я чудо это,
Я был бы счастлив,
Счастлив до конца.

ПОЭМЫ

---

*О рук пожатья, дружеские речи! —
Ни устали, ни боли, ни тоски.
Как часто о желанной этой встрече,
Вдали от вас мечтал я, земляки.*

ПЕСНЯ КАРШИНСКОЙ СТЕПИ

Весна моя! В маках ли красных
Предгорья горят поутру,
Иль девушки вышли на праздник,
С флажками стоят на ветру?

Не сто ли оттенков цвета,
Не сто ль переливов звук
С молочной рекой рассвета
Ко мне подилывают вдруг?
В траве по колено иду я,
Как мальчик в часы забав,
Гляжу, словно выпить могу я
Зеленое море трав.
Земля — моя мать! Все яснее
Во мне твое солнце встает.
С тобой я подобен Антею,
В крови твоя сила поет.

Бездонное небо, тебе бы
Вместиться в зрачок круглый мой.
Ты, пастбище, равное небу,
Объятыя для сына раскрой!

* * *

Отлизна, тебе мои песни
И клятвы — сыновний обет!
Но клятвы словесные пресны
Без дел, как без соли обед.
И, словно ребенок, губами
Сосок отыскавший сквозь сны,
Короткими пью я глотками
Могучую прелесть весны.
Незримые овцы вздыхают
Во мгле травянистых холмов,

И вспышки огня освещают
Присевших к костру чабанов.
И ответ костра отразился
В глазах моих, лег на ладонь...
О, если б в стихи ты вместился,
Кочевий родимых огонь!..
Один я со степью. Ей в очи,
Как старому другу, взгляпу...
Вот лунная девушка ночи,
Как бубен взметнула луну,
Жемчужные сыпятся звезды
С распушенных черных волос,
В летающих искорках воздух
И трав шевелящихся ворс.
Вон там, на ветру и на солнце,
Овец и ягнят я пас,
На диком скакал ипходце
И падал с него я подчас.
А вон школьный домик каркасный
Белеет меж темной листвы.
Там я с букваря начинал свой
Путь к дальней трибуне Москвы.
За высшую грамоту жизни,
За помощь в труде и в борьбе,
Зеленое поле Отчизны,
Спасибо навеки тебе!
Не трав ли зеленая сила,
Поющая гимн небесам,
Впервые во мне пробудила
Высокую верность стихам?
Не девушка ль та из аула,
Что рядом со мною жила,
Очей уголочком взглянула,
Внезапным огнем обожгла?..
Я раньше на девушку эту
Внимания не обращал,
И синего ль, черного ль цвета
Глаза ее — не различал.
Какою же тайною силой,
Каким колдовством потрясен?
От престола сверстницы милой
Покой потерял я и сон...
Лишь с ней повстречаюсь глазами —

И сердце подобно огню!
С какими на свете цветами
Я милые губы сравню?
Не трав ли весенняя зелень —
Подруги зеленый платок?
Не ночи ли знойная темень —
Ее огнечерный зрачок?
И трепетно, будто бы россыпь
Алмазную тронув тайком,
Погладил я черные косы
Украдкой во мраке ночном.
От первого был поцелуя
Вторично на свет я рожден...
За эту любовь молодую
Тебе, мое поле, поклон!

* * *

Характер степной беспокойный
В движении каждом моем,
Ко мне ветерок твой привольный
Доносится ночью и днем.
Я слышу, как пахнет айраном,
Как булькает машкичири¹,
И пар над кипящим кумганом
Струится у края зари...
Я вижу пшеничное поле,
Где ветер в колосьях звенит
И все золотое раздолье
От гула комбайнов гудит...
И лампочек свет над хирманом,
И стук полевого движка,
И хлеб, что в ладони дехканам
Как звездная льется река!
Храню на губах постоянно
Я вкус изумительный твой,
Прохладная чаша айрана,

---

¹ М а ш к и ч и р и — каша из маша с рисом.

Усталость смывавшая в зной.
О пастбищ предутренний ветер
И свет над далеким холмом,
Пастушеский пай на рассвете,
Из белого войлока дом!..
Маликская степь! Хотя не знаешь
Султанов, — степей ты султан.
Сокровищ сама не считаешь,
Что спрятаны в каждый курган.
Ты — хлеб, целипа вековая,
Что ждет человеческих рук,
Земная казна золотая,
Брильянтами полный сундук.
Зерно в тебя бросим — достанем
Взамен полновесный алмаз,
К тебе прикоснемся — фонтаном
Чудесный появится газ.
В дали твоей, солнцем согретою,
Что так широко пролегла,
Вместилось бы несколько Греций,
А Бельгий бы тут — без числа!
Каршинская степь золотая,
Тебя я не в силах забыть,
Живешь без меня ты, я знаю,
А мне без тебя не прожить.
Над городом — гул самолета
И отблеск серебряных крыл.
Мой город живые ворота
Друзьям сокровенным открыл.
Сажу у окна. И паренье
Ветвей, и огней, и теней
Врывается в стихотворенье,
Становится строчкой моей.
Душистой прохладой ночью
Моя наполняется грудь.
И улицы ширь предо мною —
Как вечный сверкающий путь.
Прекрасны друг с другом вы рядом,
И Шейхантаур, и Хадра!
По улицам, схожим с садом,
С работы идут мастера.
И говор, и шум базаров,
И гомон ночных вокзалов,

И тень листвы тополиной
На лунной тропинке длинной.
А белый атлас рассвета,
А красное яблоко лета...
Лепешка — она сместя,
Кругла и тепла, как солпце,
Когда сверкает пред вами
Яствами и плодами
Заманчиво и широко
Цветной дастархан Востока.

И утренний звон курантов,
И шаг строевой курсантов,
И в зелени — соловьи
Над бронзовым Навои, —
Все эти, Ташкент, приметы
Воспели твои поэты.
Но только ли в них видна
Души твоей повизна?
Не ими мой город юный
Известен в любой дали.
Всемирной он стал трибуной
Собраний друзей земли.
На всех земных континентах,
Над волнами всех морей
Слово звучит Ташкента,
К миру зовет людей.

* * *

Рабочий с могучим сердцем!
Мы все на земле живем
Трудом твоим, и усердьем,
И творческим мастерством.
Мой друг по мечтам высоким,
Подай мне свою ладонь!
В стихах пусть струится током
Ее трудовой огонь.
Пусть все, что твоими руками
Сработано для детей,
Запросится стать стихами,
Работой станет моей.

* * *

И словно актеры, темы
Толпятся в кулис тени.
На сцену моей поэмы
Выхода ждут они,
Глядят на страницы строго
И мне говорят в тиши:
«Пиши, по велению долга
Про нас поскорей пиши!»
Пишу я, захвачен пеньем,
Что в сердце звучит моим.
Не это ли вдохновеньем
Писательским мы зовем?

В долгу я перед лиловым
Свеченьем морской воды,
Пред атомным ледоколом,
Алмазом, дробящим льды,
В долгу пред моей звездой,
Летящей в космос седой
С космической быстротою,
С космической высотой.
В долгу пред тобой, Гагарин,
Чудеснейший человек,
Которым земле подарен
Межзвездных открытий век!
Ведь та высота, которой
Гагарин нашел предел,
Становится повой нормой,
Вершиной геройских дел.
И если стих не стремится
Такую взять высоту,
Он падает вниз, как птица,
Подбитая на лету.
И вновь до седьмого пота
Мне рыть целину стихов,
Площадку ровнять для взлета
Еще не рожденных слов!..
В долгу я перед ферганским
Яблоком ало-красным,
Перед якутским алмазом,
И спеговым Кавказом,

И самаркандским садом,
Украшенным виноградом,
Пред хлопковым белым полем
И русским лесным привольем.
Как звездное многоточье
Простор городской ночной.
И лампочки, что рядами
Засвечены у домов,
Встречаются с огоньками
Чабанских степных костров.
И вновь к твоим материнским
Рукам я прижмусь лицом,
Степь с розовым тамариском
И солнечным чабрецом.
Весна твоя мною воспета,
О степь моя, мой океан,
Где в травах пылает до лета
Твой маленький факел — тюльпан.
А лето как ветер по искрам,
Мгновенье — вспыхнет трава,
И степь на костре богатырском
Горит, как сухие дрова.
Огромным пылающим адом
Бывала ты, летняя степь,
В пожаре покинутым кладом
Сгорала ты, бедная степь.
«Воды!» — твои губы просили,
О капле молили одной.
И жгучие ветры гармсия
Шумели над желтой землей.
И Кашкадарья побежала
На помощь тебе второпях,
Прошла полпути и устала,
Она не водой твоей стала —
Слепой слезою в глазах...
Невестою ты увядала
В разлуке с любовью, в слезах.

* * *

Каршинская степь! А сегодня
На помощь к тебе мы пришли,
Спасли от беды и безводья

Пласты плодородной земли.
Вода! Ты певунья Востока,
Прохлада в пылающий день,
И поле зеленое хлопка,
И сада цветущего тень.
Я вижу меж древних курганов
В сквозных перекрестных огнях
Движенье бульдозеров, кранов,
Строительства бурный размах.
Давай на мгновенье заглянем
В грядущего светлый простор —
В глаза белокаменным зданьям,
В глубины прозрачных озер,
В сады с шелестящей листвою,
Где новых влюбленных приют...
Узнают ли тут нас с тобою?
Узнали! И в гости зовут.
На лицах — движение света
Вечерних нежнейших огней.
И радуется сердце беседа
Веселых подруг и друзей.

ПАМЯТНИК НА СЕЛЕ

I

Ночь над селом
Все гуще, все плотнее,
И огоньки, пропизывая тьму,
Горят, как нитка жемчуга на шее,
А крайний огонек — в моем доме.
Взошла луна. Все небо в крупных звездах,
И соловей безумствует в ночи.
И напоен недвижный теплый воздух
Хмельным, медовым запахом бахчи.
Как странник к незабытому порогу,
Вернулся я в родимое село.
И ношу опустил я на дорогу,
И ночь светла, и на сердце светло.
По узкой тропке на гузар¹, бывало,
Я убегал, дождавшись темноты.
Над сонным цветником луна вставала
И целовала стебли и листья.
И вот опять иду я той тропкою —
На крепкий чай иду к своим друзьям.
Они ведут беседу меж собою;
Арык веселый вторит голосам.
О рук пожатья, дружеские речи! —
Ни устали, ни боли, ни тоски.
Как часто о желанной этой встрече
Вдали от вас мечтал я, земляки!
Спешить не к месту, —
Ничего, что поздно;
Течет беседа, и теплеет взгляд.
И в цветнике росинки, словно звезды,
У памятника Ленину горят.

II

Весенней ночи полумрак туманный.
Друзья ушли.
А я остался здесь.
Струят прозрачный аромат тюльпаны,
Невдалеке шумят турбины ГЭС.
И среди цветов на строгом пьедестале

¹ Гузар — перекресток.

Со мною рядом Ленин. И дерзка
Его мечта, и в завтрашние дали
Устремлена зовущая рука.
И я опять под звездным небосводом
В полночный час наедине с вождем.
И заново былое — год за годом —
Встает в воображении моем.
Мальчонка, — с дедушкой сюда иду я,
А солнце поднимается в зенит.
Дед молча гладит бороду седую,
У памятника долго он сидит.
— Кто этот человек в саду тенистом?
И почему присесть ему нельзя? —
Так спрашиваю я и с любопытством
Заглядываю дедушке в глаза.
— Так это ж Ленин! —
Дед вещает строго. —
Он жил в Москве, — узнаешь после сам.
— А как в кишлак он отыскал дорогу
И почему пришел он в гости к нам?
— Затем пришел, чтоб сделать жизнь счастливой,
Чтоб люди никогда не знали бед.
— А что такое беды? Это дивы
Из бабушкиной сказки? Правда, дед? —
И, словно усомнясь — не глуп вопрос мой? —
Глаза потупив долу, я молчу.
А дед мне говорит: — Узнаешь после! —
И, улыбнувшись, треплет по плечу.
Но долго я потом не знал покоя,
Я думал, к памятнику приходя:
Не худо ли ему у нас от зноя,
А в непогодь — от снега и дождя?
Сменялись дни, сгорая, как зарницы,
А мне казалось — не пойму я век,
Как может в камень перевоплотиться
Живой или умерший человек.
Но срок настал — мне мир другой открылся,
И с букварем — несмело, но всерьез
Я к таинству земному приобщился,
Которое учением звалось.
Я шел по удивительным дорогам,
Старался изо всех ребячьих сил
И слово «Ленин» четко,

Слог за слогом,
По многу раз в тетрадке выводил.

III

Букварь охотно раскрывал секреты,
И говорила каждая строка:
Есть твой кишлак, а есть еще плапета;
Что для нее границы кишлака?
И Ленин возвышался над планетой,
Звал к светлой цели, ободрял в пути.
Я пионером стал, чтоб к цели этой,
Не отставая от других, идти.
Казалось, галстук — знамени частица,
Он, точно знамя, трепетел и ал,
И свет его на всех вокруг ложится,
И Ленин этот галстук мне прислал!
И ночь над пионерскими кострами
Вступала в бой с редющею тьмой,
И было это яростное пламя,
Как отблеск Революции самой.
История правдиво и сурово
Рассказывала, в прошлое маяя;
Из глубины веков смотрели снова
Ожившие герои на меня.
И по ночам безмолвно и нежданно
Ко мне являлись, прогоняя сон,
И солнцем залитая Согдиана,
И Спарта древняя, и Вавилон.
Но с каждым часом и минутой каждой
Все горестней я думал о другом:
Как мог свободный человек однажды
Назвать себе подобного рабом?
Брат отрекался от родного брата,
И распри раздирали род людской;
Чтоб жил один беспечно и богато,
В могилу должен был сойти другой.
Темно в глазах,
И руки в свежих ранах,
Но делай так, как фараон велит!
И на костях страдальцев безымянных
Вставали камни гордых пирамид.
Как много крови в плоть свою незримо
В далекие впитали времена

Дворцы Афрасиаба, термы Рима,
Великая Китайская стена!
Богатство — сильным, нищету и муку —
В удел рабу назначила судьба.
Когда ж на сильных поднимал он руку,
То отрубали руку у раба.
Тысячелетья — это скорбь, и стоны,
И смертная борьба, и горький гнет.
И ослепительно сверкали троны,
И жил во мраке трудовой народ.
Есть у Истории свои законы,
Но разгадать их так и не смогли
Сократ, и Авиценна просвещенный,
И многие философы земли.
И чтоб разгадку эту сделать близкой,
Распутать узел следствий и причин,
У школьного инспектора в Симбирске
В апреле солнечном родился сын.

IV

Читал я книги. Тысячи вопросов
В уме роились; искус был пемал.
Но детство — это детство, и, забросив
На время книги, прочь я убегал.
Я убегал в люцерновое поле,
И травы колыхались впереди,
И пели птицы о весенней воле,
И жизнь несли весенние дожди.
И тетерев вертелся под ногами,
Одетый в пышноцветный бекасам,
И полыхало розовое пламя
На горизонте рано по утрам.
В изменчивых лучах его сверкая,
Взлетал мой серп... — уже и спон готов.
А в кишлаке — от края и до края —
Свеченде тюльпановых костров.
Я в мяч играл и, обретая смелость,
На тонконогом мчался скакуне;
Был тесен мир, —
Ночами мне хотелось
Ударить, словно в бубен, по луне.
И, в небо глядя, я томился жаждой
Обнять безбрежность вечную его.

И в синеве парил не змей бумажный,
А белый парус детства моего.
Все больше понимал я год от года;
Я знал, что я не раб и не слуга,
Я — вольный сын свободного народа,
И мне его свобода дорога.
Безмерно широка моя Отчизна, —
Как не гордиться этой широтой!
Безмерно велика моя Отчизна, —
Я жил ее трудами и мечтой.
Был каждый день и нов и многогранен,
И люди были рядом — как орлы;
Я жить хотел, как Чкалов и Папанин,
Мне ближе был Чапай, чем Кёр-оглы.
И словно у грядущего в разведке —
Все глубже, полновластней и смелей,
Как золотые весны, пятилетки
Меняли облик Родины моей.
Я про условность забывал экрана,
Когда брели Тринадцать по пескам;
Я видел, как сочились кровью раны,
И боль таил — как будто ранен сам.
И в темном зале ждал я с нетерпением,
Когда в настороженной тишине
Появится передо мною Ленин
И что народу скажет он и мне.
Он был мятежный, близкий, настоящий,
Бессмертный человек и гражданин.
И к памятнику Лепина все чаще
Я приходил без дедушки — один.

V

Но продолжались мысленные встречи
С Историей — и предо мной опять
В трудах сгорали люди, словно свечи,
И не могли Истории понять.
И гибнет Разин, гневен и неистов,
И схвачен и закован Пугачев,
Ведут на казнь бесстрашных декабристов,
А гнет все так же горек и суров.
В людской крови потоплены восстанья,
И хоть летит молва о храбрцах,
Но колесо кружится мирозлания.

Скрипит все то же:
— Человек, ты прах! —
Идут живые гибнущим на смеху,
А рабство свергнуть им не по плечу.
Течет на этом свете неизменно
Ручей к реке, богатство — к богачу.
А между тем я знаю: срок недолгий
Царям отмерен, — близок их закат;
Весною Ленин родился на Волге,
И троны палачей уже дрожат.

VI

Шепча в раздумье дорогое имя,
Стою у памятника в цветнике.
А годы плещут крыльями тугими
И оживают в дальнем далеке.
Овеяв небо Октября и Мая
Переливающимся кумачом,
Флажки над головою поднимая,
Мы с песней пионерскую идем.
Цветы пестреют. Праздничным нарядом
Украшена заране площадь. Здесь,
У памятника, все стоим мы рядом:
И школа, и колхоз, и МТС.
И я, мальчишка, верю, что на свете,
Где мы дерзаем, трудимся, живем,
Нет праздника торжественней, чем эти
Минуты встречи с другом и вождем.
Вновь перед нами свет свободы юной
И трудный путь, что к счастью смелых звал,
Рабочая Парижская коммуна
И боевой Интернационал.
И сверстники, не знавшие печали,
И старики, на чьих глазах сбылись
Мечты тысячелетие, стояли
Пред Ильичем, подняв знамена ввысь.
И видел он лучистыми глазами
Огонь багряный, взвитый в небеса,
И нашу радость разделял он с нами,
И чутко слышал наши голоса.
Я старше стал. Крута тропа земная --
От рубежа к другому рубежу.
Теперь от деда кое-что узнаю,
А кое-что и деду расскажу.

VII

И вдруг — война. И потускнели зори,
И омрачился лик родной земли.
И, как всегда, — в дни радости и горя —
Односельчане к Ленину пришли.
Шумели травы на ветру, как волны,
Молчал народ, тревожась и скорбя.
И Ленин на людей глядел безмолвно,
Как будто думу думал про себя.
И я застыл, боясь пошевелиться,
Палящим солнечным лучам открыт, —
Я словно ждал, что чудо совершится
И Ленин с нами вслух заговорит.
А он дорогу указал рукою,
Простертой вдаль — за белый горизонт,
И сыновей, уже готовых к бою,
Отсюда провожала мать на фронт.
И старший брат мой уходил в солдаты,
И по-мальчишья был я убежден:
Не за горами грозный час расплаты,
Брат будет жив — придет с победой оп.
Так думал я. Но тяжестью свинцовой
Дни наливались — горькие, как дым.
И подходил я к Ленину, чтоб снова
О главном посоветоваться с ним.

VIII

И вновь я в цветнике стою, как прежде,
А позади — года, года, года.
Я сто дорог избороздил в надежде
Сюда прийти. И я пришел сюда.
Но незабвенны песни, и тревоги,
И напряженье прожитого дня,
Нелегкие, кремнистые дороги,
К вершинам подпимавшие меня.
Дунай и Ганг остались за спиною,
И перевалы, и уступы гор.
Не ты ль, Ильич, открыл передо мною
Невиданный, немереный простор?
И в Лейпциге несмелыми шагами
Благоговейно я входил в тот дом,
Где «Искра», вспыхнув, превращалась в пламя,

Чтоб всю планету озарить потом.
Где, обходя коварные препоны,
В сраженьях закаленный, как металл,
Тем пламенем Димитров непреклонный
Безжалостно фашизм испепелял.
Оно сжигает злую темень ночи,
И жар его горит у нас в сердцах, —
Так мне австрийский говорил рабочий
И пожилой египетский феллах.
Да, пламя правды согревало взоры
И новым смыслом наполняло дни,
И вырвавшийся из стволов «Авроры»
Огонь был пламени тому сродни.
В жестоких битвах сила наша крепла,
И новый мир, прекрасен и велик,
Как феникс достопамятный из пепла,
Из праха мира старого возник.
Пусть впереди боев еще немало,
Но ленинский в веках зажженный свет
Мы пронесем во что бы то ни стало,
Как символ нашей славы и побед.
Нет света благородней и чудесней!
Он сделался огнями ГОЭЛРО,
Он — край мой возрожденный,
Труд, и песня,
И хлопковой долины серебро.
Он — это имя Университета,
Где я учился,
Где из мудрых книг
Постиг я сущность ленинских заветов,
Величье ленинизма я постиг.
... Стоит Ильич на строгом пьедестале,
Как будто завершая долгий путь,
На миг остановился он, усталый,
Чтоб от забот в затишье отдохнуть.
Но нет! Опять, покуда на планете
Борьба с неправдой не завершена, —
За будущее всей земли в ответе,
Не знает он ни отдыха, ни сна.
Зовя друзей надежных за собою,
К врагам непримиримый до конца,
Идет он по Земле — от боя к бою.
Через столетья, песни и сердца.

ГОЛОСА В ГОРАХ

ВСТУПЛЕНИЕ

В морщинах скал, в чалмах туманов сизых,
Сидят недвижно горы-старики,
И весело, как дети по ступенькам,
Журча, блестя, сбегают ручейки.

Восходит солнце над скалистым кряжем,
Заходит за другой скалистый кряж,
И даже самой величавой песней
Величья этих гор не передашь!

Здесь что ни час меняется погода:
То холодом потянет с ледников —
Тогда пронзительный студеный ветер
Несет сырые клочья облаков,

То знойное дыхание гармсель¹
Врывается — и легкою толпой
По жгучим склонам тоненькие серны
Торопятся к ручью на водопой...

Как высоки, как неприступны горы!
В туман закутан дальний перебал,
И лестницей, ведущей прямо в небо,
Мне кажутся уступы этих скал.

И здесь, на дне извилистых ущелий,
В их древней, первозданной тишине,
Как будто родникам журчащим вторя,
За песнью песнь рождается во мне.

Но что за крик, тревожный крик раздался
Над пропастью, с орлиной крутизны?
Два голоса о чем-то спорят громко,
В провалах гор распугивая сны.

---

¹ Гармсель — знойный ветер, суховей.

И снова крик — мучительный, протяжный...
Кипжалом в душу мне вонзился страх...
Гремя, посыпались с обрыва камни,
И все умолкло. Тишина в горах.

I

МОЛОДОЙ ГЕОЛОГ

С тяжелым рюкзаком к своей палатке
Крутой тропой спускается Саттар.
Лицо и шею, как в печи гончарной,
Окрасил ровный бронзовый загар.

Пусть поют поги, запемели плечи,
Пыль на рубахе, льется пот со лба,
Но как поют, ликуют струны сердца,
Как светел день, как радостна судьба!

Идет Саттар — и, обгоняя время,
В распаханную даль летят мечты,
А перед зоркими его глазами
Раскрыта книга вечной красоты.

Как будто брызги звезд упали с неба —
Кристаллы на изломах скал блестят,
И чудится: торжественную песню
Поет внизу мохнатый водопад.

А как красиво стелются по склонам
Лугов альпийских пестрые ковры,
И как затейливо тропа петляет,
Смеясь над грозной крутизной горы!

Смотри: шагами гулкими встревожен,
С гранитного зубца взлетел орел,
Как будто чувствует, что в эти горы
Отныне новый властелин пришел.

Раскрыв объятия, мчится свежий ветер,
Весенним ароматом напоен...
Идет Саттар, счастливо улыбаясь. —
По чем так радостно взволнован он?..

Геолог! Мой герой, мой друг пытливый,
От всей души завидую тебе:
Упорным поискам, крутым дорогам,
Суровой жизни — всей твоей судьбе!

Чтоб верный путь найти к подземным кладам,
Ты на любые трудности готов, —
Вот так и я хочу всю жизнь стремиться
К сокровищам неповторимых слов.

Кто говорит, что только бой с врагами
Способен в людях мужество рождать?
Наверно, тот, кто не познал ни разу,
Как нелегко природу побеждать.

Ты чужд мещанских радостей, геолог,
Тебя не манит тепленький уют,
Таким, как ты, невзгоды и тревоги
Лишь мужество и силу придают.

Под злобной вьюгой, под палящим солнцем
В теснинах гор привык ты кочевать,
В сырых ущельях, под открытым небом
Среди камней замшелых ночевать.

Закинув за спину рюкзак потертый,
Взяв карту, компас, флягу, молоток,
Ты лезешь напрямик по диким склонам,
Вброд переходишь яростный поток.

И зорким взором на утесы глядя,
На грузные, зубчатые хребты,
Как тусклые гранитные страницы,
Ты перелистываешь их пласты.

Потом не спишь... Настойчивые мысли
Блуждают под землей, в крошечной тьме...
Как вспышки молний, дерзкие догадки
Сверкают, борются в твоём уме.

Ведь если твой расчет и вправду верен,
Отчизне ты подарить новый клад...
Пусть и в стихах, тобою вдохновленных,
Романтика и мужество звучат!

II

ГРОЗА

Идет Саттар извилистой тропинкой
Вниз, по ступенчатым изломам плит.
Вот задержался на краю утеса
И вверх с веселым вызовом глядит.

Могуч хребет! За кряж его скалистый
Ушел Саттар еще три дня назад,
И вот под вечер с радостным известьем
Спешит к жене — к любимой Мухаббат.

Садится солнце. С полчаса осталось —
И он в палатке, где подруга ждет..
Кругом, как строки каменной поэмы,
Слон теснятся вековых пород.

И как историк на пемых гробницах
Читает древних надписей резьбу,
Так по извилинам пластов он видит
Всю их миллиополетнюю судьбу.

Подумать, до чего земля богата!
Но, как подвал скупого богача,
На семь замков ее казна замкнута,
И к ней не подступиться без ключа.

Ключ — это мысль и воля человека,
Таким ключом открыть любой замок!
Так говорил не раз профессор Марков,
Его любимый старый педагог.

Вот он, на старого орла похожий,
Сидит в кругу птенцов-учеников,
Блестят глаза пытливо, чуть лукаво
Под выпуклыми стеклами очков.

Седая старомодная борода
И крупные усталые черты,
А на высоком лбу легли морщины,
Как на обрыве — древние пласты.

И строгий голос чудится Саттару:
«Упорней будьте, вдумчивей, смелей,
Хранит немало кладов мать-природа
Для вас, ее достойных сыновей.

Но этих тайн сама открыть не хочет —
От вас труда и вдохновенья ждет.
Что ж, в добрый час! Как в песне говорится:
Кто ищет — обязательно найдет!..»

Так их напутствовал Сергей Петрович,
И слушала, притихнув, молодежь,
В его старинном кабинете сидя,
Где столько книг, что в жизни не прочтешь.

И лишь прощаясь, погрустнел профессор:
«Поехать с вами бы, да слишком стар...»
А через месяц по его совету
Уехал в этот горный край Саттар.

Как будет рад теперь его наставник,
Как будет горд своим учеником!
Да разве мог Саттар, сюда приехав,
Помыслить об открытии таком?

Пускай одни подумают: случайность,
Пускай другие скажут: повезло!..
Такой простою кажется разгадка,
Но как она досталась тяжело!

Четыре лета здесь подряд провел он,
Облазил каждый склон и перевал,
Пока геологическую карту
Отрогов этих горных составлял.

Теперь его догадка подтвердилась,
И завтра он на базу передаст,
Что здесь, под этой толщею гранитной,
Открыт богатый рудоносный пласт!

Смеркаться стало... Из глухих ущелий
Ползут бесшумно полчища теней,
И в сумерках по узенькой тропинке
Спускаться все опасней и трудней.

А тут еще и небо помрачнело,
Нависло мглы угрюмое крыло.
И, словно об утесы спотыкаясь,
Гром прокатился в небе тяжело.

Идет гроза!.. Уже в кустах колючих
Холодный, острый ветер засвистал...
Вон вдалеке виднеется палатка —
На дне ущелья, под защитой скал.

Как жадно сердце ждет желанной встречи
И как он будет несказанно рад
О замечательной своей находке
Сейчас поведать милой Мухаббат!

Но где ж она?.. Что ж не спешит навстречу,
Не откликается на громкий зов?..
Бежит Саттар, скользит по гладким глыбам,
Ломает ветки жилистых кустов.

В глазах темнеет... Замирает сердце,
Предчувственным тоскливым пронзено...
К палатке подбежал, откинул полог,
Глядит: в палатке пусто и темно.

Стоит Саттар, рюкзак на землю сбросив,
Дрожа глядит растерянно вокруг:
Где ж Мухаббат?.. И холодком внезапным
Закрался в грудь томительный испуг.

Быть может, близкой бури не заметив,
К ручью спустилась — подоскать белье?
А может быть, по срочному заданью
С утра на базу вызвали ее?

А может быть, к палатке возвращаясь,
Тропинки не нашла в ненастной мгле?..
Ах, Мухаббат, как без тебя тоскливо,
Как бесприютно сердцу на земле!

О, где ты, черноглазая, откликнись,
Куда ушла ты в грозовую почь?..

А если ты в беде, любой ценою
Твой верный друг готов тебе помочь!

Так что же делать? Что могло случиться?..
Раскаты грома... Ветра свист и гул...
И сразу сотнями плетей упругих
Дождь по брезенту яростно хлестнул.

Куда бежать? Где отыскать подругу?
Снаружи — мрак, беснуется гроза...
Стоит Саттар в палатке полутемной,
Еще не веря собственным глазам.

Зажег фонарик. За полоской света
Взволнованно следит тревожный взгляд:
Сор, беспорядок, грязная посуда,
Клочки газет уныло шелестят.

А на столе, на самом видном месте,
Что он, войдя, заметить сразу смог,
Знакомым быстрым почерком исписан,
Лежит тетрадный клетчатый листок.

III

ЛИСТОК ИЗ ТЕТРАДИ

«Прощай, мой дорогой!.. Я уезжаю...
Здесь для меня не жизнь, а западня.
Я знаю, как ты пылко, верно любишь,
Но мой совет: скорей забудь меня.

Нет больше сил... Терпенье истощилось...
Душа, как в клетке, здесь заточена.
Ужель я не достойна лучшей жизни?
Ужель в глуши увянуть я должна?

Сначала романтичным мне казалось
В палатке жить, среди безлюдных гор,
Ночами слушать рокот водопада,
Вступать с любимыми трудностями в спор.

Но стало ясно мне, что это бремя
Я выбрала себе не по плечу.

И эту глупую страницу жизни
Своей рукой перечеркнуть хочу!..

Пойми меня: я молода, красива,
А молодость гублю в такой глуши!
По прежней жизни, вольной и беспечной,
Тоскует соловей моей души.

Да разве можно здесь расправить крылья?
Да разве можно здесь счастливой быть?
Нет, не хочу в ущельях этих мрачных
Цветы моих надежд похоронить!

Зачем мне здесь красивые наряды,
Лак и духи, помады модный цвет?
Куда ни глянешь — камни, только камни,
Ни общества, ни развлечений нет.

Мое лицо и руки загубели
На жгучем солнце, на сыром ветру,
Я скоро тут совсем старухой стану,
От скуки и отчаянья умру!

А пара лаковых модельных туфель?
Зачем я только их сюда взяла?
Давно ли в них я на балу кружилась,
Как бабочка, резва и весела?

Теперь достану их — и чуть не плачу:
Какой счастливой я была в те дни!
А выйду из палатки — страшно станет:
Кругом лишь скалы дикие одни!

Ты любишь эти горы и ущелья,
Но если бы ты знал, с какой тоской
И день и ночь, как по родной планете,
Скучала я по жизни городской.

По многолюдным улицам скучала,
По музыке, спектаклям и кино,
По Лоле и Кундуз — моим подружкам,
Которых не видала так давно!

Все чаще мне воями стала сниться
Большая площадь, где шумит фонтан,
И фонарей волшебные цепочки,
Блестящие сквозь голубой туман,

И озеро в большом, красивом парке,
Где шелестят ряды плакучих ив,
А ветерок доносит с танцплощадки
Дразнящий, звонкий джазовый мотив...

Да, решено... Прощай!.. Я уезжаю
К родителям, в уютный, теплый дом,
Вернусь в наш город, шумный и веселый,
Который мне так дорог и знаком.

Ты все равно со мной бы не уехал,
Ты горы любишь больше, чем меня...
Что ж, оставайся в этом захолустье, —
Чужие мы с сегодняшнего дня!

Да, я ошиблась... Сил не рассчитала...
Недаром говорят: любовь слепа!..
Так путника, измученного жаждой,
Зовет к миражу лживая тропа.

Я за тобой пошла — послушно, слепо,
С тобою счастье думала найти...
Ах, если б знать могла я, что не розы —
Одни колючки встречу по пути!

Прости, что я уехала украдкой —
Так будет лучше для обоих нас,
Боюсь, что слишком горько, слишком стыдно
Нам было бы вдвоем в прощальный час.

Вот почему, пока ты не вернулся,
Собраться и уехать я спешу,
А в знак любви, теперь уже погибшей,
Письмо тебе последнее пишу.

Конечно, ты страдать сначала будешь,
И все же за тебя спокойна я:

Есть у тебя любимое призванье,
Есть верные, хорошие друзья.

Ты волевой, настойчивый, упрямый,
Ты не боишься никаких преград.
Я верю: ты всего добьешься в жизни.
Прощай. Желаю счастья.

Мухаббат».

IV

ПОГОНЯ

Вскочил как бешеный, скрипя зубами,
Дрожа напялили сапоги и плащ,
Рванулся в дождь и темень — а дорога
Кривая, злая, липкая, — хоть плачь.

Фонарь забыл, впотьмах скользил и падал,
Через кусты ломился напрямик...
Лишь к полночи он до шоссе добрался,
Остановил попутный грузовик.

Машина шла во тьме, почти вслепую,
Тревожно и отрывисто гудя.
Гром не смолкал, и по стеклу кабины
Стекали слезы крупного дождя.

Жми, жми, шофер! На этом горном спуске
Тебе известен каждый поворот!
Ох, только бы догнать!.. Любой ценою
Свою подругу он назад вернет.

О тучи, разразитесь ливнем горя,
О молния, вонзись кинжалом в грудь!..
Да разве могут лучшие надежды
Так подло, так бесчестно обмануть?

О твердь земли, раскройся под ногами,
Низвергни в пропасть муки и стыда!..
Да разве могут лучшие надежды
Внезапно стать чужими навсегда?

Ах, Мухаббат, да что ж ты натворила?
Не сон ли это, несуразный сон?
Все так неожиданно, неправдоподобно,
Что кажется, проснись — и ты спасен!

Но клетчатый листок перед глазами —
Косые строчки лживого письма,
И каждая строка неправдой дышит,
Клевещет, жжет, грозит свести с ума.

О, удержи ее, слепящий ливень,
Не дай уехать ей, свирепый гром!..
Но разгулялась пьяная природа —
Бушует, знать не хочет ни о чем.

За ветровым стеклом зигзаги молний
Мелькают, насмехаясь и дразня,
Да в ярости кнутах дождевыми
Гром погоняет своего коня.

Не с ним ли вместе взрывы грозовые
Бездушную изменницу клянут?..
Жми, жми, шофер!.. До поезда ночного
Осталось только несколько минут!

Воп окна станции вдали желтеют,
Едва светясь сквозь дождевой заслон,
И вот уже, скользя и задыхаясь,
Он выбегает на пустой перрон.

Но поздно... С тяжким гулом уползает
Железный змей... Лишь на его хвосте
Блеснули два огня — две капли крови —
И растворились в мокрой черноте.

V

РАЗГОВОР В КАБИНЕТЕ

Спят в синем небе горы-исполины,
Вся мощь природы в них воплощена,
А у подножья их громад гранитных
Толпа дощатых домиков видна.

За домиками — вышки буровые
С надменным видом выстроились в ряд,
Посмотришь вечером — земным созвездьем
На них огни бессонные горят.

Здесь день и ночь поют, гудят моторы:
С природою ведя упорный спор,
Алмазных буров хоботы стальные
Все глубже проникают в чрево гор.

А чуть подальше — аккуратный домик,
Играют в окнах отблески зари,
И с будничною надписью «Контора»
Красуется табличка на двери.

Сюда текут все сводки и отчеты,
Здесь мозг всех изыскательских работ,
Отсюда на твердыни гор окрестных
Ведется наступленье круглый год.

Давайте-ка и мы сюда заглянем?
Вот над столом, у самого окна,
Склонилась женщина в узбекском платье,
Стройна, красива, как сама весна.

А на столе — таблицы, книги, карты,
Куски пород, пробирки, микроскоп,
И блики солища ласково ложатся
На вдумчивый, чуть напряженный лоб.

Открытый взгляд, венец косы тяжелой,
А брови — словно черная тесьма.
Была простым геологом недавно,
Теперь партгором стала Салима.

Работы много. Но вот эта папка
Всех прочих дел серьезней и важней,
И, четким, твердым почерком написан,
Лежит отчет Саттара перед ней.

Приложены к отчету карты, схемы,
Начнешь читать — и прозорливый взгляд

Уходит в прошлое родной планеты,
На много миллионов лет назад.

Кружась полуостывшим, тусклым шаром
Во тьме доисторической поры,
Земля рожала: клокотала магма,
Врываясь в трещины земной коры.

Тряслись материка, всплывали, гибли,
Моря кипели, дыбились хребты.
И застывала магма, превращаясь
В извилистые горные пласты.

Закон природы — вечно быть в движении:
Хоть и вслепую, хоть и наугад,
Ее живые, творческие силы
Неутомимо чудеса творят.

Так из кипенья крохотных частичек,
Невидимых для человеческих глаз,
Рождаются подземные богатства —
Свинец и медь, железо и алмаз.

Миллионы лет они лежат под спудом,
Но вот приходит в горы человек:
Кипшачный парень с новеньким дипломом,
Нескладный, скромный молодой узбек.

И вместо книг знакомых, по которым
Вчера он госэкзамены сдавал,
Теперь читает каменную книгу —
Загадочные знаки этих скал...

Теперь сго отчет она листает —
И, словно неизведанный маршрут,
За шагом шаг настойчивые строчки
К далекой цели, к выводам ведут.

Как дерзко утверждает он догадки,
Что раньше только теплились в умах,

Пусть многое еще неясно, спорно,
Зато какая смелость и размах!

Ведь если прав он хоть наполовину,
Открыт богатых залежей массив!..
Вот, кажется, приехал Каршибаев.
Прислушалась, глаза слегка скосив.

Да, зычный бас его из кабинета
Гудит, как из чугунного котла,
И Салима, сложив бумаги в папку,
В святилище к начальнику вошла.

В отличном настроенье Каршибаев —
Так и сияет щелочками глаз
И, улыбаясь, золотые зубы
Как будто выставляет напоказ.

Широкоскулый, толстый, добродушный,
Сидит, как шах, среди бумажных груд.
(Не зря аллахом местного значенья
Его давно геологи зовут).

«Садитесь, дорогая, — шеф с улыбкой
Пять пухлых пальцев подал через стол...
Что ж написал наш молодой коллега?
Переворот в науке произвел?..»

И сразу к острой схватке приготовясь,
Собрав все силы сердца и ума.
«Мы — на пороге крупного открытия!..» —
Волнуясь начинает Салима.

Невозмутимо слушает начальник,
Лицо замкнуто словно на замок,
И замечает Салима, что почва
Вдруг у нее уходит из-под ног.

Но вот поднялся шеф — не то взволнован,
Не то на что-то чуточку сердит...
Встал молча у окна... Все напряженней
За ним украдкой Салима следит

Два года, как товарищ Каршибаев
Сюда назначен, но за пару лет
Уже повсюду — в главке, в министерстве —
Завоевал большой авторитет.

На вид, конечно, не к чему придраться —
Руководитель он не из плохих,
Но слишком обтекаемая личность —
Терпеть не может Салима таких.

Наверное, на каждый случай жизни
Есть у него особое лицо.
Порой развязно шутит и хохочет,
Ввернуть умеет острое словцо.

Выходит на трибуну — сух, надменен,
Немногословен, мастер общих фраз,
А если нужно отказать кому-то,
Бывает ироничным всякий раз.

Вот и сейчас по-барски благодушно
Звучит неутешительный ответ:
«Ребячий лепет!.. Много слов красивых,
А доказательств настоящих нет.

Боюсь, что лишь в мечтах да на бумаге
Встречается такой богатый пласт...
Где факты, факты?.. Пусть представит факты
Ваш симпатичный молодой фантаст!»

«Ну что ж... — глаза красавицы парторга
Уже горят, как грозовая ночь, —
Не стану спорить — фактов маловато,
Тем более наш долг ему помочь.

Такое дело — новое, большое —
Не смеем мы бросать на полпути!
Я вас прошу послать к нему бригаду —
Ну, человек хотя бы из пяти...»

«Ишь, быстрая! — смеется Каршибаев,
Так и блестит золотоzubый рот. —

Уже решила всё!.. А как же график?
А как же план намеченных работ?

Людей и так на базе не хватает,
Кого же в помощь мы ему дадим? —
И вдруг слегка прищурился: — А если
Вы сами шефство взяли бы над ним?...»

VI

ОДИНОЧЕСТВО

Где водопад ревет в ущелье глухо,
Где мчатся волны, бешено рыча,
Белеет одинокая палатка
На каменной ладони, у ручья.

Спускаясь с гор тигриными прыжками,
Грызет базальт весенняя вода,
Да шелестит серебряной листвою,
Склоняясь над входом, дикая джида.

Откинут полог. В глубину палатки
Косым лучом закатный свет пропик:
Дощатый столик, койка, инструменты,
На ящике большая кипа книг.

Снаружи — листьев вкрадчивые вздохи
Да водопада бесконечный гул...
Над тесным столиком Саттар склонился —
За целый день спины не разогнул.

Осунулся, заметно помрачнел он,
Легла на лбу угрюмая черта,
Поблек румянец, заострились скулы,
И стало жестче выраженье рта.

Да и курить он стал гораздо больше —
Полно окурков в банке под столом,
Но взгляд еще упрямее — как будто
Шагает он сквозь бурю напролом.

Работай, брат, работай стиснув зубы,
О жгучем одиночестве забудь!..

Ты знал, на что идешь, — хоть не предвидел,
Каким тернистым будет этот путь.

Просил помочь — пачальство отказало,
Представил факты — мало, говорят...
Ну что ж, ищи, трудись как одержимый,
Не отдыхай неделями подряд.

А с горечью, с бессонницей, с тоскою
Теперь тебе бороться одному...
Еще спасибо, что судьба послала
Нежданную поддержку — Салиму.

Как с ней легко ему! Поймет с полслова,
Поспорит с ним, совет толковый даст,
Из всех она уверовала первой,
Что он отыщет свой заветный пласт,

А улыбнется ласково — и сразу
Надежду будит, силы придает...
Работает Саттар. Под зоркой луной
Блещат цветные образцы пород.

Нам камень мертвым кажется, но это —
Лишь наших чувств обыденный обман.
Нет, камень — прошлых дней живой свидетель
И дней грядущих верный талисман.

Не зря издревле говорят в пароде,
Что для алмаза нужен ювелир, —
Направь смелее острый луч познания —
И в мертвом камне вспыхнет целый мир,

И оживет, заговорит с тобою
Его красноречивая душа!..
Работает Саттар. По пестрой карте
Петляет острие карандаша.

А сквозь ее причудливые пятна,
Сквозь рябь пометок и цветных значков
Лицо всплывает, и глаза яснеют
Под выпуклыми стеклами очков.

Седая старомодная борода,
Пласты раздумий на высоком лбу...
Да, только он, его наставник старый,
Ему поможет продолжать борьбу.

Что ж, решено: он завтра же по почте
Пошлет ему подробный свой отчет, —
Поддержит ли его Сергей Петрович
Иль начисто весь план перечеркнет?..

Встает Саттар и, расправляя плечи,
Выходит из палатки на простор.
Смеркается. Крупинки звезд пугливых
Дрожат над синими зубцами гор.

Под легкими порывами пролады
Гудит ущелье, как пустой кувшин,
А солнце, будто сварено вкрутую,
Уже садится между двух вершин.

Вздохнул Саттар — и ощутил внезапно
В груди одну лишь грусть и пустоту.
Спустился вниз, к бурлящему потоку,
Устало сел на плоскую плиту.

Ревет поток. Прыжками мчатся волны,
Крутятся, кипя среди гранитных груд,
А следом и встревоженные мысли
Неудержимо в прошлое бегут...

Весна... Шумит листва... А за листвою,
В широких окнах отразив рассвет,
Вздымается к безоблачной лазури
Большое здание — университет.

Величествен и светел храм науки —
На солнечный дворец мечты похож.
Здесь с самого утра, смеясь и споря,
Толпится на ступеньках молодежь.

Звенит звонок. Торопятся студенты —
На лекцию и с лекции спешат.

А во дворе — тенистые платаны
Густой листвой задумчиво шуршат.

Едва стемнеет — фонари зажгутся,
Фонтан дробит жемчужные огни...
Здесь каждый вечер, на скамьях рассевшись,
К экзаменам готовились они.

Вот здесь-то он впервые и увидел
Свою надежду, радость и беду,
Когда, конспект вполголоса читая,
Сидел с друзьями вечером в саду.

Она прошла в цветном, весеннем платье
И пристально взглянула на него, —
Что за звезда блеснула в этом взоре,
Что за неведомое колдовство?..

Так началось... Под вечер у фонтана
Ее встречал он каждый день почти,
Порой тайком их скрещивались взоры,
А он все не решался подойти.

И сколько раз в тиши бессонной ночи
Светились перед ним из темноты
Прекрасной черноглазой незнакомки
Лукавые и нежные черты...

Как звать ее? Как подружиться с нею?..
Пылал Саттар, терзаясь день и ночь...
Но вот однажды всемогущий случай
Ему решил хоть чуточку помочь.

Она с плеча косынку обронила —
Он поднял этот легкий, пестрый шелк
И подал ей... Хотел спросить о чем-то,
Но тут же сбился, вспыхнул и умолк.

А девушка тюльпаном разгорелась,
Сама нежданной встречей смущена,
И рассказала, опустив ресницы,
Что на филфаке учится она,

Четвертый курс кончает, а к зачетам
Готовиться приходит в этот сад,
И, руку подавая в знак знакомства,
Ему сказала имя: Мухаббат¹.

Ах, Мухаббат! Из всех имен красивых
Чудесней имени на свете нет,
В самом его таинственном звучанье
Сокрыт надежды путеводный свет.

Был первый взгляд лишь крохотною искрой,
Теперь всю душу охватил пожар...
В ту ночь не мог уснуть — хмельной от счастья,
Бродил по лушным улицам Саттар.

Так начались их встречи... Словно крылья
Волшебной птицы, замелькали дни...
Еще вчера совсем чужими были,
А стали неразлучными они.

Гуляли, спорили, стихи читали,
И все чудесней было им вдвоем...
Так создавалась день за днем поэма,
Которую любовью мы зовем.

Казалось, взял он в руку чашу счастья
И пьет, и пьет пьянящее вино...
Откуда мог он знать, какую горечь
Ему еще отведать суждено!

Теперь пришло жестокое похмелье,
Скатилась с неба лживая звезда...
Что ж, если так, с последнею надеждой
Пора покопчить — раз и навсегда.

И встал Саттар. Достал из грубой куртки
Все, с чем расстаться не хватало сил,
Все, что на сердце, что в грудном кармане
Он, как проклятье, до сих пор носил.

Порвал ее смеющееся фото.
Порвал прощальный клетчатый листок,

---

¹ Женское имя, в переводе означающее — любовь.

Взглянул на их бессильные обрывки
И — кинул в оглушительный поток.

VII

МЕД И ЯД

У Каршибаева сегодня пьянка:
Богатый приготовлен дастархан,
Веселый вальс играет радиола,
От коньяка в глазах стоит туман.

Звенят бокалы, багровеют лица,
Стол полон вин, закусок и сластей.
В улыбке расплывается хозяин
И угощает двух своих гостей.

Кто ж эти гости? Ну-ка приглядимся:
Вот этот щеголь молодой — Артык.
Угодливый, любезный — сразу видно:
Перед начальством спину гнуть привык.

Стал тамадой, провозглашает тосты,
А с тонких губ так и сочится мед:
«За драгоценное здоровье шефа»
С подобострастной улыбкой пьет.

Другой — плечистый, густобровый парень,
Могуч, застенчив, неуклюж на вид,
Хоть от вина уже пылают щеки,
Но больше слушает, чем говорит.

Доверчивость, горячность — весь характер
Прочесть нетрудно по его чертам.
Кто ж он такой? Муж Салимы, парторга,
Начальник вышки буровой — Хатам.

Хочет, шутит толстый Каршибаев,
Сверкает всем золотозубым ртом,
Хоть он, конечно, и большой начальник,
Ведет себя как равный за столом.

Гостям коньяк усердно подливает,
Со лба стирает маслянистый пот,

И от густого смеха добродушно
Трясется, как бурдюк, его живот.

Все громче голоса звучат хмельные,
Еще одна бутылка начата...
Но что за цель у этой шумной пьянки?
Ведь собрались-то, видно, неспроста.

Артык следит украдкой за соседом,
Переглянулся с шефом под шумок...
О том, что здесь какой-то сговор тайный,
Лишь одному Хатаму невдомек.

Уже опустошили блюдо с пловом,
По пиалам разлит зеленый чай,
И о Саттаре, об его открытье
Заходит речь — как будто невзначай.

На похвалы хозяин не скужится:
«Чудесный парень!.. Молод, но смышлен!
А главное — как черт, упрям, настойчив,
В свою работу всей душой влюблен!..»

Артык, ослабясь, реплику бросает:
«О, вы, начальник, правы, как всегда,
Саттар умен, настойчив — это верно,
Да слишком возгордился — вот беда.

Зазнался, забывает стыд и совесть,
А за такими нужен глаз да глаз,
Того гляди, возьмет да одурачит
Иль осрамит кого-нибудь из нас!..»

Густые брови вскинув удивленно,
Уставился в лицо ему Хатам:
«Вы что, Артык? О чем вы говорите?
Да за Саттара душу я отдам!

Мы пожелать должны ему удачи,
Его открытье — общий наш успех,
Саттар — надежда наша! И к тому же
Ведет себя скромней, достойней всех...»

Артык по-лисьи глянул на Хатама,
Его, смеясь, похлопал по плечу:
«Вы — человек хороший, сразу видно,
Но вас, как друг, предостеречь хочу.

Поверьте мне, Саттар — совсем не ангел,
Советую понаблюдать за ним:
Когда жену-красавицу имеешь,
Опасно быть доверчивым таким!..»

Вспылил Хатам: «Ты хоть и пьян изрядно,
Но все-таки язык попридержи!..
А если что-нибудь и вправду знаешь,
Так не вилай — начистоту скажи.

Уж лучше не в свои дела не суйся,
Ведь мы с Саттаром старые друзья.
А Салиме я верю. В наше время
Жену держать на привязи нельзя!..»

Хозяин мельком глянул на Артыка,
Артык мгновенно понимает знак:
Мол, все в порядке, все идет нормально,
Теперь решайся на последний шаг.

К Хатаму подвигает стул поближе,
Развязно шепчет на ухо ему:
«А для чего Саттар к себе в палатку
Так часто приглашает Салиму?..»

Вскочил Хатам. Чуть стол не опрокинул.
Лицо густая краска залила.
Уже тяжелой, жилистой ручищей
Тарелку он хватает со стола,

Уже готов ударить... Но проворно
Хозяин вырастает перед ним:
«Постой, не горячись... Зачем скандалить?
Давай-ка по-мужски поговорим...»

Опять сидит Хатам. В глаза не смотрит.
Поникли плечи, рот урюмо сжат.

Артык закуривает сигарету,
Спокоен, только пальцы чуть дрожат.

По компате прошелся Каршибаев
И рядом сел, вздыхая тяжело:
«Ну вот что, дорогой... Позволь с тобою
Быть откровенным, коль на то пошло.

Хоть ты и вспыльчив, это всем известно,
Смири на время свой горячий нрав,
Ведь мы — друзья. Добра тебе желаем.
Так разберись, кто прав, а кто неправ.

Артык сказал, конечно, не подумав,
Но не сердись. Он — человек прямой.
Поверь, я сам тревожусь, чтоб несчастья
Не приключилось с нашей Салимой...»

Свирепо вздрогнул, глянул исподлобья,
Но стиснул зубы — промолчал Хатам,
А голос приторный сочится в душу,
Как будто мед с отравой пополам:

«Ты, братец мой, хороший, честный парень,
Одна беда — уж чересчур гневлив,
Любую ранку лучше смазать йодом,
Чтобы потом не сделался нарыв.

Признаться, я уверен был сначала,
Что это все — пустая болтовня,
Но ведь без ветра дерево не гнется
И не бывает дыма без огня.

Послушай Салиму — с утра до ночи
На языке: Саттар, Саттар-ака...
Открой глаза пошире — да подальше
Держи ее от своего дружка!»

«Не может быть!..» Тяжелыми плечами
Повел Хатам — и снова мрачно смолк.
«Не может быть? Когда чабан беспечен,
Легко в кошару проберется волк!

Тебе-то он не раз, наверно, клялся,
Твердил: не подведу, не обману...
Но сам подумай: разве можно верить
Тому, кто смог прогнать свою жену?

Прогнал бедняжку! В ливень, среди ночи!
Хорош смиренник, нечего сказать!..
А почему прогнал? Понять нетрудно:
Себе задумал руки развязать.

Смотри же, друг мой, чтоб с таким шайтаном
Не спуталась случайно Салима.
Вот и вчера, как будто бы по делу,
К нему с утра отправилась сама...»

Теперь в беседу и Артык вступает —
Сквозь зубы цедит едкие слова:
«Да, не случайно по всему поселку
Идет про них недобрая молва.

Я сам недавно вечером их видел
За буровыми, на краю реки —
Шли радостные, за руки держались,
Резвились, как весною мотыльки...»

«Молчите!.. Хватит!..» Звякнула посуда.
Хатам поднялся, тяжело дыша.
Лицо в поту. Дрожит, как ветка в бурю,
Отчаяньем пронзенная душа.

В глазах круги плывут... Клокочет сердце...
По жилам расплзается огонь...
Но мягко на плечо ему ложится
Уверенная, жирная ладонь.

«Сядь, дорогой! — мурлычет Каршибаев. —
Приди в себя... Ты знаешь все теперь.
Дай бог, чтоб мы с Артыком ошибались,
Но все-таки как следует проверь.

Нас правильно пойми... Я сам жалею,
Что за столом зашла об этом речь,
Но мы, Хатам, тебя по-братски любим,
А потому должны предостеречь...»

Сидит Хатам, сутулясь по-медвежьи,
Скрипит под ним изящный, гнутый стул.
Хозяин рюмку коньяком наполнил
И через стол с усмешкой протянул:

«На, выпей... Успокойся и подумай.
Тебе сто раз не будем повторять:
Ведь ты мужчина — и в любое время
За честь свою сумеешь постоять!..»

Ночь... С многозвездным небом состязаясь,
Горят огни на вышках буровых.
С гудящей головой, с тяжелым сердцем
Бредет Хатам вдоль улочек кривых,

Бредет впотьмах, густые брови хмурия,
Шатается от хмеля и тоски...
И вдруг остановился, зубы стиснул,
До хруста сжал литые кулаки.

VIII

НЕВЕРНЫЙ ШАГ

«... Придется вместе почевать в палатке.
Идти домой? Да вы сошли с ума!
Вот койка. Раздевайтесь и ложитесь.
А я работать буду, Салима».

И, не желая слушать возражений,
Саттар придвинул самодельный стул,
Сесть перед лампой Салиму заставил
И осторожно сам ее разул.

Ну так и есть! Нога совсем распухла.
Да разве мыслимо пускаться в путь?
И падо же на самом легком спуске
Так неудачно ногу подвихнуть!

И живо ей Саттар вокруг лодыжки
Широкий бинт восьмеркой закрутил,
Потом проворно взялся за хозяйство —
Зажег спиртовку, чаю вскипятил.

А Салима с досады чуть не плачет,
На все лады в душе себя кляня:
«Что муж теперь подумает, скажите?
Ведь знаете, какой он у меня!..»

«Ну что ж, — Саттар со смехом скалит зубы, —
Придется мне вам выдать бюллетень!
Пусть поволнуется супруг немного —
Узнает все на следующий день...»

А за открытым пологом палатки
Уже сгустился синий полумрак...
Немного о делах поговорили,
Потом поужинали кое-как.

На койку Салима, не раздеваясь,
Легла лицом к брезентовой стене.
К столу присел Саттар. И все затихло,
Все притаилось в чуткой тишине.

Снаружи ветер бродит по ущельям,
Да водопада бесконечный гул...
Огромный мир над крохотной палаткой
В мерцающем безмолвье потонул.

И под бездонным многозвездным небом,
Как палуба большого корабля,
Плывя навстречу новому рассвету,
Бесшумно накрывается земля.

Не спится Салиме... С утра сегодня,
Забравшись в горы, в дикие места,
Они вдвоем на карту напосили
Восточный контур главного пласта.

А дальше, за Фисташковым ущельем,
С дороги сбились. Двинулись в обход.
Тогда лишь спохватились, что пора бы
Спешить обратно — вечер настает.

Но ведь в горах случается, как в жизни:
Один неверный шаг — и под откос!
Упала Салима... Саттар в палатку
Ее почти что на руках принес.

Один неверный шаг... Пустячный случай...
А вдруг придаться вздумает Хатам?
Не спится Салиме — как будто вправду
Беда за ней крадется по пятам.

Снаружи ветер-полуночник бродит,
Да водопада бесконечный гул...
А муж глядит — угрюмо, исподлобья,
Могуч, широкоплеч, широкоскул,

То ласков, как огромный медвежонок,
То зол и мрачен, словно лютый тигр...
И кружатся в мозгу слова и лица,
Как будто листья вьет осенний вихрь.

В субботу, на закрытом партсобрание,
Она ребром поставила вопрос:
Большое дело начато Саттаром,
Давно пора помочь ему всерьез,

А скептикам, чинущам твердолобым
Еще настанет час держать ответ!..
Но слово взял сейчас же Каршибаев —
Все впечатленье сразу свел на нет.

Встал, пропичный, пухлый, добродушный,
И, в ход пустив свой золотой оскал.
Ее при всех с отеческой усмешкой,
Как за косы девчонку, оттаскал.

Сказал солидно, с едкой издевкой.
Что он — не демагог и не фантаст
И тратить государственные средства
На выдумки нелепые не даст.

Ух, как она с начальником схватилась —
Опомниться не может до сих пор!
Со стороны, наверное, казался
Не очень-то красивым этот спор.

Чего же удивляться, что в итоге
Ее никто поддерживать не стал...
Как ухмылялся ласково и нагло
Победоносный золотой оскал!

А дома муж сидит мрачнее тучи —
С собранья, видно, раньше всех ушел,
Заговорила с ним — молчит как мертвый,
И только взгляд озлоблен и тяжел.

Накрыть на стол хотела — хлопнул дверью...
Ждала весь вечер, плача от стыда...
Вернулся пьяный вдребезги... Такого
С ним раньше не случилось никогда.

Ревнует?.. Неужели он и вправду
К Саттару мог ее приревновать?..
Какая глупость, что пришлось сегодня
В чужой палатке ей започевать!

Что ж, решено: увидит завтра мужа
И смело объяснится с ним сама...
Так думала, а после в сон тяжелый
Ушла, как в черный омут, Салима.

Снаружи ветер бродит по ущельям.
Да водопада бесконечный гул...
Тихонько встал Саттар и ей на плечи
Получше одеяло натянул.

Спит Салима, открыв по-детски губы,
Не вынув шпилек из тяжелых кос,
А на щеке красавицы парторга
Украдкой блестит полоска слез...

Спит женщина, красивая, чужая,
Тревожная, бросающая в жар...
Но, прочь гоня непрошеные мысли,
Ладонью по глазам провел Саттар.

И снова сел к столу. И снова строчки
Цепочками бегут из-под пера...
Учителю о всех своих сомненьях
Писал Саттар до самого утра.

IX

ФИГУРЫ РАССТАВЛЕНЫ

Домой вернулся поздно Каршибаев,
Портфель тяжелый бросил на тахту,

Усталый, грузный, сел к столу сердито:
Так дальше жить ему нелегко.

Жена на стол поспешно накрывает,
Кругом — уют, домашнее тепло,
Пора забыть заботы... А на сердце
По-прежнему темно и тяжело.

Кто он такой? Простой руководитель.
Таким он был и десять лет назад.
Хоть лезь из кожи вон, а не достигнешь
Ни почестей, ни званий, ни наград.

Немногого же в жизни он добился!..
А старость близится... Все меньше сил...
Так неужели он свою удачу
Теперь уж безвозвратно упустил?

Вздыхает Каршибаев. Из портфеля
Коричневую папку достает.
Квадратным, твердым почерком написан,
Глядит в глаза ему чужой отчет.

Чужая молодость, чужие мысли,
Чужой успех — блистательный успех!..
Немало у людей недугов тайных,
Но зависть — злей, мучительнее всех!

Сидит, сидит в раздумье Каршибаев.
Стемнело. Стынет ужин на столе.
Зеленый чай — успокоенье сердца —
Дымком исходит в пестрой пиале.

Конечно, прав Саттар... Его открытию
Лишь Каршибаев ходу не дает.
Но парень крепкий — рано или поздно
Свое открытые все равно пробьет.

Вот если этот парень вдруг исчез бы —
Исчез, пропал, ушел в небытие,
Уж как-нибудь сумел бы Каршибаев
Его открытые выдать за свое.

Не сразу, нет!.. Пускай угомонятся,
Забудут правду через год-другой, —

Тогда на небеса своей карьеры
Он и взойдет неожиданною звездой!..

Увы, чудес на свете не бывает, —
Как может человек живой пропасть?..
Но ведь успех — строптивая красotka:
Добром не взял — приходится украсть.

Да, чтоб живьем поймать свою удачу,
Похитроумней надо сеть сплести!
Такого парня затравить нетрудно,
Но лучше бы — совсем убрать с пути.

Убрать... Но как?.. Да чтоб в тени остаться,
Чтоб не пришлось потом держать ответ..
Ну что ж, он в жизни кое-что да смыслит,
Уж он теперь матерый сердцевед.

Он все учел — все скрытые пружины
Людских сомнений, слабостей, обид..
Так шахматист, и трех ходов не сделав,
Уже готовит ферзевой гамбит.

Продуман каждый ход. Послушных пешек
Расставил он на шахматной доске,
А сам ферзем останется... Все нити
Он крепко держит в пухлом кулаке.

Жена гремит посудой на кухне,
И, чувствуя в коленках легкий страх,
Встает он — словно с краденым ребенком,
С коричневою папкою в руках.

Идет тихонько к платяному шкафу
(Как этот пол предательский скрипуч!),
Вниз, под белье, кладет свою добычу
И дважды поворачивает ключ.

Х

НА УЗКОЙ ТРОПИНКЕ

Ущелье грозным рокотом наполнив,
Кидаясь через глыбы кувыркром,

Совсем взбесившись от дождей весенних,
Бурлит поток кипящим молоком.

А чуть подальше, где, вздымая брызги,
Язык с обрыва свесил водопад,
В косых лучах садающегося солнца
Осколки влажной радуги дрожат.

Посмотришь вверх — на неприступной круче,
Кривые корни в трещины вонзив,
С безумною отвагой смотрят в пропасть
Кусты шиповника и диких слив.

А воп скала нависла над тропинкой,
Уж до чего грузна и тяжела,
Но кажется: на выступ муха сядет —
И дрогнет, и обрушится скала...

Над краем пропасти Саттар шагает,
Закат огнем уже облил хребты,
Поторопиться надо, чтоб к палатке
Успеть до наступленья темноты.

Натерты ноги, ноша ломит спину,
И все же хорошо взглянуть вокруг:
Здесь каждую скалу в лицо он знает,
Здесь каждый куст — как закадычный друг.

Весь этот месяц в поисках провел он,
Облазил горный кряж со всех концов
И в подтвержденье своего открытья
Добыл немало новых образцов.

Вот и сейчас тяжелые находки
Лежат на дне большого рюкзака.
Теперь любого скептика-тупицу
Он сможет посрамить наверняка!

Глядит Саттар на горные громады
И словно видит душу их насквозь:
Вон там редкоземельные металлы
Нежданно обнаружить удалось,

А там, застыв извилистой рекою,
Лежит во тьме свинцовая руда...

Да, скоро огласятся эти горы
Веселым гулом — музыкой труда!

Последний спуск остался. Над обрывом
Саттар остановился, закурил.
Уступами сбегает вниз тропинка,
Как лестница — но только без перил.

Вдохнул Саттар, скользнул усталым взглядом
По облакам закатным, по хребтам —
И видит вдруг: навстречу по тропинке
Неспешно поднимается Хатам.

Идет себе вразвалку, по-медвежьи,
Торчит кривой окурок изо рта...
И неуютно стало вдруг Саттару,
Глядит — не понимает ни черта.

Давно они знакомы. Славный парень,
Хоть и порой немножко сумасброд.
Но здесь-то он зачем? Один, под вечер?
И почему так тяжело идет?..

«Салам, Хатам-ака!..»
В ответ — ни слова.
Безмолвно надвигается Хатам.
Кругом — безлюдье. Лишь пугливый ветер
Бежит, шурша, по высохшим кустам.

Глядит Саттар, узнать не может друга:
Сутулый, мрачный... Что случилось с ним?
Вот подошел — и сразу все понятно:
Он просто пьян — так и несет спиртным.

«Ты что молчишь? — знобить Саттара стало. —
Зачем ты здесь? Что у тебя стряслось?..»
Не отвечает. Сплюнул папиросу.
В глазах прищуренных блеснула злость.

Набычась, подошел почти вплотную,
Дохнул в лицо прогорклый перегар...
И вдруг от резкого удара в ребра
К стене гранитной отлетел Саттар.

«Ты что?..» — Саттар понять еще не может,
На всякий случай сбросил с плеч рюкзак,
Но не успел пригнуться, — с дикой силой
Ему скулу разбил стальной кулак.

Еще удар! В плечо вцепился недруг,
Взгляд как свинец, бессмыслен и тяжел.
«А ну, — хрипит, — теперь ответь, мерзавец,
Как ты с моей женою ночь провел?..»

«Постой, Хатам!.. Давай-ка разберемся! —
В отчаянье Саттар кричит ему. —
Поверь!.. Ведь мы всегда друзьями были!..
Не тронул я и пальцем Салиму!»

«Не тронул?.. — бьет истерика Хатама. —
Чтоб я тебе поверил, подлецу?..»
И снова хлещет потною ручищей,
Как мокрою лопатой, по лицу.

Вскипел Саттар. От гнева и обиды
Застлало взор горячей пеленой..
Рванулись, врукопашную схватились —
На выступе в три шага шириной.

Над острыми скал синеет небо,
А далеко внизу ревет поток..
Катается на волосок от смерти
Двух потных тел сцепившийся клубок.

Саттар увертливей, Хатам грузнее,
Зато от злобы вчетверо сильнее —
Вцепился в горло липкой пятернею,
Затылком бьет об острия камней.

Хрипит Саттар. Совсем теряет силы.
В глазах темно... В ушах густеет гул..
Удар!.. Еще!.. И приподнялся недруг —
Рывком Саттара с выступа толкнул.

Но не упал Саттар: за куст схватился —
Сперва одной рукой, потом двумя..
Лишь камни градом в бездну покатались,
По выступам раскатисто гремя.

И на мгновенье — страшное мгновенье —
Он между небом и землей повис,
Как акробат над цирковой ареной,
Одно движенье — и сорвется вниз!

А глянул вверх — захолонуло сердце...
Песок посыпался... Раздался хруст...
Под тяжестью его из тесной щели
С корнями начал выдираться куст.

И оборвался!.. И, раскинув руки,
Свистящий воздух в ужасе обняв,
С последней мыслью: «Неужели гибель?..» —
Он прямо в пропасть полетел стремглав.

Тогда-то из груди его внезапно
И вырвался тот леденящий крик —
Крик жажды, ненасытной жажды жизни,
Что в сердце гор, как молния, проник.

И, в черноту небытия обрушась,
Последнее, что ощутил Саттар,
Был оглушительный удар — слепящий,
Разящий болью, громовой удар!..

. . . . .

Кто в этот миг стоял внизу, в ущелье,
С величием древних гор наедине,
Услышал вдруг два голоса тревожных
Над пропастью, на дикой крутизне.

А после крик — мучительный, протяжный...
И сразу в сердце — затаенный страх...
Гремя, посыпались с обрыва камни,
И все умолкло. Тишина в горах.

XI

БЕЛИЗНА

Который час?.. Едва глаза отроешь —
И сразу тонешь в сонной белизне:
Под белым потолком белеет лампа
И белоснежна марля па окне.

И до сих пор не может он осмыслить
Своей судьбы стремительный обвал —
Как будто сразу, с высоты обрушась,
Он в эту белую постель понал.

На смену ярости, борьбе, мученьям
Спокойствие бездонное пришло,
И даже силы нет напрячь сознание —
Так все вокруг бездумно и бело.

Белы бинты, белы врачи в халатах,
Белы края крахмальных простыней,
И в гипсовые белые доспехи
Он сам закован вот уж сколько дней!

В тупом беспомоществе, как в тьме могильной,
Проходит ночь... А с самого утра
Опять над ним склоняется тихонько
Заботливая Надя-медсестра.

Ему подушку бережно поправит,
Накормит с ложки, сделает укол,
И снова он плывет в белесом море,
Отдав себя волнам на произвол.

Спать, только спать!.. В изломанное тело
Течет густой, томительный свинец,
Как будто он не спал тысячелетья
И может отоспаться наконец.

Лишь изредка всплывут обрывки мыслей
О том, что было, и о том, что ждет...
Но прочь он отгоняет все тревоги —
Знать ничего не хочет наперед.

Пусть лучше снова пелена тумана
Застелет грозной памяти провал...
Но вот из мглы над ним склонился кто-то
И ласково по имени назвал.

Открытый взгляд, венец косы тяжелой,
А брови — словно черная тесьма.
И шепчет он, с усилием, как чужую,
Протягивая руку: «Салима...»

А рядом кто?.. И вдруг пробилась радость
Из памяти — из дальних тайшиков:
Знакомый взгляд внезапно узнает он
Под выпуклыми стеклами очков.

Седая старомодная бородка
И крупные усталые черты,
А на высоком лбу лежат морщины,
Как на обрыве — древние пласты.

«Сергей Петрович!..» — Приподняться хочет
С трудом Саттар, но слышится в ответ:
«Лежи, лежи, голубчик... Поздравляю
Тебя с вторым рождением на свет!

Ну что ж, огромной важности загадку
Ты, кажется, и вправду разгадал!
Не усидел и — сам решил нагряться,
Да вот не знал, что здесь такой скандал..»

А Салима молчит. Прямые брови
Чуть сдвинуты — волнение тайный знак.
Как будто напряженно ждет ответа
И не решается спросить никак.

Потом к нему порывисто склонилась,
В больших глазах тревожно и светло:
«Скажите мне, Саттар-ака... Скажите,
Да как же это все произошло?..»

И снова, с пьяным недругом схватившись,
Саттар упал на каменный карниз,
И снова он, вцепившись в куст колючий,
Над пропастью ревущую повис,

И видит зверское лицо Хатама,
И слышит оглушительный удар...
«Шел над обрывом я... Потом споткнулся...
Вот и свалился...» — шепчет ей Саттар.

И сразу видит, как волна тревоги
Разгладилась на напряженном лбу,
И с горечью внезапной постигает
Ее совсем не легкую судьбу.

И понимает, что еще мгновенье —
И Салима расплачется навзрыд...
Что ж, решено: он этот глупый случай
В ущелье навсегда похоронит.

«Ну и счастливчик ты, — басит профессор, —
Тебе за ловкость приз бы присудить!
Ведь надо же упасть с полсотни метров
И на откос песчаный угодить!

Ну не горюй... Теперь сто лет, наверно,
Смерть не возьмет такого молодца.
А за свое открытие будь спокоен —
Все доведем с тобою до конца!..»

«Спасибо...» — непослушными губами
Саттар улыбку пробует слепить,
И снова мгла неодолимой дремы
Его спешит бесшумно затопить.

Над миром беспредельного покоя
Чуть зыблется густая полутьма,
И дальний голос слышен из тумана:
«Он хочет спать. Пойдемте, Салима...»

Совсем стемнело. Ламп не зажигают,
Лишь голубого света полоса
По потолку течет, да из-за двери
Негромкие сочатся голоса.

Должно быть, выйдя из его палаты,
Попав в уютный, тихий коридор,
Друзья еще немного задержались
И продолжают прежний разговор.

«... Подумать только — что за негодяи!
Да их за это надо всех под суд!
Всё потеряли: и отчет, и карты,
И образцов-то даже не найдут!..»

А Салиме в ответ рокочет глухо
Сергей Петрович: «Ничего, найдем!
А не найдем — так всё начнем сначала
Уже не в одиночку, а втроем...»

Слова дробятся... Путаются мысли...
Как он устал смертельно, как устал!..
То прояснится, то опять мутнеет
Сознания надтреснутый кристалл.

Что дальше говорят, уже не слышно —
Пад головой сомкнулись волны сна...
Как хорошо глаза смежить бездумно,
Какой покой, какая белизна!..

XII

ГОРЫ ЗОВУТ

В то утро встал Саттар, едва светало,
К окну доковылял на костыле,
Раздвинул марлю — и открылись горы,
Застывшие в рассветной полумгле.

И радостно в лицо бросая вызов,
К нему рванулся свежий ветер с гор,
И стало ясно: он к тревогам жизни
Вернулся всем смертям наперекор.

Сто дней прошло, покуда заживали
Нога, ключица, ребра, голова,
«С полгода пролежишь, а то и больше», —
Врачи ему пророчили сперва.

Но дни текли, срастались переломы...
«Как у двухлетнего», — хирург шутил.
И этим свежим утром он впервые
Себя Саттаром прежним ощутил.

Пусть будет он прихрамывать немного
(Об этом знает он от главврача),
Но лишь бы мысль не гнулась, не ржавела
Да кровь была, как прежде, горяча.

Начать сначала? Что ж, начнет сначала.
Ведь он упрямый — не согнешь в дугу.
Но стал хитрей — уже не попадетя
В капкан к золотозубому врагу!

Стоял Саттар, дыша бодрящим ветром,
Следя, как на глазах светлеет высь
И как вершин причудливые грани
Внезапно гордым пламенем зажглись,

И, глядя на любимые громады
В огне зари купающихся гор,
Себя почувствовал орлом ожившим,
Готовым снова ринуться в простор.

Но вот его за локоть тронул кто-то,
Рукой по волосам провел слегка,
И он, не оборачиваясь, понял,
Чья это дружелюбная рука.

А повернулся — и увидел сразу
Знакомых глаз живую синеву,
И теплый трепет в сердце пробудился.
Как ветерок, закравшийся в листву.

Надюша, Надя — золотые пряди
Под белой шапочкою медсестры!
Как хорошо с такой шагать, наверно,
По вероломным выступам горы.

Шагать, сгибаясь под тяжелым грузом,
Шагать, потоки вброд переходя,
И спать в ущелье, под скалой нависшей
Спасаясь от колючего дождя...

А сколько страшных, бесконечных суток
Над ним она бессменно провела,
Когда лежал он, нестерпимой болью
Как будто раскаленный добела.

И после долгожданного укола,
Впадая в белизну и забытье,
Последнее, что каждый раз он видел,
Был теплый, неотрывный взор ее.

Давно он с этим взором породнился,
Давно он это сердце разгадал...
Что учит счастьем лучше, чем страданьем?
А значит, не напрасно он страдал.

Нет, невозможно дважды обмануться!..
И как забилося сердце горячо,
Когда он руку бережно и робко
Впервые положил ей на плечо.

А девушка зарделась и приникла
К его груди, глаза полузакрыв,
Но тотчас на себя же рассердилась
За этот недозволенный порыв.

Сказала строго: «Что за непорядок?
Уже светло, а свет у вас горит.
А ну-ка лягте. Вас пришли проведать.
Спросила, как зовут, — не говорит».

Гость не вошел — протиснулся в палату,
Нескладно, по-медвежьи сел на стул,
Вздыхнув, повел тяжелыми плечами
И лишь тогда из-под бровей взглянул.

Потом развел беспомощно руками:
«Прости... Я не хотел... Такой удар!..
Пришел к тебе... Пусть Салима не знает...
Я понял все... Прости меня, Саттар».

И так чудесно стало вдруг Саттару,
Когда в рукопожатии тугом
Он ощутил большое сердце друга,
Так и не ставшего его врагом.

...А за окном сверкают горы, горы,
Грозят, волнуют, веселят, зовут,
И жизнь к далеким синим перевалам
Уходит, как рискованный маршрут.

ЛЮБОВЬ В ОРНАМЕНТЕ

I

Говорящие камни седой Бухары.
Купол неба, вместившийся в купольный свод,
Неподменно лазоревый колер дворцов,
И сиянье, как будто в них солнце гостит.

Глинобитных дувалов убогий контраст,
Щели улиц, сухие колодцы дворов.
Резко брезжат сквозь них минареты-лучи,
Рукотворные памятники мастерству.

На унылой окраине дом без прикрас,
Точно доля бездольных запечатлена.
А в доме проживает Ахмад Бухари,
И судьба его хуже сварливой жены...
Борода убеленная пала на грудь,
И морщины, как суть бытия, глубоки.
Всякий знает его в Бухаре,
Всякий просится в ученики.
Он искусный изограф — старик Бухари!
Сочетанием линий, раскладом цветов
Изошрился представить саму красоту...

В низкой келье творит ученик Зайнитдин,
И к нему завернул Бухари.
Увидал, как играет на камне лазурь, —
Угадал возбужденных бессонниц плоды.
Близ устода маячил другой ученик —
Прозывали его Самапбек.
Много лет посвятил он тому же труду,
Полагая, что слава — мерило его.

Б у х а р и

Благодарствуй, сынок! Ты течение лет
Не делил за работой на ночи и дни,
И тебе красота отворила окно
И усердью доверилась вечность сама.

З а й н и т д и н

Мой устод! Похвале вашей нету цены
Для меня, кто в начале пути.

Б у х а р и

В переливах тонов узнаю волшебство,
Вижу магию жизни в узорах твоих.
Когда этот орнамент взлетит на портал,
Отразится у зрителей чудо в глазах.
Только гений среди смертных так царственно прост.
Может быть, я не прав, Саманбек?

С а м а н б е к

О, вы правы, устод!
Часто видеть подобное нам не дано —
Обращенные к вечности чувство и мысль.
Всех похвал ты достоин, мой друг Зайнитдин!

З а й н и т д и н

Благодарствуй, мой друг Саманбек!
Но боюсь, ты оценку зависил опять.

Б у х а р и

Есть в искусстве высоком высокий закон —
Отрекись от себя, потрудишься за других!
Ювелиром, поэтом, ученым ты будь,
Будь ты зодчий иль каменотес,
Все одно — ты поденщик на ниве добра.
И когда не оставишь себе ничего,
Ни кровинки рубиновой не утаишь,
И когда ты всего себя делу отдашь,
Когда воздухом творчества станешь дышать.
Вот тогда красота тебе станет служить,
Вот тогда проявятся реченья твои
И работа твоя не истлеет с тобой.
Вечность — это не вскрик пустоты!
Это вознаграждение за истовый труд!

З а й н и т д и н

Право, линия — чудо само по себе.
В сочетании высшую меру найти!

Вот что душу терзает мою,
Вот над чем я так бьюсь и корплю!

Б у х а р и

Как прекрасно твое педовольство собой!
В переставных исканьях мужает творец.
Лишь дурак безупречным себе предстает.
Погляди-ка на этот рисунок, сынок.

С а м а н б е к

Да, по-моему, цвет чересчур изощрен
И насильственно линии здесь сведены.
Соразмерности явно нарушен предел,
Свет и тень обесслены дерзкой враждой.

Б у х а р и

О каком сочетании ты говоришь?
Докажи! Суесловие — грех.

С а м а н б е к

Но об этом вы сами сказали, устод.
Просто ваши слова я хотел подтвердить.

Б у х а р и

О штрихе непрописанном я говорил
И о том, что его довести предстоит,
Ибо путь к совершенству — опять-таки труд.
Совершенно лишь дело, что завершено.
А теперь, мои дети, пожалуйте в дом.
Часитие — славный досуг!

С а м а н б е к (один)

Как всегда, Зайнитдин удостоен похвал!
Я ж в дому у устода который уж год,

Словно место пустое, живу.
Хоть бы тенью вниманья почтили меня!
Нет! Довольно такого житья.
Я — объект порицанья, работы мои —

Недочетов бесславный пример.
Зайнитдин же, напротив, объект для хвалы.
Но в подобном делении есть клевета.
Видно, старый устод справедливость забыл.
Я не то, что работать, я жить не могу!
Отчего Зайнитдин неавидит меня?..

Вышла из дому в этот момент Зульфизар,
Бухари престарелого юная дочь,
Чтоб нисьмом Зайнитдина себя усладить.
Приводил ее в трепет божественный дар,
Восхищение стало привычкой ее.
Как природа, орнамент ее восхищал,
Волновал колорит. Как во сне, Зульфизар
Наслаждается медленно, хочет понять,
Что за тайнопись в этих чертах,
Разгадать, чем полна Зайнитдина душа.
Бесконечности образ дает желтизна.
Синева — это образ бездонных небес.
Сочетание их преисполнено чар.
Зульфизар созывает подруг,
И в безмолвие их повергает узор,
Что на камень нанес Зайнитдин.
И природа, в орнаменте видя себя,
Изумилась своей красоте.
Ну, а юность — близнец красоты.
Несказанная прелесть в девичьей гурьбе.
Зульфизар в окружении милых подруг
Не таится, не прячет лица,
Узнает она в линиях грезы свои.
Зайнитдин наблюдает тихонько за ней,
И волнение девушки внятно ему.
С нею встретиться взором он вышел во двор.
Точно горлинок стая, подруги стоят,
Но шелка прошуршали — и двор опустел.
Зайнитдин с Зульфизар остаются одни,
И влюбленные взоры сошлись.

З у л ь ф и з а р

Я приветствую вас...

З а й н и т д и н

И тебе мой поклон!

Ты неожиданно, как птица, явилась сюда.

З у л ь ф и з а р

За работою вновь не сомкнули вы глаз,
Вы творили, как непревзойденный Манн.

З а й н и т д и н

Это так. Я не в силах был нынче заснуть.
Что ты скажешь? По праву ли это тебе?

З у л ь ф и з а р

Разве может не по сердцу чудо прийти?

З а й н и т д и н

До чудес мне пока далеко...
Впрочем, душу живую я в камень вложил,
Я мечтал его красками животворить,
Я любовь свою тщился ему передать.

З у л ь ф и з а р

Вновь мне ум будоражит мой давний вопрос,
Но его я робею задать.

З а й н и т д и н

Говори. Я найти попытаюсь ответ.
Коли слов не найду, нам поможет устод.

З у л ь ф и з а р

Совершенно владение ваше резцом.
Как взлететь в небеса мастерства?
Кто вам тайны такие открыл?
Может быть, вы мне сможете растолковать?

З а й н и т д и н

Не ошиблась ты, тайное здесь усмотрев.
Я скажу: это магия первой любви.

З у л ь ф и з а р

Слаб мой разум, чтоб это понять.

З а й н и т д и н

Эта магия — ты, и любовь — это ты.
Мир прекрасней тебя никого не родил.
Мог ли я не откликнуться этой красе?

Это ты побуждаешь к искусству меня.
Потому неусыпно работаю я,
Что твой образ лишил меня сна.

Зульфизар-недотрогу смутил Зайнитдин.
Как впервые его увидела она,
Будто разом из тени он вышел на свет.

З у л ь ф и з а р

Что за сладкая боль понимать вас, устод...
Но мертво вдохновение без мастерства.
Мастерством овладели вы где и когда?

З а й н и т д и н

Видит бог, это мудрый вопрос.
Я пространно, но честно отвечу тебе.
Мастерство — это опыт руки и души,
Прихотливость судьбы, что отмерена мне.
Я отвечу. Ответ мой пространен, но прост.
Дар — младенец, покуда художник — дитя,
Но художник отзывчивей прочих детей,
Все вбирает отверзтое сердце его.
И, чем пламенней в юности чувствует он,
Чем сильнее папрягается страстная мысль,
Тем обильней растут вдохновенья плоды.
В первом крике младенца заложен талант,
В первом шаге его коренится росток...
Я мальчишкой ходил в чабапах.
Видел бедность, страдания видел лицо.
Я замешивал глину, пшеницу молот,
Я смотрел, как к скале мощный льнет водопад,
Я смотрел, как в закат обращался восход,
Видел в мареве знойном бескрайнюю степь,
Я следил, как ее обесцвечивал зной,
Сострадал ей, проникся ее существом.
И убогая доля отца моего,
И рыдапья беззвучные мамы моей,
И, как оникс, весной зеленеющий Кеш, —
Все орнаментом стало, и чуда в том нет.

Слышал их Саманбек, соглядатай любви,
Замеревши в укромном углу,
И от зависти в нем выгорала душа.

Все границы приличия он перешел...
Что же, век мне в тени его славы стоять?!
Мастерству его должное я воздаю, —
Он и вправду колдует паргором своим.
Его линии тоньше девичьих волос,
В каждой точке видна завершенная мысль.
Золотыми толпа его руки зовет.
А тебе что за дело до жалкой молвы?
Ты мечтой загорись и на пик заберись,
На вершину, с которой он радость познал!
Почему тебя черная точит тоска,
Будто век заедает он твой,
Будто кисть вышибает из рук?
Поразмысли, приятель, не надо спешить:
Десять пальцев дано ему, как и тебе,
Крепкий стан, чуткий слух, зоркий глаз...
А забыл ли ты слово короткое «дар»?
Не угасла ли божия искра в тебе?
Этой силы не вымолить и не купить,
Не оспорить наличья ее.
Я бездарен! Так, значит, возможно лишить
И последней надежды меня — Зульфирар?
О прелестная, ты не даешь мне уйти!
Ты, не видя меня, преграждаешь мне путь!
Я ж за то, чтобы мельком тебя увидеть,
О порог твой готов себе лоб разможить.
Неужели не внятна тебе моя страсть?
Это кешский колдун баламутит тебя,
Неотесанный нищий мужлап!
И, покуда я память о нем не сотру,
Мне заказан покой...

Зависть, ты червоточина рыхлой души...

О искусство! Как в толщу свою океан,
Ты к себе допускаешь любого ловца,
И, по мере отваги, по складу души,
Каждый жаждет жемчужину здесь отыскать.
Все богатства ничтожны в сравнении с тобой,
О искусство! Всесилен пришедший к тебе
По таинственной неисследимой тропе,

Где покоятся в недрах сокровища чувств,
Красота хоронится в громадных пластах,
Сонмы образов в воздухе растворены.
Тот творец перейдет перевал,
Кто отыщет свой личный, единственный путь.
Кто не славы взыскует, а ищет себя.

Из укрытия вышел во двор Саманбек,
Громко кашляя, дабы замеченным быть.
Дверь захлопнулась за Зульфизар в ичкари,
Зайнитдин растерявшийся остолбенел.

С а м а н б е к

Я покорно прошу извинить,
Что прервал изливания трепетных чувств.

З а й н и т д и н

О, отнюдь! Наша встреча случайной была.
Но умом этой девушки я восхищен!
Ей доступен искусства магический смысл,
И она его алчет постичь.

С а м а н б е к

Занимайтесь оценкой созданий своих,
Ну, а это создание оставьте другим.
Как бы не закружилась головка ее...
Материал целомудрия хрупок весьма.
Вот прознает устод... Бури не миновать!

З а й н и т д и н

Подозрения подобные к делу нейдут,
Ваши мысли как будто змеиный клубок.
Неужели до этого вы пизвели
Отношения между людьми?
Говорили о творчестве мы с Зульфизар.
В этой теме не вижу нечистого я.

С а м а н б е к

Мне сомнительно, что соблазнительный пол
Обладает способностью здраво судить
О гармонии, зиждящей купольный свод.
Вы открыли, наверное, новый закон,
Утверждая, что жепщине разум присущ.

З а й н и т д и н

Как превратно о женщине судите вы!
Ее разум могуч, но не может взлететь!
Будто птица в неволе, он вынужден жить.
Но бахвальством испорченный разум мужской
Уступает во многом ему.

С а м а н б е к

Колебание воздуха — ваши слова.
Уготовано женщине богом-творцом
Ублажать и лелеять мужчин.
Полно попусту речью сорить
И рядить о предмете, что ясец, как день.
Вы признайтесь-ка лучше, что, страстью горя,
Зульфизар объяснялись в любви!

З а й н и т д и н

Если вам любопытно, я вновь повторю,
Повторю, если знать это надобно вам:
Я люблю Зульфизар больше жизни моей,
Для меня в этой девушке смысл бытия.

С а м а н б е к

Это к истине ближе. Другой разговор.
Для чего же, по-вашему, я
Столько лет обиваю вот этот порог?
Знайте: вы попираете волю отца,
Под чужое добро подставляя мешок.
И, покуда пезыблем еще шарнат,
Зульфизар предназначена мне!

З а й н и т д и н

Предоставим решение самой Зульфизар.

С а м а н б е к

Там посмотрим, кто будет решать!

И

Реку жизни питали бурливые дни.
У художника время свое.

Зайнитдин извлекал из камней цветники,
Их, немых, вдохновенно учил говорить,
И соперничал красками с небом весны,
И к нему минареты стремил.
Кружевные порталы, лазурь куполов.
Город в городе встал. Бухара в Бухаре.
Мастерству поклонился народ,
Имя мастера мир затвердил.
Виртуозным искусством пленился Герат,
Восхитился Табриз, и Дамаск, и Халаф.
Разносили окрест караваны купцов
Весть о зодчем-кудеснике из Бухары.
Наконец Самарканда достигла молва,
Подхватила дворцовая челядь ее,
И явился к художнику потный гонец
И приказ Тамерлана ему передал:
В Самарканде не мешкая быть,
Где затеял Тимур изумить целый свет.
Пусть паргором плетет Зайнитдин кружева,
Чтобы мир в изумленьи руками развел.

Высочайший указ — высочайшая честь,
И разлуки великая боль.
Приближалась она, и страдал Зайпитдин,
Будто день своей смерти узнал.
Но не просто приказ — Высочайший указ
Отдан был. Кто посмест перечить ему?
Ну, а, может, удача маячит ему?
И судьба указывает великую цель?
О любимая! Мне ли покинуть тебя?
Без тебя я как ветвью отторгнутый лист.
Но прощание близится — выбора нет.
Еду! Дай мне папутствие старый устод.
Будет мать моя стариться в доме пустом...
Как смогу я не видеть родного лица?
Но тебя, — о любимая! — не ощущать
В двух шагах от себя твой неслышимый шаг!
Радость духу дала ты и гибкость рукам,
Вот и стал мне послушен резец.
Буду жаждать вдали от источника сил...
Чем, чужбина, ты встретишь меня?

Так меж двух он метался огней.
И в какой ему броситься, выбрать не мог...
Но свидание мукам итог подвело,
И в слезах Зульфизар проводила его,
На дорогу далекую благословив.

З у л ь ф и з а р

Милый друг! Да не смеркнется вапа звезда!
Да не застит уныние света души!
Столько лет обещаю надеждой я жить,
Сколько наша разлука продлится, мой друг.
Сердцу, принадлежащему вам,
Я не дам захиреть от тоски,
Пашу честь сохраню я и пашу любовь.

З а й н и т д и н

Так и будет, о счастье мое!
В день прекрасный настанет разлуке конец.
Ты со мною во сне, ты во мне наяву
И в душе у меня навсегда.
Так закончился краткий свидания миг.
Поутру был художник в пути...
Ну, а что Самапбек? Самапбек хохотал...
Не вмещалось в подлунную счастье его.
Перед ним расступилась глухая стена.
И под смеха его сатанинский раскат
Содрогнулась душа Зульфизар.

III

Самарканд воздвигает тщеславный хромец.
Строит город, который ни с чем не сравним.
Мир среди мира — Тимура престол!
И вершина величия — Шахи-Зипда.
Будут стены его, как небесная твердь,
Будут краски мелодией горной звучать.
Пыль столетий не в силах затмить этот цвет.

Эти стены надут, если небо падет!
Камни ожили в красках, застллись изразцы.
Это запечатленье узбекской весны.
И ее воссоздали Араб и Аджам,
Руку к ней приложили и Кеш и Насаф,
Ее пишут наследники славы Мани.
О размахе таком по дерзали мечтать
Сасанидов века, саманидов века...
Мавзолея свои озирает Тимур.
Пусть завидуют сильные мира сего.
Он столицу задумал, и он воплотил!
Пусть во веки веков удивляется мир.
Пусть же в пото лица все народы Земли
Неустанно работают здесь,
Возят тачки с землей и подносят кирпич,
Оправляют в ступени подъем.
Побратались тут резчик и каменотес,
И для фресок готов алебастровый грунт.
Капители, карнизы орнамента ждут,
Мастера уже входят в азарт:
Вот индийские зодчие. Невдалеке
Мастера из Араба, и шесть им числа,
Выделяется всюду иранский резец.
И прислал сюда лучших сынов Анджиан,
Город Кеш, Бухара и Ташкент.
Свет очей, что превысил бы тысячу солнц,
Две зимы и два лета подряд
Верховодит работою здесь Зайнитдин.
Полной мерою неуголенной любви
Напитал он свои изразцы.
День и ночь на лесах у портала корпит
Главный мастер. Возделывать каменный сад
Принялся. Совершить этот труд
Все равно, что иглою дорить до воды.
Насыщается цветом портал.
Это песнь одинокой и пленной души.
Уповает она, изнывает она
И на камне свои оставляет следы,
Будто перья диковинных сказочных птиц.
Светлых арок проемы встают, что ни день,
Притягателен воздух пролетов сквозных,
Иноземцы не сводят завистливых глаз
С этой сказки пространства. У всех горожан

Это чудо из камня теперь на устах.
Да и как не дивиться тебе, человек!
Барабаном ли купола, аркой моста
Не с одной современностью ты говоришь —
Простираешь в грядущее мысль.
И стоит Зайнитдин на высоких лесах.
Он о пище забыл, он не тронул воды.
Духа тайный источник питает его,
Пробиваясь наружу, как вольный родник.
— Кровь моя в жилке-линии каждой течет.
Взоры томпые юной моей Зульфизар
Пыл любви моей преобразуют в пожар.
Мой соперник в любви и искусстве — Мани.
О любимая! Каменный этот дастан
Постигая, постигнешь ты душу мою.
Снизу машут призывно друзья,
В пиалы наливают живительный чай.
Утомленный художник спускается вниз.
Он улыбкой — с друзьями, душой — далеко,
Но минуте общения искренне рад,
Ибо волны общения топят печаль.
Он товарищам боль открывает свою,
А в глазах у него — все виденье одно:
Стан стройней кипариса и дуги бровей,
Профиль, месяца тоньше, и перлы зубов,
Страстный взор, мыслей сдержанность и чистота,
И, как проблеск зарницы, стремительный ум.
То грустит, то смеется. И грезит джигит,
Как вином, опьяняя любовью себя.
И делает в сознание единственный миг —
Их последнюю встречу. Те несколько слов,
Что, играя концами змеистыми кос,
Задыхаясь, успела промолвить она:
— Вам вручаю влюбленное сердце свое
И клянусь незапятнанной верностью хранить.

* * *

О любовь! Ты — орбита движения душ,
Этот трепет несякнуций, смуту в сердцах
Не возмог доказать и исчислить мудрец,
Никакой толкователь не истолковал.

Эту слезную влагу, что Кайс источал,
Прожигая тоски раскаленный песок,
И Фархада жестокий удел
Никакая наука не в силах постичь...
И покуда душа в человеке жива,
Эта сила чудесная движет ее.
И потомки от предков ее переймут,
Новым высветят светом, и песней пной
Воспоют, и оплачут на новый манер,
Но в любом из обличий ей имя — любовь.

Канут месяцы, и расточаются дни,
Завершится отделка последним штрихом,
Отпечатает ультрамарин,
Цвет фиалки покажет и ультрамарин
Мир мечты Зайнитдина и братьев его.
Нестерпимо блистанье, а глаз не отвести.
Зайнитдин подгоняет последние дни.
Может, скоро он сможет вернуться домой.
Коль внимания сильных сподобится труд,
Коль о мастере вспомнит забывчивый двор.
Может быть, справедливость на свете жива.
В Бухару, где томится его Зульфизар,
Полетит он на радужных крыльях любви,
Поцелует устода полу,
Мать избавит от новых морщин.
Ароматным напитком он плоть поддержал
И заветной надеждою дух укрепил.
Чтобы радостным глянцем сияла глазурь,
Мастер снова взошел на леса.

* * *

Пынце бубны с карнаями тяжбу ведут,
Кто мощней содрогнет небеса.
Все подходы обстал любопытный парод,
Под сарбазами пляшут и ржут скакуны,
И начальники разубрались в банорас,
Точно молятся люди резному щипцу.
Все дома в Самарканде сегодня пусты.
Соглядатаев выслали Рум и Кигаї,
Хитроумные персы, Москва и Ирак,

Собрались пилигримы, послы и купцы
Потрясенно глядеть на поливный узор,
Словно ждали подобного чуда века,
Словно оникс явил темный смысл бытия,
А лазурь прояснила вселенной судьбу.
Оценив впечатления всех знатоков,
Зайнитдина саркар подозвал,
В похвалах рассыпался, не зная границ,
До художника бедного он снизошел.

С а р к а р

Об искусстве твоём не случайна молва.
Поведитель подлунной доволен тобой.
Ты, бесспорно, достоин подобных щедрот.
Не стесняйся в желаньях своих
И высокую цену проси, —
Этим ты при дворе никого не смутишь.

З а й н и т д и н

Благодарен, саркар. Я уменье своё,
Не припрятав ни капли, вложил в мавзолей,
Но ни славы, ни денег не жду, ни чинов.
В мой орнамент не впишется блеск золотой.
Два источника дара — устод и народ —
Воспитали мое мастерство.
Я хотел лишь вернуть, что от них получил.
Если этот лазурный фронтон
Оплатил на десятую долю мой долг,
Значит, цели своей я достиг.
Об одном я мечтаю, прошу об одном:
Предоставить мне право уйти в Бухару,
А иная награда безрадостна мне.
Скрыл улыбку саркар, головой покачал:
Благородства художнику не занимать,
Но лишит себя счастья, богатства лишить...
Нет в корысти греха — мир на этом стоит.

С а р к а р

Никого твоя просьба не обременит,
И никто не намерен тебя задержать.
Я ручаюсь за это, джигит!

З а й н и т д и н

Доброта да прославится ваша в веках,
Да возвысятся ваши чины!

С а р к а р

Не забудь же, что ты приглашен во дворец,
Где владыка невиданный пир задает.
Ибо сооружение завершено.
После праздника мы распростимся, джигит.
Будь уверен: не сгинет твоя Бухара.

IV

Пированье в разгаре в Баги Бихишт.
Не предвидится этому пиру конца.
Под Тимуром незыблемый трон золотой,
И пестрит многоцветье парчи,
Точно кровью пропитан иранский ковер.
Здесь дивана глава и сановник большой,
Власть пред властью кичится и чванится здесь,
А на женских нарядах нельзя отыскать
Не украшенный перлом лоскут.
Кто не хочет быть званым на этакый пир?
Здесь убранством одним будешь сыт ты и пьян,
Но играет вино в хрустале, как рубин,
Лица пьющих спешат его цвет перенять.
Здесь на каждого гостя по дюжине слуг.
Бьется в мрамор бассейна фонтана струя,
Хвост павлиний закрыл позолоту стены,
Вторят наю и дафу здесь уд и гиджак,
Музыканты оглохнуть рискуют всерьез.
То мотив удалой, то печальный мотив,
И ему отвечает газелью поэт.
Песни в небо взлетают — им тесно в стенах.
И светильники тени перовно кладут.
Занавешены бархатом окна дворца.
Извиваются стапы танцовщиц пагих,
То обнимут их косы, то реют вокруг.
Апшеронские девы с бровями вразлет.
В пол-лица у армянок очей темпота,

Крутобедрые дочери гангских долин
И красавиц Аравии томная стать.
За мозаикой тел похотливо следят
Возбужденные гости. Среди них Зайшитдин.
Он чужой для веселья. Неловок, песмел,
Но в душе его необъяснимый покой.
Так, должно быть, себя ощущает газель,
Увернувшаяся от стрелы,
Так беспечен фазан, избежавший силка.
Зайшитдин не в сегодня, а в завтра живет,
И его не вино, а надежда пьянит.
Лишь два слова сверлят его мозг:
«Бухара, Зульфизар... Зульфизар, Бухара...» —
Он единственный пиру желает конца.
Удостоился милости резчик простой,
Точно равный, сидеть среди тучных вельмож.
Но вернется он завтра к собратьям своим,
Он вернется туда, где пиров не дают,
Где смиренно вкушают убогий кусок,
Ибо знати кормильцы всегда голодны,
Ибо правит нужда за стенами дворца.
Ну, а здесь достигает неистовства пир,
И танцовщицы юные утомлены,
И улыбки дрожат на устах,
Как дрожат лепестки, прежде чем облететь.
Вдруг бухарской мелодии слышится звук,
Одалиска, вся в белом, врывается в круг.
Как искусно небрежна прическа ее
Цвета ночи, которой неведом рассвет.
Беззащитна и хрупка, как будто дитя,
И с агонией схожи движенья ее.
Волочит, словно птица-подранок, крыло.
Кто же внес в ликование ноту тоски?
Боже правый, ужели?.. Но те же глаза,
Та же пластика, абрис бровей...
Точно молнии жало пронзило его!
Очевидность догадки. Ужели, творец!
Ты ужаснее игрища не затевал!
Мир колеблется, как у хмельного, в очах,
Но душа не колеблется более... Да!
Это явь, что страшнее стократ миража.
Резчик сделал навстречу танцовщице шаг,
От неслыханной дерзости замер дворец.

З а й н и т д и н

О, моя Зульфирар! Подтверди, что я сплю,
Что иначе не мог бы тебя лицезреть!

З у л ь ф и з а р

Вы не спите, мой милый!.. Великий аллах!
Я недаром молила о встрече тебя!

З а й н и т д и н

Что за сила втянула тебя в этот круг?

З у л ь ф и з а р

Человеческой подлости узел тугой.

З а й н и т д и н

Чем же ты провинилась, моя Зульфирар?

З у л ь ф и з а р

Виновата, должно быть, что вас я люблю,
И за это меня изловили в силки,
Но неведомо им, что нет уз для любви!
И стенанье исторг мой несчастный отсц
И, рыдая, из мира слепого ушел.

З а й н и т д и н

Боже правый! Но кто на тебя посягнул?
Кто сломал твои крылья? Скорей назови!

З у л ь ф и з а р

Перед вами бесстыдные эти ловцы,
Эти воры певичности и чистоты,
Эта скверна и мерзость в шитье золотом,
Этот звероподобный и пакостный сброд!

Смрадно дышит и пьяно икает дворец,
И шатается трон, будто он захмелел.
Ты откуда тут взялся, бесстыжий смутьян?
Как собаку ни гладь, поровит укусить!
Смотрит, точно очнувшись, вокруг Зайнитдин,
И во взгляде — столетий скопившийся гнев,
Как кинжал, он проходит насквозь
Безучастную окаменелость сердец.

Очень скоро постиг негодяй Саманбек,
Что ему Зульфизар не видать,
И в отместку за неразделенную страсть
Продав девушку он во дворцовый гарем.
Он протиснулся к трону меж тысячью ног,
Чтоб прильнуть к охромевшей жестокой ноге,
И, змеей пресмыкаясь, добился чинов.
Жертва низкой интриги, стоит Зульфизар,
Изваяньем поруганной чести стоит,
Не сводя с Зайнитдина тускнеющих глаз.

З а й н и т д и н

Ангел мой безгреховный! Скорее бежим!
Прочь из скопища подлости, прочь!

З у л ь ф и з а р

Об одном лишь горюю, о мой Зайнитдин!
Что познать мне не выпало вашей любви.

З а й н и т д и н

Что ты, что ты! О чем это ты говоришь?

З у л ь ф и з а р

Приведет в исполнение судьба приговор
Надо мной, чья невинность затоптана в грязь.

З а й н и т д и н

Отрешись от плохого — плохое прошло.
Ты со мною, ко мне ты приговорена.

З у л ь ф и з а р

Поздно, милый! Я выпила яд,
И теперь у него я в плену.
Расстаемся до Судного дня, мой джигит!
И уж этой разлуки ничто не прервет...

Будто сломанный стебель упал на ковер,
Будто слабый огарок сгоревшей свечи.
И во мрак погрузился божественный свет,
И туман мироздание вмиг поглотил.
Зарыдал Зайнитдин. И за каждой слезой
Пролетал нестогорасмый огненный след.
Зарыдал он над трупом любимой своей:
— Проклинаю того, кто, глумясь,
Вековечное кладбище жизнью назвал!
Можным эхом рыданью откликнулся смех,
Он чудовищной музыкою прозвучал.
Это торжествовал Самаибек.

Так мгновенная молния дерево жжет,
Что питалось корнями от вечной земли.
Но не дерево пало — художник погиб,
И убита великая эта любовь.
Но осталось в орнаменте имя творца,
— Зайнитдином сработано, — так сквозь века
Возглашает прекрасный портал.

СОДЕРЖАНИЕ

С Т И Х И

- 5 Человек. Перевод *Я. Серпина*
- 6 «Как много солнц пылает во Вселенной...» Перевод *Я. Серпина*
- 7 В кабинете Ленина. Перевод *С. Северцева*
- 8 Дом. Перевод *Я. Серпина**
- 9 Когда встречаются глаза. Перевод *С. Северцева*
- 10 «О родные сердца — мать, супруга, сестра...» Перевод *С. Северцева*
- 11 «Зима... Лукаво щиплет мороз...» Перевод *С. Северцева*
- 12 «Ты мыслишь так стремительно порой...» Перевод *Я. Серпина*
- 13 Хлопок. Перевод *Я. Серпина**
- 15 Ночь на бахче. Перевод *А. Наумова*
- 16 Сердце поэта. Перевод *Я. Серпина**
- 18 «Я сын стремительного века...» Перевод *Я. Серпина*
- 19 Поиск. Перевод *Я. Серпина**
- 20 «Когда ты рядом, мне открыто...» Перевод *Я. Серпина*
- 21 Просьба. Перевод *Я. Серпина**
- 22 Поэзия. Перевод *Я. Серпина*
- 23 «Вы радость звонкую мою...» Перевод *Я. Серпина*
- 24 Атлантика. Перевод *Я. Серпина**
- 26 Сенегальский танец. Перевод *А. Наумова*
- 28 Встреча. Перевод *Я. Серпина*
- 30 «В Калькутте сохранился дом Тагора...» Перевод *Я. Серпина*
- 31 Таджмахал. Перевод *Я. Серпина**
- 32 Индийская красавица. Перевод *Я. Серпина*
- 33 Новый день. Перевод *Я. Серпина*
- 34 Чадак. Перевод *Я. Серпина**
- 35 Дорога. Перевод *Я. Серпина*
- 36 «Неделя как без видимой причины...» Перевод *Я. Серпина*
- 38 Глаза. Перевод *Я. Серпина*
- 39 Море. Перевод *Я. Серпина*
- 40 Земля. Перевод *Я. Серпина*
- 42 Ждут соловьи рассвета. Перевод *Я. Серпина*
- 43 «Ни хитростью, ни похвалюбою...» Перевод *Я. Серпина*

- 44 «Нет слов, чтоб передать величье ночи южной...» Перевод *С. Северцева*
- 45 В кустах чернотала. Перевод *Я. Серпина**
- 47 Девичьи слезы. Перевод *С. Северцева*
- 48 «Был в Аккургане на исходе лета...» Перевод *Я. Серпина**
- 49 «Наука ныне стала всемогущей...» Перевод *Я. Серпина**
- 50 Хива. Перевод *Я. Серпина**
- 51 «Только речке, рожденной высоко...» Перевод *А. Наумова*
- 52 Природа и люди. Перевод *А. Штейнберга*
- 53 Ферганский базар. Перевод *С. Северцева*
- 55 Новорожденный. Перевод *А. Штейнберга*
- 56 Небо и сердце. Перевод *С. Северцева*
- 57 «Миллиардами звезд небо смотрит...» Перевод *С. Северцева*
- 58 «Сумел постичь всемогущий человек...» Перевод *Я. Серпина**
- 59 Художник. Перевод *Я. Серпина*
- 60 «Часы растут из крохотных минут...» Перевод *Я. Серпина**
- 61 «Чтоб жизнь понять...» Перевод *Я. Серпина**
- 62 Читая Фирдоуси. Перевод *Я. Серпина**
- 63 «Все на земле глубоким сном объято...» Перевод *Я. Серпина**
- 64 Снег. Перевод *Я. Серпина**
- 65 Фазан. Перевод *Я. Серпина**
- 66 Ручей. Перевод *Я. Серпина**
- 67 Уже апрель. Перевод *В. Цыбина*
- 68 Переключка птиц. Перевод *Я. Серпина**
- 70 Луноход. Перевод *Я. Серпина*
- 71 Вечный огонь. Перевод *Я. Серпина**
- 73 «Я стою на берегу морском...» Перевод *Я. Серпина**
- 74 «Втянулись в парк последние трамваи...» Перевод *Я. Серпина**
- 75 «Вплывали тучи в небеса...» Перевод *Ю. Окунева*
- 76 Признание. Перевод *Я. Серпина**
- 78 «Дочь севера у мира на виду...» Перевод *Я. Серпина**
- 79 Новогодний тост. Перевод *Я. Серпина**
- 81 «Лил дождь...» Перевод *Я. Серпина*
- 82 Надпись на Шахи-Зинда. Перевод *Я. Серпина*

- 83 В Алма-Ате идет сегодня снег. Перевод *Я. Серпина*
85 Эстонский подарок. Перевод *А. Наумова*
86 Стихи и свет. Перевод *Я. Серпина*
88 Кара-Алма. Перевод *Я. Серпина*
90 Я снова здесь. Перевод *Я. Серпина*
92 Майское. Перевод *Р. Фархади*
94 «Добра хотим мы людям...» Перевод *Я. Серпина*
95 «Отмечен в жизни каждый человек...» Перевод *Я. Серпина*
96 «Хочу я, чтоб свободны были строки...» Перевод *Я. Серпина*
97 «Мир истинный поэзии широк...» Перевод *Я. Серпина*
98 Осень. Перевод *Я. Серпина*
100 Неповторимость. Перевод *Р. Фархади**
102 «Блаженствуй, сердце...» Перевод *Я. Серпина*
103 Бабур. Перевод *Я. Серпина**
105 Легенда о Авиценне. Перевод *Я. Серпина**
107 Баллада о поэте. Перевод *В. Липко*
113 Серебряный бубен. Перевод *С. Северцева**
114 «Сухая степь...» Перевод *Я. Серпина*
115 Звезда. Перевод *Я. Серпина*
117 Ты просишь сердце у меня? Перевод *Я. Серпина*
118 Иссык-куль. Перевод *С. Северцева*
119 Зумрад. Перевод *С. Северцева*
120 Амударья. Перевод *С. Северцева*
121 Дороги. Перевод *С. Северцева*
122 К вершинам. Перевод *С. Северцева*
123 Форос. Перевод *Я. Серпина**
125 «На неглавное в жизни...» Перевод *Я. Серпина**
126 «Взгляни на поток...» Перевод *С. Северцева*
127 «Он слепо свыкся с мыслью сокровенной...» Перевод *Я. Серпина**
128 Часы и сердце. Перевод *С. Северцева*
129 Люби жизнь. Перевод *С. Северцева*
131 Костер дружбы. Перевод *А. Наумова*
133 В аэропорту. Перевод *А. Наумова*
134 Ташкент. Перевод *Я. Серпина*
135 Вишни. Перевод *Я. Ильясова*
136 Писцы. Перевод *А. Наумова*
138 «Прав поэт...» Перевод *С. Северцева*
139 «Рубаб на заре...» Перевод *С. Северцева*
140 Рабочий. Перевод *А. Наумова*
144 Берды-ага. Перевод *Я. Серпина**

- 145 По долинам бродит весна. Перевод *В. Цыбина*
147 Герой. Перевод *А. Наумова*
149 Бухенвальд. Перевод *Я. Серпина*
150 В мавзолее Димитрова. Перевод *Я. Серпина**
151 «Преданье говорит о том, что бог...» Перевод *Я. Серпина**
152 Баку. Перевод *Ю. Окунева*
153 Мукаррам. Перевод *В. Цыбина*
155 Мелодия «Чули ирок». Перевод *В. Цыбина*
157 Осколок лазури. Перевод *А. Наумова*
158 Граница юности. Перевод *А. Наумова*
159 Пожелание дочери. Перевод *Я. Серпина**
161 «Осень, осень золотая...» Перевод *С. Северцева*
162 О красоте. Перевод *Я. Серпина**
164 «На вороном коне...» Перевод *Я. Серпина**
165 Жажда. Перевод *Я. Серпина**
166 Мой книжный шкаф. Перевод *С. Северцева*
168 Русский язык. Перевод *Я. Серпина**
170 Ода огню. Перевод *Я. Серпина**

ПОЭМЫ

- 173 Песня Каршинской степи. Перевод *С. Сомовой*
181 Памятник на селе. Перевод *Я. Серпина*
189 Голоса в горах. Перевод *С. Северцева*
230 Любовь в орнаменте. Перевод *М. Кудимовой**

Джуманияз Джаббарович Джаббаров

РОДНОЕ ТЕПЛО

СТИХИ И ПОЭМЫ

Перевод с узбекского

Редактор *И. В. Залецкая*

Художественный редактор *А. Пономарев*

Технические редакторы *Э. Саидов, Т. Смирнова*

Корректор *Л. Лебедева*

ПБ 1932

Сдано в набор 24.05.82. Подписано в печать 21.9.82.
Формат 84x100^{1/32}. Бумага № 1. Обыкновенная
новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ.
л. 12,48. +0,48 вкл. Уч.-изд. л. 10.14+044 вкл.
Тираж 10000. Заказ № 1492. Цена на мелованной
бумаге 3 р. 10 к. Цена 1 р. 60 к.
Издательство литературы и искусства имени Га-
фура Гуляма. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Полиграфкомбинат Ташкентского полиграфиче-
ского производственного объединения «Матбуст»
Государственного комитета УзССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Ташкент, ул. Навои, 30.

Джаббаров Д.

Родное тепло: Стихи и поэмы (Пер. с узб.). — Т.: Изд. лит. и искусства, 1982. — 256 с.

Видному узбекскому поэту Джуманизу Джаббарову исполнилось пятьдесят лет. Первый свой сборник Дж. Джаббаров выпустил почти три десятилетия назад.

В переводах на русский язык вышли книги «Взаимость», «Голоса в горах», «Раздумья в пути», «Костер дружбы». Ныне издающийся сборник наиболее полно представляет творчество поэта.